

ДАРЬЯЛ

2

2024

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

250 ЛЕТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ОСЕТИИ К РОССИИ

240 ЛЕТ ВЛАДИКАВКАЗУ

100 ЛЕТ АВТОНОМИИ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

ВЛАДИКАВКАЗ

2 • 0 • 2 • 4

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

**Редакционный
совет:**

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

2'2024

(181)

МАРТ-АПРЕЛЬ

**Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-58-10
54-38-04**

**e-mail: darial@darial-online.ru
http: www.darial-online.ru**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 30.04.2024.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15 + 1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 207. Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

Цена свободная

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	4	Андрей ЕРМОЛАЕВ. Наидрагоценнейший. <i>Рассказы</i>
	24	«Они рифмуются: поэзия — Осетия». <i>Стихи</i>
	32	Тамерлан ТЕГАЕВ. Детские ботинки. <i>Повесть (окончание)</i>
	54	Владикавказские бейты. <i>Стихи</i>
	62	Артур ЦЕРЕКОВ. 33 и $1/3$. <i>Рассказ</i>
	82	«Осетия пахнет разлукой». <i>Стихи</i>
	88	Лариса ГАППОЕВА. Куда уходит детство. <i>Рассказ</i>
	100	Наталья СОБОЛЕВСКАЯ. Ночи Севильи. <i>Рассказ</i>
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА	104	Руслан БЗАРОВ. Об историческом контексте. <i>Предисловие к книге «Аланское посольство в России»</i>
СРЕДА ОБИТАНИЯ	112	Марина ПЛИЕВА. От клуба декабристов к театру «Сабии»
	120	Лана ХУБАЕВА. Моздокское Кирилло-Мефодиевское училище
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ	129	Герман ГУДИЕВ. «Рожденный в Дели...»
ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ	130	Ольга РЕЗНИК. Владикавказские этюды
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА	154	Саукудз ТХОСТОВ. Путевые очерки Ирона. <i>Отрывки из книги</i>
	172	Аслан-Бек ДЗГОЕВ. Оглядываясь назад. <i>Воспоминания</i>
ЛИТЕРАТУРА СВИДЕТЕЛЬСТВА	202	Бимболат БТЕМИРОВ. «Я потерял свое имя...» <i>Воспоминания (продолжение)</i>
АВТОРЫ НОМЕРА	238	

Андрей ЕРМОЛАЕВ

НАИДРАГОЦЕННЕЙШИЙ

РАССКАЗЫ

Арт не установленного автора из открытых источников

ПАМЯТЬ О СЧАСТЬЕ

В девятом классе моя мечта приобрела конкретный архитектурный облик — так выглядело здание лабораторного корпуса Северо-Осетинского государственного университета.

Я попал туда после участия в нескольких школьных биологических олимпиадах. Гидролог Инна Ивановна Карнаухова обращалась к нам, школьникам, на «вы», что искренне потрясало меня.

Во мне до сих пор оживает благоговейный восторг от воспоминаний о столах с биноклярными лупами, о блеске приборных и покровных стекол... и о том мгновении, когда в поле зрения с набором резкости возникало изображение личинки поденки, похожей на обитателя космоса.

Я вслушивался в каждую интонацию Инны Ивановны, и как-то раз на занятии в моей тетрадке появился рисунок поденки. Судя по тому, как его через мое плечо разглядывали студенты, он вполне удался. Помню, Инна Ивановна спросила, были ли мы в зоологическом музее. Что внутри университета может быть музей, мне не приходило в голову; из меня, как выдох, вырвался встречный вопрос:

— А где он находится?

Тогда мы вышли из кабинета и, пройдя несколько шагов дальше по коридору, остановились перед стеклянной перегородкой с дверью посередине. До сих пор помню, что ключ в замке сделал два оборота.

Музей занимал весь проход одной из четырех сторон здания. Коридор был ярко освещен солнечным светом, падающим из окон с южной стороны; на северную же уходили комнаты музея.

Карманные деньги, которые давала мне бабушка, я неизменно тратил на покупку билетов в филиалы краеведческого музея города. Мне представлялось, что тамошние экспозиции природы были потрясающим богатством. И вот, уже бродя по отделениям зоологического музея, я будто выходил из одной сокровищницы только для того, чтобы попасть в следующую, еще более удивительную. Музей природы казался просто моим школьным карманом, где лежали монетки «на мороженое». Так делаются мечты. Я почувствовал жгучую зависть к тем счастливым, которые ходят по этим паркетным полам, открывают эти двери, смотрят в эти биноклярные лупы. Ребята на этом этаже поразительно отличались от моих одноклассников — в поведении, в манере разговаривать, даже смех их звучал более... естественно, что ли.

И я твердо решил, что это то место, где можно быть окончательно счастливым. Это ощущение сохранялось во мне в течение всех месяцев подготовки. Вместе с папой я штудировал пункты вопросника по предметам вступительных экзаменов на отделение биологии. Сейчас вспоминается, что все это время я специально не смотрел телевизор, не ходил в кино, не читал книг. Так, полагал я, знания не сдвинутся в моем сознании и будут готовы ко дню экзамена. Это была своего рода аскезы; думаю, современники могут сравнить это с отказом от использования возможностей их айпадов.

В год поступления количество студентов на курсе было уменьшено в два раза. Это прибавило драматизма во время моего мозгового штурма.

Мне приходилось видеть людей, на протяжении всей жизни подверженных соблазнам подросткового возраста. Я уподоблял их насекомым с неполным превращением: всю жизнь одного облика, только размеры меняются... А ведь были люди, получающие с новым опытом и знаниями совсем другую судьбу. Таких я сравнивал с насекомыми с полным превращением: был гусеницей, теперь — летает. Я объяснял себе, что, ставши студентом, я открою для себя возможности превращения в кого-то с новыми для меня качествами. Но не мог понять — в кого.

Во время «колхоза» (так называлась организованная в стране помощь работникам сельского хозяйства) я перезнакомился со всеми ребятами, которые учились на четырех курсах, и даже с некоторыми пятикурсниками, заехавшими к нам на денек.

Вернувшись в университет, я обнаружил, что в зоологическом музее есть сотрудники. Человек, сделавший многие чучела в экспозиции «Животный мир ландшафтов республики» и даже написавший красками пейзажные панорамы как фон к экспонатам, работал хранителем музея. Это был Камболат Федорович

Бекоев. Его сын Алик был пятикурсником на биологическом отделении.

Всякий раз, когда я заходил в музей, меня не покидало ощущение счастья. Таксидермические работы, которые выполнял Камболат Федорович, были для меня непостижимым мастерством. Я вписывал в записную книжку те фразы, которые он говорил, обсуждая работу с сыном. Я решил запомнить названия всех птиц в отделе орнитологии. Для этого лучше всего подходил большой перерыв после четырех часов лекций. Примите во внимание, что интернет еще не был введен в обиход, поэтому моему самообразованию помогали исключительно экспозиции городского музея природы. А здесь небольшие экспонаты можно было взять в руки. У входа в комнату отдела орнитологии привратником стояло чучело императорского пингвина. Но самым большим наслаждением было следить за таинством работы Бековых.

И вот как-то раз в угодьях заказчика отстрелили ослепшего зубра. На кафедру зоологии привезли его голову, чучело которой было решено установить на медальоне. Таксидермические работы начались в тот же день, когда огромную голову внесли в музей. И тут оказалось, что вместе с головой нам достался язык. Прошло несколько часов, как убили зверя, и язык был свежайший. Перерыва между парами лекций хватило, чтобы добежать до магазина за лавровым листом и перцем-горошком. Там я встретил лаборанта музея, из портфеля которого слышалось позвякивание наполненной стеклянной тары.

Впервые мои мысли на лекции убегали из аудитории в музей, ведь там на электроплитке варился настоящий зубринный язык.

После условного стука в определенном месте двери мне открыл лаборант с непонятным для меня выражением на лице.

— Что, плитка накрылась? — спросил я.

— Все мы накрылись, — выдавил тот. — Кроме тебя, конечно.

— Что же произошло?

— Да завкафедрой обрадовала... Ей, оказывается, сообщили из СЭС, что зубр болел сибирской язвой.

— И?

— Что — и? Мы уже нажрались!

На ватных ногах я вошел в лабораторию. Там курили все студенты, специализирующиеся на кафедре зоологии. Вид у них был такой, словно через пять минут им надо было пересдать все предметы, которые они успели изучить. Их кислые мины вкуче с запахом вареного мяса создавали впечатление поминок.

— А Андрюшка будет всех нас навещать... — уныло пробормотал кто-то. — Потому что лежать в больнице будем все вместе...

Я потянул носом и сообщил:

— Парни, запах в комнате не музейный, окно б открыли, — повернулся и двинулся в отдел орнитологии: нужно было прийти в себя.

Сидел там какое-то время в одиночестве, и тут в тишине коридора раздался стук — стучали во входную дверь музея. Зашаркали по паркету неторопливые шаги, щелкнул замок, скрипнули петли, и чуть погодя я услышал голос заведующей кафедрой зоологии. Она говорила что-то, а ребята в лаборатории слушали ее; слов было не разобрать.

И вдруг стены музея сотрясло от радостного многоголосого ора.

Не веря ушам, я побежал обратно к ребятам. Там все обнимались и хлопали друг друга по плечам.

— Что? — вопрошал я, переводя взгляд с одного счастливого лица на другое. — Что?

— Эти козлы из санэпидстанции напутали! Зубр чистый! Чистый!

В стаканы полился портвейн «Кавказ», на стол вернулся наполовину съеденный язык. Жизнь продолжалась...

Все, что я вспомнил, происходило в прошлом веке, в другой стране. И только память извлекает прошедшее из каких-то непостижимых глубин и держит, будто мираж, перед глазами. Уже много лет, как в горах обустроен родник для удобства пополнения запаса воды в память о Камболате Федоровиче Бекоеве. Музей зоологии похож на тот, который я помню, точно так же, как скелет похож на живого человека. Но ощущение интереса к жизни, удивление от ее чудесного многообразия осталось. Осталось благодаря тем знаниям, которые я унес с собой вместе с дипломом моего университета, моего отделения. Теперь деревья, птицы и насекомые — это ноты той мелодии, которая звучит во мне и оставляет ощущение доброго давнего знакомства со всем миром.

Пусть эти строчки прочтут те, кто входил в аудитории СОГУ, волновался перед защитой дипломной работы и чувствовал себя счастливым, шагая по его коридорам.

НАИДРАГОЦЕННЕЙШИЙ

Прошло много лет со дня нашего знакомства. Всякий раз, когда мой взгляд наталкивается на изображение ювелирных изделий, всплывает в памяти слово на незнакомом языке.

Йогошо.

Наидрагоценнейший.

Человек, от которого я услышал это слово, жил в Анапе на улице Тургенева и был преподавателем на кафедре физической географии в местном университете. Судя по всему, самой дорогой вещью в его доме, что мне попала на глаза, был костюм, в котором он преподавал. И тем не менее это слово было его вторым именем. Он получил его от властителя северной части Афганистана Ахмада Шаха Масуда. У того тоже было второе имя — Панджшерский лев.

Обстоятельства, которые привели к нашему знакомству, — заслуга моих сослуживцев. Каждый день работы в управлении по курорту, туризму и экологии в администрации Анапы приносил новое представление о работе и администрации. Тут очень кстати пришелся афоризм, который я услышал от знакомого анапчанина: «Попал в стаю — не гавкай, хвостиком шевели». Журналист Михал Михалыч выразился так, когда я беседовал с ним об экологической безопасности курорта. Я рассказал, как смотрел новый ролик о курорте. Там было снято, как в шторм морская пена уносится ветром с гребня волн на берег. Я не поверил в естественное происхождение такой обильной пены, так как знал, что новый подводный водовыпуск в море не закончен и сейчас все, что миновало очистные сооружения, смешивается с морской водой не так далеко в море, как это требовалось. Создать вторую Афродиту из этой пены не получится — выйдет только реклама стиральных порошков. Но наш замглавы по курорту отмахнулся: «Кто это помнит? А как снято!..» Признаться, я слегка ошалел от такого эстетического взгляда на курорт. Выражения лиц коллег были такие, словно я, оценивая живописное полотно, обратил внимание на текстуру древесины рамы картины. Управление взаимодействовало с более чем двумястами организациями курортного отдыха. Все они существовали на белом свете не первый год и ясно представляли, как им расти дальше, будучи стиснутыми требованиями медицины, пожарных, экологического контроля, инспекций по маломерным судам и так далее.

Система готовности здравницы к работе, созданная еще во времена СССР, следила за тем, чтобы отдать богу душу отдыхающий мог, только удаляясь от курортных радостей. Любой директор, желающий остаться в своей должности, помнил список согласований перед курортным сезоном лучше своей биографии. Но мое управление решило этим процессом руководить. Был создан паспорт готовности к курортному сезону. Там проставлялись даты полученных согласований о соответствии требований, гарантирующих безопасность отдыхающих. Я воспринимал всю работу по контролю за предоставлением паспортов готовности как

запрет доярке идти на дойку без ведра. Тем не менее я возвращался в управление с текстом письма о необходимости в срок предоставить сведения о готовности. Все секретари директоров здравниц оставили себе его ксерокопию. А мне на прощание на обороте письма сделали оттиск печати с проставленной датой моего визита. На планерке мои коллеги печально сообщали, что неоповещенными остались директора, игнорирующие звонки из управления. Мне было понятно, что благодаря определителям номеров входящих звонков головная боль секретарей сведена к минимуму. Николай Сергеевич (начальник управления) кипел от возмущения: срывалось ответственнойшее дело. Он кивком велел, чтоб я отчитался о проделанной работе. Я протянул ему листок письма, сообщив:

— На обороте отметки о получении.

Оборот письма был как спина у больного, которому сняли банки. Пикалов протянул руку с моим листиком и торжественно произнес:

— Вот как надо работать!

Я понял, что погорел: как оказалось, коллеги не прощают такого новичкам.

В управлении было два специалиста по вопросам экологии курорта — я и Барсуков. Мое изобретение с обходом здравниц было последней каплей. Барсуков сообщил мне, что в течение дня нужно предоставить список объектов — кандидатов в памятники города-курорта. Я спросил:

— Деревья болотного кипариса в озере долины Сукко подойдут?

Валентинович замер. Он не понимал, блефую я или нет.

— Есть, черт их дери, эти болотные кипарисы?.. Маловато... Вот если б дерево в виде члена... ну что-то в этом роде... Понимаешь?

Валентинович был старше меня по должности. Тут я вспомнил про хвостик, которым надо шевелить, и сказал:

— Придется подключить специалистов.

— Кого? — немедленно спросил Валентинович.

— Ну знаю нескольких. Только времени нужно побольше.

Выйдя из здания администрации, я вспомнил лабораторный корпус своего университета. Географы, биологи и химики занимали три этажа из пяти. Эх, жизнь была малина. Учись — только рот открывай. А вроде же есть в Анапе какие-то университеты. Точно. Не то три, не то четыре. Чем переться в библиотеку, схожу туда. И идти нужно на кафедру физической географии, тогда охват объектов будет больше...

Я шел как Ломоносов.

— Скажите, как пройти к университету?.. Благодарю.

Вскоре был на месте. Двор, огороженный бетонным забором. Платаны на улице, охрана. Демонстрация удостоверения. Ага, кафедра географии.

— Здравствуйте, могу я увидеть преподавателя физгеографии?

— Да.

— А где его кабинет?

Мне объяснили.

— Ясно. А как к нему обращаться?

— Дмитриев Эдуард Алексеевич.

— Спасибо.

Я пошел в указанном направлении и довольно быстро отыскал нужный кабинет. Встал у закрытой двери, прислушался. С той стороны доносились голоса. Я решил подождать, когда дверь откроется сама. Вскоре действительно вышли студенты и оставили дверь открытой. Мужчина с белой копной волос, напоминающей серебряный нимб, взялся за ручку, и тут его взгляд остановился на вашем покорном слуге.

— Вы ко мне?

— Да, Эдуард Алексеевич.

— Что-то я вас не припомню. Входите. Что у вас?

— Эдуард Алексеевич, я не по поводу задолженности. Я по работе.

— Вот как? Садитесь. Рассказывайте.

На Эдуарде Алексеевиче был шикарный серый костюм. Острые края ворота рубашки были абсолютно гладки. Узел галстука ни на миллиметр не был ослаблен.

— Я ведущий специалист управления по курорту администрации города Ермолаев Андрей Константинович. Собираю информацию о состоянии объектов природных памятников для создания их списка и исключения из хозяйственной деятельности.

— А почему вы обратились сюда?

— В моем университете на кафедре географии работали очень приличные люди. Был такой Беляев Георгий Кириллович.

— А вы географ?

— Биолог. Специализировался на кафедре ботаники.

— Вот как?

Я уловил удивление в этом замечании. Ну, где эмоции, там и интерес...

Крайне сжато я сообщил свое резюме, добавив, что к предложенной мною роще болотных кипарисов, бог весть кем посаженных в начале двадцатых годов прошлого века, и Анапской песчаной

пересыпи других вариантов не примечаю. При упоминании полосы песчаных дюн Дмитриев слегка склонил голову набок, словно желал рассмотреть меня повнимательнее.

— Как долго вы живете в Анапе? — задал он вопрос.

Я смущенно признался, что меньше полугода.

— Но тем не менее вы знаете о роще в долине реки?

— Ах, Эдуард Алексеевич... Я месяц ждал приказ о решении принять меня на работу. Чтобы не дойти до нервного срыва, я перечитал в читальном зале библиотеки чуть ли не все сборники по курорту... Но полагаю, что живой специалист лучше читального зала.

Дмитриев засмеялся.

Уже к концу нашей беседы я планировал на выходные выбрать-ся к каньону, образовавшемуся после землетрясения. Предполагал отбить на память из скалы в Малой бухте кусок камня, так как со скал южнее Анапы начинался Кавказский хребет. И подумывал своими глазами увидеть грязевой вулкан в соседнем районе. Почувствовав заинтересованного собеседника, я развил перед Эдуардом Алексеевичем свое понимание деятельности ведущего специалиста по вопросам экологии курорта.

К нам в кабинет заглянула техничка, спросив, когда можно начать убирать. Оказалось, мы проговорили час.

Выйдя из опустевшего здания, мы продолжили беседу и распрощались у дома, где жил Эдуард Алексеевич. На предложение зайти на чашку чая я ответил отказом, сославшись на необходимость познакомить начальство с результатами работы.

— Ну так заходите в эту субботу к часу, — сказал Эдуард Алексеевич. — Буду вас ждать.

Я уселся на скамейку в сквере, раскрыл записную книжку и быстро набросал список кандидатов в природные памятники. Затем вернулся в кабинет управления.

— И в каком университете вы консультировались? — задала вопрос моя коллега.

— Так, во всех, — ответил я расплывчато. — Все проявили интерес и взаимопонимание.

У коллеги не нашлось больше темы для разговора, и я двинулся дальше.

— Как?! Сразу пошли навстречу? — спрашивал Николай Сергеевич.

— Знаю я такой хитрый способ, — простодушно улыбаясь, сообщил я начальству.

...В ожидании встречи с Дмитриевым я перерыл все ящики с входящей корреспонденцией из Краснодара. Я искал логику в

бумажном дожде, который месяцами сыпался в управление и оседал в ящиках, стоящих на платяных шкафах. Перечитывая архив управления, я обращал внимание, какие вопросы и задания поступали в Анапу из Краснодара, касалось ли это туристической деятельности или природных ресурсов курорта. Я хотел снова попасть в атмосферу беседы, когда меня спрашивали о развитии курорта. И мне очень хотелось быть готовым к ответу.

В субботу я накупил по одной горсти разных видов сухофруктов и орехов. Мой будильник тихо тикал в бумажном пакете со сладостями. Минута в минуту я нажал на кнопку звонка в калитке на улице Тургенева. Калитку открыла худая, слегка растрепанная анапчанка одного возраста с Дмитриевым.

— Эдуард Алексеевич, это к вам! — крикнула она в открытую дверь и ушла вглубь двора.

А, это общий двор, догадался я и тут услышал голос Дмитриева:

— Андрей, вы?

— Здравствуйте, Эдуард Алексеевич!

— Здравствуйте.

— Эдуард Алексеевич, предложение почаевничать в силе?

— Разумеется.

— Тогда вот сладости.

— Пройдемте в летнюю кухню.

Мы прошли к самодельному столу, стоявшему в части двора, закрытой сверху виноградом. Рядом была дверь в летнюю кухню. Из другой двери, напротив, вышла встрепанная женщина.

— Зинаида Павловна, это Андрей.

— Добрый день, Зинаида Павловна, — сказал я.

— Эдуард Алексеевич, если зайдет Вера, передайте, что я буду дома через час.

— Итак, Андрей, вы захватили чисто восточный набор к чаю. Это опыт?

— Ой, нет! В классе девятом я читал книгу краеведа о путешествии на мотоцикле вокруг Арала. Там описывалось восточное чаепитие, так что сегодня вспомнилось, и я захватил это с собой.

— А я сюда приехал из Душанбе и могу сказать, что это абсолютно восточный набор к чаю.

— Значит, вы знаток чаепития? Просветите меня, пожалуйста.

— Хорошо, присаживайтесь. Я поставлю чайник.

Я осмотрелся. Двор был так чист, что казалось, будто его пропылесосили. Я оставил хозяину стул и выдвинул себе из-под стола табурет.

— Эдуард Алексеевич, давайте я расставляю чашки, — предложил я и вошел в кухню.

— Вот, берите стаканы.

Я собрал стаканы, тарелку для сухофруктов и подстаканник хозяйина.

— Эдуард Алексеевич, я по фильмам заметил, что только в России доливают заварку кипятком, и у меня создалось впечатление, что, сколько народов, столько и условий чаепития.

— Больше! — поправил Дмитриев. — На севере Таджикистана хорошим тоном будет наливать гостю чай понемногу, на самое доньшко пиалы. А на юге это истолкуют как скупость — там наливают сразу доверху.

Я ожидал, что вместо стаканов будут пиалы. Но единственная красная пиала стояла на полке, наполненная солью.

Дмитриев поставил на стол объемный фаянсовый чайник, явно советского производства.

— А какие традиции вы знаете, Андрей?

— Не знаю, традиция ли это... Позвольте, я сделаю то, что у нас называлось поженить чай.

Я налил себе полстакана чая и перелил все обратно в чайник.

— Не всегда удобно перемешивать чаинки в горячем заварном чайнике ложкой, — пояснил я. — Да и в полевых условиях ее чаще всего нет. А скорость заваривания увеличивается.

— А какие у вас бывали полевые условия? — прозвучал вопрос.

Продолжая переливать заварку из стакана в чайник, я рассказал, как в конце восьмидесятых открыл для себя плиточный зеленый чай в экспедициях по селекции леса.

Проверяя, заварился ли чай, я слил на пробу себе. Из стакана поднялся аромат. Убедившись в насыщенности цвета, я наполнил стакан хозяину и долил в свой. Дмитриев удовлетворенно наблюдал за мной.

— Мама рассказывала, что всю войну ее семья продержалась на калмыцком чае. Не думаю, что это был классический вариант. То есть с перцем, с лавровым листом, с жиром. Похоже, что для детей это было заменителем супа — заварка, молоко. Наверно, еще мука.

— А нашу семью спас ильм.

— Эдуард Алексеевич, это ж сколько нужно семян собрать? Там же вес крылатки больше, чем сам орешек.

— Нет, мы варили кашу из луба.

— В смысле из камбия? Ну, из живого слоя клеток?

— Да, это я и хотел сказать.

— Бог мой! Это ж сколько нужно деревьев!

— После войны лес остался без ильма, все ободрали начисто.
— Ну, неисповедимы пути к спасению. Главное, не нарваться на лежачего полицейского.

Эдуард Алексеевич недоуменно поднял брови.

— Это у меня фигура речи, — пояснил я. — Бабушка рассказывала, как ее обманул солдат. Она меняла хлеб на сахар, а этот подлец подsunул комочки глины.

— Тогда понятно. Кстати, впервые лежачего полицейского я увидел в Афганистане. Это чисто афганская смекалка. ГАИ там нет, и заставить сбросить скорость можно только таким способом.

— Вот страна, которая вызывает у меня постоянный интерес.

— Это почему же?

— Да все пять лет учебы, с восьмидесятого по восемьдесят пятый, я учился с пониманием, что если я не сдам сессию, то родина отправит меня в... хм... турпоездку. У нас была военная кафедра. Специальность — артиллеристы. Переучили бы на минометчика. А что я с Кавказа и горы видел, пошло бы только на пользу делу. Сейчас воспоминания у людей утихли: чеченские войны перечеркнули. Эта страна и воспоминания о ней — как уголь из костра: близко рассмотреть не возьмешь.

— Это, Андрей, вы точно подметили. Ее в руках не удержать, — произнес Дмитриев, ставя подстаканник на стол.

Тема затихла сама собой.

Я стал рассказывать, как полгода назад в администрацию города поступил запрос из Краснодара. О том, какие природные объекты могут быть использованы в туристических маршрутах. Все это проходит как варианты развития курорта... Чай был великолепен. Из горстки сухофруктов мы выбирали по крохе и, пригубивая чай, обсуждали варианты использования кандидатов в природные памятники в туристической деятельности.

Таджикский способ чаевничать с тарелкой сухофруктов чрезвычайно располагает к беседе. Смена вкусов сопровождается сменой тем. Я упомянул, как был удивлен, когда узнал, что одним из последствий популярности первых лечебниц в Анапе было сворачивание добычи нефти. Здешние капиталисты, поняв, что второго Баку из Анапы не получится, стали вкладывать деньги в курортное лечение. Умеющий закрывать двери откроет их снова.

Я решил не добивать весь чайник. Пора было закругляться, чтобы не пересидеть лишнего.

Когда споласкивали стаканы, вспомнил рассказы лесников: якобы здесь, на границе с Карачаево-Черкесией, в верховьях Лабы, государство до войны скупало у старателей намытый золотой песок. Дмитриев спокойно согласился, сказав, что такие

образования, как Кавказские горы, сюрпризов в геологии уже не преподнесут.

Уже идя по двору, я спросил о том, где еще возможны крупные открытия в геологии. Эдуард Алексеевич ответил, что если по Кавказу геолог ходит иногда наклоняясь за образцом, то, к примеру, по Гиндукушу ему нужно будет передвигаться на коленях, чтобы ничего не упустить. Я потрясенно спросил:

— Как это?

— А заходите еще, — улыбнувшись, ответил Эдуард Алексеевич. Внутренне ликуя, я позволил себе шутку:

— Тогда, если не возражаете, на том же месте в тот же час через неделю?

— Хорошо.

— Ну так хороших вам выходных, до свидания!

Невольно сравнивая Эдуарда Алексеевича с моими коллегами по управлению, я испытывал странное чувство: будто долгое время пребывал в комнате кривых зеркал, а потом раз — и оказался на природе, у озера, и заглянул в его ясную голубую гладь.

Шагая к себе в съемный угол, я вдруг почувствовал, что не хочу проходить через двор, застроенный гостевыми комнатами, и развлекать квартирохозяйку историями о жизни администрации. Мне хотелось продлить ощущение прикосновения к интересному, огромному.

И я вышел к скалам высокого берега, зайдя за границу старого кладбища. Прогулялся вдоль обрыва, который поднял над морем выпирающий Кавказский хребет, и спрятался от ветра у старого памятника.

Ни с того ни с сего стал читать вслух:

— Нынче ветрено и волны с перехлестом, скоро осень, все изменится в округе...

Чайка застыла в воздухе, планируя метрах в трех от меня. Похоже, ей понравились стихи.

Припоминая свой кусок жизни в Анапе, одновременно с Дмитриевым я вспомнил, с каким нетерпением ожидал выходных.

Всю неделю я скупал ассорти из затвердевших солнечных лучей, и к субботе кулек с сухофруктами соперничал с оттенками янтаря из Янтарной комнаты в Царском Селе.

Воскресенье мы оба посвящали хозяйственным делам. Со временем я узнал, что Дмитриев живет с ненормальным племянником. Потому у него на веревке для белья постоянно сушились синие мужские трусы. Юра, так звали это человеческое подобие, был сыном умершей сестры. Он был примерно моего возраста. У ненормальных людей черты старения почти не проступают. Он

понимал опасность автомобилей и, похоже, на улице копировал поведение прохожих. Это уберегало его от неприятностей, когда удавалось улизнуть из дома. К счастью, он слушался Дмитриева и между ними установились отношения, которые я наблюдал у знакомого одинокого собаководы, держащего в доме огромного метиса немецкой овчарки.

Дом, в котором жил Эдуард Алексеевич, был домом умершей сестры.

— Долго вы решались на переезд в Анапу? — спросил я его однажды.

— Полгода хватило. Полгода мой товарищ, работающий на хлебозаводе, заносил мне буханку хлеба на день. Вот полгода и хватило. Багаж уместился в паре чемоданов.

— А до этого момента вы работали по специальности?

— Я был личным геологом Ахмада Шаха Масуда.

Время вокруг меня сгустилось вдруг настолько, что произнесенные слова как бы зависли в пространстве, не дойдя до сознания.

— Как я читал, он контролировал северную, таджикскую часть Афганистана?

— Да.

— А в каких услугах с вашей стороны он нуждался?

— Мной был разработан экспресс-метод, который позволял определить слои в горной породе — перспективные, для поисков кристаллов корунда. Метод очень экономил время.

— Это были шахты?

— Нет, они делали все проще. Долбились норы в горной породе и при выносе обломков выбирались минералы.

— Но это должны быть очень небольшие ходы.

— Так и было, в основном там работали мальчишки.

— Эдуард Алексеевич, Ахмад Шах говорил по-русски?

— Я знаю таджикский лучше. Меня он называл йогошо. На его языке это значит «наидрагоценнейший».

— Он ухватил самую суть... А ваша внешность, фамилия, национальность? Наверно, в глазах его окружения вы были неверный? Как вам удавалось с ними поладить?

— Тут вы правы, Андрей. Как говорят, жалует царь, да не жалует псарь. Это было непросто. Помог случай. Ахмад Шах в сопровождении навещал известного улема. У афганцев улем — это очень большой авторитет. И вот сидим мы все у него в гостях. Когда он закончил свои пояснения, я обратился к нему и, развив его мысль, спросил, правильно ли я его понял. Он это подтвердил. Потом я спросил, могу ли я считать себя его мюридом. И он

при всех моих недругах сказал, что, мол, да, вы можете считать себя моим мюридом. И все мои враги после того случая умерили пыл. Еще бы! Мюрид такого уважаемого человека!..

Нужно ли говорить, что Эдуард Алексеевич в моем восприятии стал на один пьедестал с космонавтами, побывавшими на Луне.

Жгучее желание по-мальчишески расспрашивать и дальше тормозилось двумя доводами. К моим годам я уже прочувствовал высказывание «Не задавай вопросов — не услышишь лжи». А второй — когда зазвучал после боя курантов знакомый гимн.

— Помните, был пункт в анкете: находились ли вы на оккупированной территории?

Мы с ним были из одной страны, и Эдуард Алексеевич помнил о ней гораздо больше моего. При нашем первом чаепитии он не упомянул Афганистана, и ко мне вдруг пришло ясное понимание: все, о чем бы мне хотелось узнать, должно быть рассказано им без моих расспросов. И тогда встречи продолжатся.

Я спрашивал его исключительно о Таджикистане, и в конце концов это позволило воспоминаниям Дмитриева скользнуть в сторону Ахмада Шаха Масуда — Ахмада Шаха Счастливого.

Запомнился такой диалог:

— Эдуард Алексеевич, вот есть такое понятие — менталитет. Учитывая его трактовку, скажите, насколько мироощущение таджика может отличаться от психологии современного анапчанина?

— Знаете, Андрей, это поразительное умение довольствоваться очень немногим для жизни и большая настойчивость.

— А каким примером вы можете это подтвердить?

— Вот сразу после развала Союза я стал замечать под окнами здания, где работал, таджика. Таджик этот в течение дня на ишаке в канистрах возил воду. Я заинтересовался и вечером пошел посмотреть. Он на краю города строил из необожженных глиняных кирпичей жилье. Тут же копал глину, замешивал ее, формировал кирпичи. Строил небольшой, но домик. Почти игрушечный. Для перекрытий использовал стволы деревьев, всякие отходы. Я спросил его, что он будет здесь делать. Он объяснил, что в кишлаке работы мало, что он решил перебраться поближе к городу. Сказал, что найдет работу и заберет жену. Крыша есть, жить будут, вот так...

Я подумал, что Эдуард Алексеевич полностью состоит из перечисленных качеств. В его части двора были слеplены из бетонных блоков несколько изолированных друг от друга гостевых комнат. Последняя была не достроена. Перекрытием для потолка служили каркасы пружинных кроватей.

Отсутствие возможности сдавать отдыхающим хоть собачью будку урезало многие желания горожан. Уходя и возвращаясь с работы, я наблюдал, как семья закапывала в землю шланг, пытаясь обеспечить водой гараж. Из-за реплик, которые были слышны, я уяснил, что они планировали сдавать свою квартиру на лето.

Еженедельные беседы на летней кухне Дмитриева касались разнообразных вещей, от литературы до геологии. Правда, когда речь заходила о геологии, начинался по большей части монолог. Причем если собеседник развивал мою очевидную мысль, то для меня открывались невероятные сведения.

Упомянув книги геолога Олега Куваева, я заметил, что в них я столкнулся с описанием того, как сбор научных данных сопровождался напряжением всех физических и моральных сил исследователя. Помню, Дмитриев заинтересовался автором. А в качестве иллюстрации рассказал, как ему на высоте более 4000 метров пришлось одному долбить в скальной породе шурф. Он утверждал, что за время работы выпил приличную дозу валокордина.

— Правда, впоследствии мое сердце стало предметом изучения кардиологов, где бы я ни очутился. Последний раз мне объяснили, что одна из стенок желудочка моего сердца толщиной с лист картона и вроде будет истончаться и дальше.

До сих пор думаю, что, не заведи я разговора о творчестве Куваева, так и не узнал бы о состоянии здоровья Дмитриева.

Нестандартность в решении, которую я наблюдал в строительстве гостевых комнат, была ему присуща во всем. Как-то раз я спросил его о трактовке практиками-геологами теории дрейфа материков. Дмитриев потрянул шевелюрой и с чувством сказал, что это прямо не теория, а руководство к игре в бильярд. Все их доводы можно использовать, если предположить, что Земля в процессе существования увеличивается в объеме.

— А как же месторождения углеводородов? — дилетантски ляпнул я.

Дмитриев опять потрянул шевелюрой:

— Я себе объяснил, что планета во время ее формирования уже обладала в своем составе углеродом. Кимберлитовые трубки — это места, где чудовищно сжатый углерод в соответствии со свойством жидкости выдавливался под громадным давлением из недр. Почти все сгорало, и лишь долю процента находят в виде кристаллов алмаза.

Наши чаепития длились не более часа. Содержимое заварного чайника было нашими водяными часами. Пар над налитым

стаканом, как джинн из лампы, рождает темы бесед. Иногда они касались жизненного опыта.

Так, беседуя о религии, я высказался, что она подобна инструменту в руках хирурга. Если он из-за отсутствия скальпеля выберет топор, результат операции будет непредсказуем. Обряд крещения проводился над взрослыми. Это не сказывалось на их здоровье, и все манипуляции с церковными терминами воспринимались людьми, уже имеющими свой жизненный опыт. Дмитриев попросил привести пример ко второй части моего высказывания, и я рассказал, как после развода моя супруга руководила общением детей со мной, раздавая на этот процесс свое благословение. К моему потрясению, это работало: наличие нравственного поведения оказалось важнее религиозного. Оно позволяет пользоваться логикой в поведении, а не готовым решением. Как пример я сообщил, что не помню своего отца пьяным и воспринимаю выпивку как специю — в определенном количестве, иначе это не приносит удовольствия.

На это Эдуард Алексеевич с горечью произнес слова, которые я уже слышал в своей семье:

— Пьянство есть добровольное сумасшествие... Сын может опротиветь до состояния чужого человека.

— Где он живет? — вырвалось у меня.

И тут я узнал, что рядом с Анапой живут сын и жена Дмитриева. Я был потрясен настолько, что напрочь забыл о скромности и спросил, как он ладит с женой. Эдуард Алексеевич улыбнулся одной стороной рта:

— Как вам понравится такое высказывание? «Муж мой, хочу — на порог не пущу, хочу — смолю и вынюхаю».

— Крута, — выдавил я.

Эдуард Алексеевич сменил тему:

— Андрей, попадалось ли вам такое явление — досуговый туризм.

Я признался, что не слышал этот термин даже от коллег в управлении — специалистов в этой части курорта.

— Вот, я хочу быть первопроходцем, — произнес Дмитриев.

Он рассказал, что ему принадлежит участок с домом в таком медвежьем углу, что не всю площадь населенного пункта покрывает мобильная связь. И он планирует использовать его как ядро досугово-познавательного и развлекательного центра.

Я вспомнил, что, живя в Санкт-Петербурге, слышал о ярмарке мастерства. Люди могли попробовать слепить горшок, обжечь его здесь же и забрать на память. Я стал перебирать, что еще можно демонстрировать из навыков и производств. Плетение из лозы, из

соломы. В Штатах популярны стрельба из лука и метание копья копьеметалкой. Можно еще к этому добавить умение кидать лассо. Да просто запрячь пони в телегу — уже будет интересно. Умение вязать узлы и использовать их по назначению. Сделать правильно крышу на шалаше...

— Нужно увидеть это место, чтобы не вслепую перебирать варианты.

— Андрей, а как вы отнесетесь к предложению вместе со мной создать этот досуговый центр?

Я вдруг забыл, как дышать. Представил кабинет в управлении. Неужели можно будет развязаться с этой бодягой?

— С искренним интересом и желанием, — только и сказал я.

Увидеть место приложения сил мы решили в воскресенье. Учасок, который имел Дмитриев, был на склоне холма. Причем склон был крутой настолько, что мяч мог скатиться вниз, не будь по пути кочек и пучков жесткой травы. Эдуард Алексеевич захватил с собой семена для посева. Вспомнив о его сердце, я сам устроил посадочные места. Я отметил, что мой спутник живет, несмотря на тревожные прогнозы врачей, как будто его сердце будет биться еще десятилетия.

Он с интересом обсудил предложение распределить мероприятия досугового туризма при прохождении экологической тропы. По памяти он описал окружающий его участок, перечислил места, через которые могла проходить тропа. Подробности, с которыми он их описывал, говорили сами за себя — он побывал там сам. Его наблюдательность вызывала у меня восторг и зависть.

Как-то Эдуард Алексеевич провел для студентов экскурсию. Он повел их по улицам, где в облицовке зданий использовались горные породы, и рассказывал об их строении, происхождении и отпечатках организмов, которые в них содержались.

В тот день мое начальство организовало городской субботник. Как по-разному люди распоряжаются чужим временем! До сих пор меня удивляет, что люди, так не похожие на Дмитриева, были причиной нашего знакомства. А общение с ним вдохновляло разобратся в логике использования природных ресурсов и увидеть подводные камни на этом пути. Когда смотришь сквозь запыленное стекло, желание вытереть пыль возникает первым. Ясность изображения позволяет понять мир — а потом даже радоваться ему.

Обсуждение множества тем с Дмитриевым приводили к тому, что и на работе я добивался ясности понимания возникающих ситуаций. Экологические безобразия, с которыми я сталкивался, существовали из-за того, что их присутствие было выгодно для

моих начальников. Но наличие безобразий указывало на мое неумение их обнаружить.

Когда замглавы, курирующий мое направление, отсутствовал в городе, я подписал у другого зама подготовленное постановление и, ликуя, помчался вечером к Дмитриеву рассказать о своей победе.

— А Эдуарда Алексеевича увезли на скорой.

Я был потрясен этой новостью, не вяжущейся с прошедшим днем.

— Куда увезли? Что с ним?

— В реанимацию. Сердце.

Не закрывая своего удостоверения, я добрался до отделения реанимации.

— Понимаете, я его племянник. Ну скажите ему. Может, у него есть какие-то поручения.

Медсестра зашла в палату. В щель между дверью и косяком было видно, как изумился Эдуард Алексеевич, выслушав известия. Женщина вышла и тихо сказала:

— Только очень быстро.

Я шагнул внутрь.

— Видите, Эдуард Алексеевич, дети лейтенанта Шмидта уже не в ходу. Приходится представляться Юрой.

Сейчас думаю, что мое появление было поводом ему улыбнуться.

— Как вы?

— Переселяюсь.

— Вашего сына найти?

— Не нужно, — просто сказал Эдуард Алексеевич. — Надеюсь увидаться завтра.

— Эдуард Алексеевич, держитесь, завтра обязательно увидимся.

Я продиктовал медсестре номер телефона квартирохозяйки, прося обязательно позвонить и сообщить, как он.

...А без десяти шесть утра подбежал к трезвонящему телефону.

— Ваш дядя скончался сегодня утром, — сообщили в трубке.

— Сейчас буду, — только и смог выдать я.

Переходя на бег, торопился быстрее добраться до больницы. К счастью, ворота были открыты.

— Он здесь?

— А с вами ничего не случится? — тревожно спросила медсестра.

— Буду держать себя в руках, — пообещал ей.

Она отвернула простыню. Глаза Дмитриева были закрыты. Он лежал на спине. Лицо серьезное, даже строгое... Присев на корточки, я прижался лбом к его лбу, словно это помогло бы услышать последнюю мысль мертвого.

Меня потрогали за плечо. Я обернулся.

— Скажите, а паспорт с ним был?

— Нет, паспорта нет.

Мы вышли в коридор. К нам подошел врач, недоумевая, откуда я взялся.

— Где мне взять справку о его смерти? Это понадобится на работе.

Мне сделали записи на листке бумаги и поставили печать.

Я шел к университету, где работал Эдуард Алексеевич. Солнце светило по-прежнему, но на улице Тургенева он больше не жил. Я понял его иронию в нашем с ним разговоре.

«Переселяюсь».

Паспорт нашли в сейфе его кабинета.

Странно, я был на похоронах, но это стерлось из памяти напроочь. Словно я не желал признавать реальность. Я думал, мысль о воскресении могла возникнуть у людей в похожем с моим состоянии.

Помню, что до сорока дней я привез полтора десятка окатанных глыб камня к могиле и долго их пристраивал друг к другу вокруг холмика земли. Последний приют окружили куски Кавказского хребта.

Ректор университета сказала мне, что это символично — могила геолога окружена кромлехом из дикого камня.

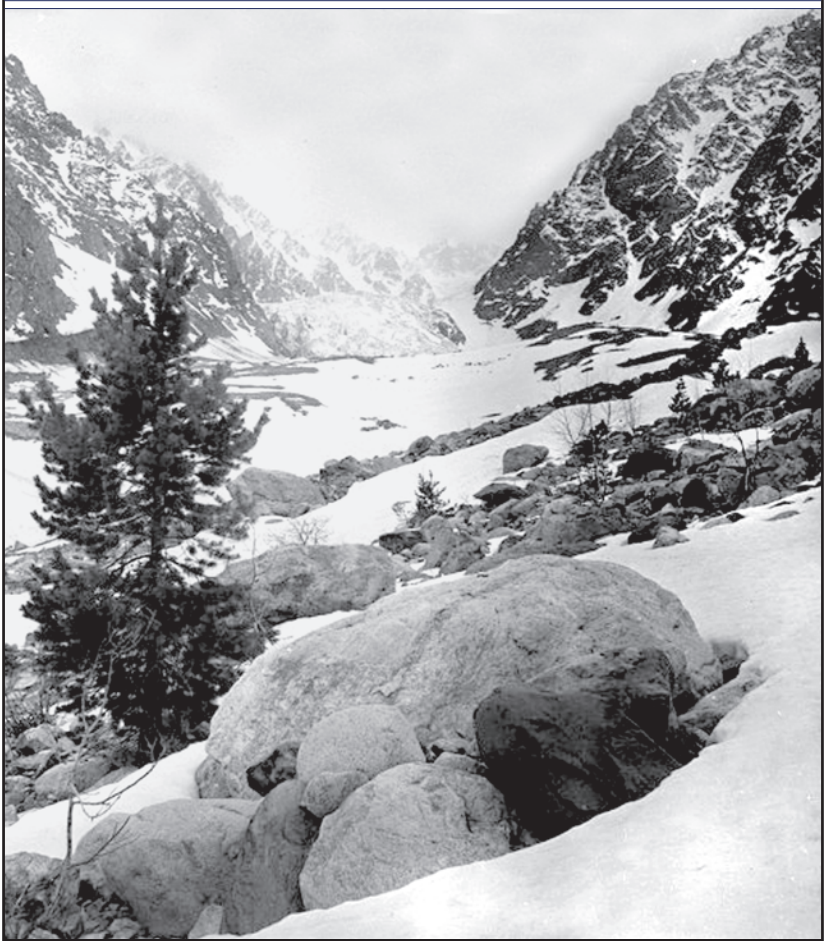
Я ей крайне благодарен за заботу — и ей, и коллективу. Забота их выразилась в устройстве похорон и поминальной трапезы.

А через год мы собрались еще раз. Был поминальный обед, и ректор подарила мне напечатанный сборник его разработок. Знания Дмитриева продолжают жить отдельно от него, и в этом, пожалуй, можно отыскать смысл воскресения наидрагоценнейшего Эдуарда Алексеевича.

Время, не заполненное важными событиями, летит. Сейчас я живу чуть ли не посередине Кавказского хребта. О жизни в Анапе напоминает камень, отбитый от скалы в Малой бухте, экземпляр посмертной методички Дмитриева и пиала красного цвета с облупившимся золотистым узором, где я тоже держу соль.

«ОНИ РИФМУЮТСЯ: ПОЭЗИЯ — ОСЕТИЯ»

СТИХИ

Цейский ледник. Фото Дмитрия Козлова. Дата съемки: 1953–1965 гг.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там под крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

АРДОН

1

Я скомкал письмо и коня оседлал.
По сморщенной коже горы
Царапая ребра обветренных скал,
Кудахча, бежали двory.

Я плетью ременной ударил коня,
Любовью твоей обойден,
И конь мой рванулся, и вынес меня
Туда, где клубился Ардон.

Изрубленный насмерть, он был одинок
На бешеном ложе своем,
Взбежать на постылую гору не мог
И ринулся вниз напролом.

А все-таки в памяти он сохранил
Седых берегов забытье,
Сухой известняк безымянных могил
И скифское имя свое.

2

И криком орлиным, и хлопаньем крыльев
Гоним, я в долину бежал от гнезда,
На влажные камни я лег, обессилен.
— Охотник, ты трусил! — кричала вода.

Я поднял винтовку и выстрелил в пену,
И встала река во весь рост предо мной,
И камни пошли на отвесную стену,
И рыба хлестала в пыли водяной.

Я спал. На земле и любили, и пели,
И, может быть, ты приходила сюда,
Но пальцы мои задевали форели,
И шла надо мной ледяная вода.

Недаром покоя ты мне пожелала,
 Спасибо за память! Я видел во сне:
 Бегу, а любовь мне лицо исклевала,
 Ардон этой ночью привиделся мне.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

* * *

Точней созвучья не встречал на свете я!
 Они рифмуются: поэзия — Осетия.
 Они синонимы, они как два крыла
 Летящего над кручами орла.

АКТЕРУ ТХАПСАЕВУ

Слежу за тем, как мечется Отелло,
 Как гнев бежит от сердца по руке —
 К возлюбленной, к высокой шее белой.
 Старик Шекспир, видать, писал умело
 На звонком осетинском языке.

Идет гроза — вблизи и вдалеке.
 Теряет Лир семью, друзей, корону.
 Он подготовлен к этому урону,
 Он гол, о том твердят его уста.
 Видать, Шекспир писал в горах ирона
 На языке и нартов, и Коста.

ОСЕТИНСКАЯ ПЛЯСКА

В зале безмолвие,
 Зал озарен.
 Вдруг — молния на молнию,
 Звон на звон.

К искре искра,
К огням огни.
Крест-накрест быстро
Сшиблись они.

В зале за горами
Горит восток.
Душу забирает
Такой восторг,

Что хочется за этими
Джигитами в путь, —
Чтоб ветры встретили
Грудью в грудь.

Наше содружество —
Наше родство.
Молодость.
Мужество.
Мастерство.

* * *

Ах, если б ведала да знала
Про эти — близко от воды —
Фруктовые сады Унала
Да алагирские сады,
Ты прилетела бы, как птичка,
Пропела бы свое «чувить»,
Чтобы такой воды напиться,
Такую грушу надкусить.

* * *

Стремительнее всех земных глаголов
Клокочет Терек, стиснут высотой.
На камне том любил сидеть Ермолов,
На этом камне сиживал Толстой.

Здесь крутизна с голубизною в паре,
Здесь о Тамаре повествует быль.
Отара льнет к другой такой отаре,
Вздымая тучи или просто пыль.

Здесь Пушкин проезжал. Видать, намедни.
Так сплющены порою времена,
И кажется, что давность — это бредни,
Все движется, как за волной волна.

И только лишь к горам протянешь руку,
И только лишь ты обратишься к ним, —
Они тебе отвечают, как другу,
Мешая с веком год, со снегом дым.

* * *

В путь-дорогу! Мне не до сна.
Открываются эта и та
Осетинская крутизна,
Осетинская высота.

Я — питомец равнинной земли —
Хочу открыто сказать:
Эти горы в меня вошли
Кинжально — по рукоять.

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

В ОСЕТИИ

Все в свой час приходило донине,
Значит, вовремя в память вошли
Город мертвых в Даргавской твердыне,
Животворная зелень земли.

В этой жизни немного остылой,
В этом небе, поблеклом слегка,

Мчатся тучи с немыслимой силой
И, слабея, стоят облака.

В отдаленье от этих селений
Неожиданно тронет меня
Постарения холод осенний,
Озарение вечного дня.

Словно ставший незримой основой
Слова нартов и речи Коста,
Реет ветер прямой и суровый,
И тревожит снегов чистота.

* * *

Нагорный путь в краю аланов,
Кремнистый, скользкий от дождя.
Приметишь скалы, в пропасть глянув,
И содрогнешься, проходя.

А вот и облако под кручей,
И радугой продолжен путь,
И ночь любви на всякий случай
Припомни прежде, чем шагнуть.

АЛАНИЯ

Сто километров узкого ущелья,
Леса и цепь сплошных тюремных зон,
А после привкус колдовского зелья
И стужи освежающий озон.

Еще сопротивляется природа
Вторженью в недра, сияясь чужака
Усовестить потоком кислорода
И утратить безмолвьем ледника.

Земли незаживающая рана
Упрямо растревается меж тем,

И властный зов смертельного урана
Сильней, чем стих эпических поэм.

И все же все предreshено в поэмах.
Они о том, что в небе где-нибудь
Еще в полете нарты в древних шлемах
К другой планете продолжают путь.

ОСЕТИНСКОЕ

На шелестящем осетинском,
В котором флексии кипят,
На громогласном, исполинском,
Свой громоздящем камнепад,
На горестно-бесланском, ларском,
Густом, медлительном, как мед,
На скифском кочевом и царском,
Садонском, цейском он поет.
На умирающем почти что,
Но все же силу давних дней,
Где жили Будда и Васишта,
Берущем глубиной корней.

Тамерлан ТЕГАЕВ

ДЕТСКИЕ БОТИНКИ

ПОВЕСТЬ

В оформлении использовано фото из открытых источников

Четыре черных джипа двигались друг за другом по пересеченной местности. Должно быть, это красиво смотрится с высоты. Эффектный кадр из американского боевика, когда оператор ведет съемку с вертолета. Вот он снимает сбоку, а теперь летит вперед и, постепенно приближаясь, снимает головную машину. Вертолет зависает над лобовым стеклом, а за ним — суровые, решительные лица.

— Крутое кино, ничего не скажешь.

— Какое еще кино? — как всегда, мусоля сигарету в углу потрескавшихся губ, промычал Виктор.

— Такое вот кино... В лагерь к Седому заезжать нельзя. Там нас примут, дернуться не успеем. Тормози, обмозгуем.

Мы съехали с дороги. За нами последовали и остальные.

— В лоб к лагерю подъедем — будем как на ладони, — поделился я соображениями. — Поле и ни одного деревца. Они нас в капусту покрошат, если захотят. Нужно с тыльной стороны лагеря встать, где река. Там парковка и забор кирпичный метров двести. К тому же через час-полтора они на солнечной стороне окажутся, как на сцене, а мы — в тени. Можно будет за камнями укрыться, если что. А там — через мост, и мы на трассе.

— Мост узкий, — напомнил Виктор. — Попадут в одну машину — застрянем все.

— Две машины оставим на том берегу, одну на мосту, только развернем в сторону трассы. Ты на этой подъедешь к парковке. Пацанов поставим слева и справа от моста. В каждой группе по автомату — если начнется заваруха, северные под перекрестный огонь попадут на минуту-другую. Будет время отойти, пока не опомнятся.

— Слушай, Артур, — Виктор стал хлопать ладонями по карманам, очевидно, в поисках зажигалки, — а вдруг Седой в натуре

на разговор подтягивает. Может, действительно чего сказать хочет.

— Вот и выслушаешь, чего он там тебе скажет.

— Мне? — переспросил Виктор.

— Я в машине до поры посижу. — При этих словах я достал из багажника пулемет и переложил в салон за передние сиденья.

Инструктаж молодых бойцов занял некоторое время. После чего все вновь расселись по машинам и двинулись к мосту, за которым находилась тыльная сторона лагеря северных.

Ехали молча, даже магнитола не включали. Все были сосредоточены и хмуры. К моменту, когда достигли моста, солнце уже было с нужной нам стороны.

Осмотрев местность, мы принялись располагать бойцов согласно плану. Оставили две машины за мостом, одну на мосту. Оставшихся бойцов переправили на другой берег и разместили двумя группами за валунами, которых у воды было в избытке. Поставив наш с Виктором джип параллельно парковке северных, мы вышли и еще раз проверили готовность бойцов.

— Ну все, набирай Седому и жди, а я в машине посижу.

— Стекла подыми, — набирая номер, распорядился Виктор.

— Знаю, — отозвался я, пересел на заднее сиденье и поднял тонированное стекло, при этом оставив щель, чтобы все слышать.

Дождавшись ответа, Виктор непринужденным голосом произнес:

— Седой, я тут мимо проезжал по делам. Думаю: че в лагерь буду ехать, я ж и так рядом. Может, ты того, подтянешься к своей парковке, поговорим? У тебя вроде было что сказать. — Помолчав, добавил: — Да что я еще заезжать буду?.. Дел навалом. Перетрем по-быстрому, и я поеду.

Он сунул телефон в карман и, опершись на бампер, закурил. Стоял спокойный и невозмутимый, как может стоять человек, у которого появилась пара свободных минут для перекура, пока его жена зашла в магазин за покупками. Многолетний опыт разборок, наездов и неожиданных перестрелок приучили Виктора создавать видимость спокойствия, но при этом контролировать происходящее и немедленно реагировать на любые нюансы в разговоре или движениях.

Северные не заставили себя ждать.

Через пару минут к парковке с двух сторон стали подъезжать машины. Их было ровно десять. Даже если в каждой сидело по три человека, они уже вдвое превышали наш отряд. Да и вооружены они были не в пример нам.

Первым показался Седой — открыл дверь еще не успевшего остановиться черного мерса, вышел и огляделся по сторонам. Из

автомобилей, расположившихся полукругом перед нашим джипом на расстоянии метров тридцати, стали выбираться бойцы северных. Большинство из них были вооружены калашами. В глазах читалась настороженность вперемешку с решимостью изрешетить любой предмет, который покажется подозрительным.

Увидев перед собой всего один автомобиль да еще один вдали на мосту, бойцы внезапно приобрели вид какой-то развязной уверенности. Они стали переглядываться друг с другом, а некоторые вперевалочку пошли в сторону Виктора. Седой движением руки дал понять им оставаться на месте. Бойцы послушались, некоторые даже забрались обратно в автомобили.

В этот момент из своей машины вылез Слон и достал пистолет, размером превышающий макар и ТТ. Скорее всего, стечкин. Он сунул его за спину, под ремень, и, явно показывая, что приказ Седого на него не распространяется, грузной походкой приблизился к Седому. Шепнув ему что-то на ухо, он с презрением посмотрел на Виктора и сделал несколько шагов в сторону. Виктор бросил сигарету на асфальт, растер и двинулся навстречу Седому. Остановился метрах в трех, сунул руки в карманы куртки.

— Видимо, у тебя серьезный разговор ко мне, — кивнув в сторону бойцов северных, сказал Виктор.

— У нас тоже еще дела, — ответил Седой и, повернувшись к своим, взглядом указал, чтобы те сели в машины.

— Тогда не будем терять время, — заявил Виктор. — Че там у тебя?

— Ты знаешь, что ваш А. сам виноват? — Седой принял позу обвинителя. — Говорят, его долго пытались успокоить, а он стрелять начал. Даже зацепил кого-то...

— Кто говорит? — перебил Виктор.

— Люди, которые были там.

— И стреляли? — ухмыльнулся Виктор.

— Пришлось, — возвращая ухмылку, проговорил Седой. — Сам знаешь, ваши борзеют по полной в последнее время. Никаких понятий, беспредел кругом. И с этим надо что-то решать.

— Это все понятно, — со спокойной настойчивостью отозвался Виктор. — Но у нас погиб человек. Раны у него на спине, а он ведь никуда не убегал. Это вы так его успокаивали?

В этот момент Слон достал стечкин и со словами: «Подожди, Седой, че ты с ним разговариваешь? Сейчас посмотрим, на чей лоб муха сядет...» — сделал несколько шагов в сторону Виктора.

Бойцы северных нервно переминались. Они были похожи на хищников, ждущих удобного момента, чтобы броситься на жертву.

— Ну, раз разговор не получается, — в том же спокойном тоне произнес Виктор, — то пусть рвется там, где тонко.

С этими словами он развернулся и пошел к автомобилю.

Все дальнейшее произошло практически одновременно. В миг, когда я вышел из автомобиля с пулеметом, Слон передернул затвор и поднял пистолет. Виктор, услышав щелканье, упал на асфальт. Резко повернувшись на спину и вытянув находящуюся в кармане руку, выстрелил из своего небольшого браунинга, который всегда носил в кармане куртки. Удивление и ужас мелькнули в глазах Слона. Он согнулся и повалился наземь, но при этом успел нажать на спуск.

Пуля-дура просвистела рядом с моим виском, коснувшись щеки и кончика уха. «Пронесло», — мелькнуло в сознании.

Упершись спиной в джип, я дал несколько очередей в сторону вражеских автомобилей. Гулкий звук пулеметной очереди эхом разнесся по округе. Огненные плевки, вырывавшиеся из ствола, и осколки кирпичной стены, разлетающиеся во все стороны, заставили бойцов северных пригнуться. Но некоторые из них попытались выстрелить в ответ, хотя вести прицельный огонь мешало солнце, светившее им прямо в глаза. Я направил пулемет в их сторону, но нажать на спуск не смог. Что-то непонятно тяжелое сжало грудь, затруднило дыхание. «Попали?» — вновь пронеслось в сознании. Откинувшись на дверь джипа, я попытался вздохнуть.

Воспользовавшись замешательством, Виктор подскочил к Седому, приставил пистолет к его горлу и, прикрываясь им как щитом, стал отходить к нашему джипу. Северные, сидевшие до той поры в машинах, попытались было выбраться, но автоматный огонь с флангов вынудил их залечь.

— Да вы охренели совсем! — с этими словами один из северных, находящихся перед своими машинами, вскочил и сделал несколько очередей в сторону наших. Его тут же убило ответным выстрелом.

Вздохнув полной грудью, я наконец пришел в себя. Хватило доли секунды, чтобы оценить ситуацию. Необходимо было развить замешательство в рядах противника. Держа пулемет за патронную коробку, я вновь нажал на спуск. Под непрерывный огненный грохот я стал продвигаться в сторону северных, не давая им подняться. Они стали падать на землю, прикрывать головы руками. Некоторые пытались укрыться под машинами, но звон разлетающегося стекла и резкие глухие звуки, с которыми пули прошивали металл, заставляли бойцов панически метаться из стороны в сторону.

В какой-то момент северные дрогнули.

Они бросали оружие и с криками «Не стреляйте!» стали выползать из-под огня. Те, кому это удалось, бросились к реке, пытаясь пересечь ее вброд, но бурное течение валило с ног и уносило. К тому времени, когда у меня закончились патроны, наши молодые стали выбираться из-за камней и под прикрытием товарищей вооружались брошенным оружием. Периодически грохоча автоматными очередями, они вытаскивали из автомобилей испуганных северных бойцов. Некоторые из них были даже моложе наших. Не успевших сбежать колотили прикладами, разбивали в кровь лица, пинали ногами, сгоняли к стене в одну большую кучу. Было в этой картине что-то по-киношному тягостное. Безоружные избитые люди, стоящие у стены под прицелом автоматов, — зрелище то еще. Пусть даже это и враги... Хотя какие они мне враги? Кто-то из них запросто может оказаться моим соседом, а кто-то — каким-нибудь дальним родственником. Вряд ли хоть один из них задумался бы об этом, окажись мы на их месте, но я... я думал именно так...

Виктор отдал приказ подогнать наши машины и погрузить трофейное оружие. Затем посмотрел на Седого, который понуро стоял поодаль, глядя себе под ноги. Мне показалось, что Седой уже давно был готов к такому повороту и теперь всем видом показывал, что и нас самих в конце концов ждет аналогичный исход. Скорее всего, он был прав. Только вот нас с Виктором жалеть никто не станет оттого, что когда-то сидел с нами в одном окопе.

Виктор так и не нашелся, что сказать Седому. Вместо этого он достал сигарету и, покрутив ею над головой, скомандовал:

— По машинам!

Дав еще пару очередей по кирпичной стене над головами северных, отчего те попадали на корточки, наши бойцы быстро заняли свои места в машинах и приготовились стартовать.

Я положил пулемет в багажник и еще раз взглянул на Седого. Вспомнил, каким решительным и бесстрашным его считали тогда, во время войны. Да он, собственно, и был таким. Сейчас же передо мной стоял опустошенный, уставший от всего человек.

— Садись уже, поехали, — услышал я голос Виктора.

Я забрался в машину, и мы двинулись.

— Сын дома? — осведомился Виктор так, чтобы было слышно во всех комнатах и даже на балконе, из которого доносился стук молотка.

Прихожую стали заполнять жильцы квартиры. Две большеглазые девочки лет восьми-деяти. Следом появились трое вихрастых мальчиков от трех до шести лет. «Надо же! — мелькнула

самозваная мысль. — Пятеро детей при такой жизни... Отчаянные люди. Или безответственные».

Затем вышли, судя по всему, отец и дед; у одного в руке — молоток, у другого — плоскогубцы. Последней показалась молодая женщина в наскоро запахнутом халате, с грудным ребенком на руках.

— Шестеро?! — произнес я удивленно.

— Девочки — дочкины. У них отец погиб, а дочка сама в Греции, — пытаюсь справиться с тревогой, заторопилась женщина. — Работает там. Кредит ее муж брал в банке, вот выплачиваем теперь...

В ее голосе зазвучали извиняющиеся нотки, отчего в груди опять появилось непонятное ощущение.

Заметив мое замешательство, Виктор решительно выдвинулся вперед. Отстранил пожилую женщину с дороги и стал расхаживать по прихожей, заглядывая во все двери и углы.

— Квартирка не очень, — обратился он ко мне, демонстративно игнорируя хозяев, возмущенных таким поведением. — Вряд ли покроет долг. Одних процентов набежало на такую же.

Наконец-то осознав, о чем идет речь, хозяин отдал молоток отцу и стал отправлять домочадцев по комнатам — что, впрочем, выходило не очень. Старики продолжали стоять, прижавшись к стене и всем видом показывая, что готовы пожертвовать всем, что у них есть, лишь бы с детьми и внуками ничего не случилось. Дети выглядывали из дверей — кто с опаской, кто с любопытством. Один из пацанов, разглядывая меня, даже спросил, почему у меня кровь на одежде. Женщина с ребенком так вообще подошла вплотную к Виктору, преграждая ему путь для дальнейшего продвижения. Протянув Виктору ребенка, чего он явно не ожидал и потому отступил на шаг, она разразилась гневным воплем:

— На, ешь, мразь! Ты же за этим пришел! Квартиры вам мало? Мы вам и так уже в два раза больше отдали! Все вам мало! Проценты? Вот наши проценты! — Она вновь поднесла ребенка к лицу Виктора. — Бери, больше у нас ничего нет! Кровопийцы проклятые, чтоб вы в аду горели!

— Уйми свою суку! — прорычал Виктор хозяину.

— Слушай, пес! — отозвался тот. — Тебе мы ничего не должны, а кому должны, с тем сами разберемся. — Окинув меня презрительным взглядом, прибавил: — А органами торговать вам, упырям, сподручнее...

— Да ты, я вижу, крутой, — довольно улыбаясь, проговорил Виктор. — Убери-ка свою суку, я тебе объясню, кто кому что должен.

— Сука та, кто такую гниду, как ты, родила! — Глаза мужчины сверкнули.

— Бивень, тебе что, башню клинит? — осведомился Виктор, делая паузу после каждого слова — для большей убедительности.

Но хозяин квартиры оказался не робкого десятка. Для этого работорговцы, видимо, проблемы семьи представляли куда большую значимость, нежели наши угрозы. Взяв жену за плечи, он легонько втолкнул ее в комнату к детям и, полный решимости, шагнул в нашу сторону.

— Пошли вон, бесы! — Он попытался схватить Виктора за плечо.

Виктор, не раз бывавший в такого рода ситуациях, сориентировался мгновенно. Левой он нанес удар в солнечное сплетение. Затем резко проскользнув под рукой противника, ударил правой ему по почкам. Казалось бы, мужчина вот-вот рухнет, но не тут-то было. Сделав несколько коротких вдохов, он саданул Виктора локтем в челюсть, вложив в удар такую силу, что Виктор отлетел к противоположной стене и сполз по ней на пол. Из носа Виктора показалась тонкая струйка крови. Он утерся, с раздражением посмотрел на красный рукав, затем на своего противника.

Когда он пытался встать, из соседней комнаты выскочили дети — сначала три мальчика, а потом и девочки. За ними, как вырвавшаяся из клетки тигрица, вылетела жена. Сунув своего младенца в руки оторопевшей от ужаса старшей девочке, она накинулась на Виктора. Схватив его за волосы, попыталась ударить головой о стену, при этом не забывая осыпать нас проклятиями. Кое-как высвободив руку, Виктор собирался уже отшвырнуть ее, но тут на помощь матери подросли дети. Накинувшись на Виктора, как маленькие волчата, они стали колотить его по голове, царапать щеки, кусать за руки и за ноги.

Все это произошло настолько неожиданно для нас обоих, что осознание, как действовать дальше, пришло не сразу.

Я стоял в полнейшей растерянности еще несколько секунд, затем все же опомнился и поспешил на выручку товарищу. В любой другой ситуации внутренний механизм автоматически сработал бы в нужном направлении: руки бы делали свое дело, ноги свое и даже выкрикивал бы я нужные фразы, совершенно не задумываясь о том, что делаю. Но здесь были дети, старики, женщина, а воевать с ними мое сознание отказывалось. Отлаженный механизм дал сбой... Хотя, может, и не было никакого механизма. Просто я еще не достиг того уровня скотства, чтобы ударить женщину и расшвырять ее детей...

Нечто подобное, скорее всего, испытывал и сам Виктор. Он только злобно шипел и пытался стряхнуть с себя эту шумную

свору. От всего этого на душе стало как-то совсем погано. Я сделал несколько шагов в сторону Виктора для того, чтобы высвободить его, но дорогу мне преградил старик. Он стал яростно размахивать молотком, собираясь разmozжить мне голову. Уворачиваясь, я сделал несколько шагов назад, опрокинув старую обувницу. От гулкогo удара дверца отлетела, и оттуда посыпалась обувь.

Детские ботинки, стоптанные и облезлые, они разлетелись по всей прихожей. Детские ботинки, ношенные и заношенные, передаваемые от старших к младшим, с каждым новым поколением носителей получавшие новые царапины и отметины. Я помнил эти ботинки. У меня самого все детство были такие же — неоднократно клеенные, с облезшими носками и оборванными, в узлах, шнурками. Я смотрел на эти ботинки и погружался в какой-то новый для себя мир. Хотя вряд ли он был новый — скорее, старательно забытый старый, от которого так хотелось откреститься. Это был тот мир, который назывался настоящим, от которого кое-кто пытается уйти своими способами, а кое-кто — как, например, эта семья — встречает его лицом к лицу каждый день...

Как-то совсем уж невпопад опять защемило в сердце. Почему-то захотелось встать на сторону этих людей, сказать им: «Живите спокойно, больше вас никто не тронет». Но вместо этого я как-то нелепо поднял руку — и так же нелепо ее опустил.

— Все! — рывкнул я, перехватив запястье старика.

Тот попытался взять молоток в свободную руку, но я вырвал инструмент из его цепких пальцев и отшвырнув в угол.

— Все, хватит! — сказал я. — Мы уходим.

Старик замер. Хозяин дома смотрел на меня, пытаясь предугадать мой следующий ход.

— Все, — повторил я. — Мы уходим... Хватит, пусти его, — обратился я к женщине, продолжавшей держать Виктора.

Она злобно сверкнула глазами, давая понять, что в любой момент может накинуться и на меня. Но Виктора все же отпустила. Ее примеру последовали дети.

Я подал Виктору руку, он небрежно отмахнулся и поднялся сам. Несколько секунд он смотрел мне прямо в глаза.

— Мы уходим, — не отводя взгляд, произнес я еще раз.

Было видно, что он не очень понимает эту мою неожиданную настойчивость, но все же проследовал к двери. На пороге под ноги ему попались те самые ботинки. Отшвырнув их ногой, он вышел. За ним последовал и я.

Спустившись на один пролет, я обернулся — дверь квартиры оставалась открытой.

Всю дорогу до дома Виктора мы ехали молча. Он жевал сигарету и пытался оттереть от крови рукав, а я смотрел на дорогу.

Подъехав к дому, я стал разглядывать незаконченное строение.

— Еще одна зима, и крышу придется менять. Ты б хоть окна вставил.

Виктор отмахнулся.

— Завтра пошлем молодых, — заговорил он неожиданно. — Они разберутся.

— Никого мы туда посылать не будем, — сказал я очень спокойно.

— С чего это вдруг?! — вскричал Виктор. — Они должны!

— Тебе? — спросил я.

— Должны, и все тут! Я их не заставлял брать. Каждый должен отвечать за свои дела.

— И ты ответишь?

— И я, придет время — отвечу! Жизнь такая штука. Кто-то волк, а кто-то овца. Понимаешь? А тебя я что-то в последнее время вообще не узнаю. Ты на чьей стороне вообще?

— Точно не на стороне Лысого, — ответил я со вздохом. — Волк, говоришь? Тебе, наверно, непонятно до сих пор, что волк в данной ситуации — Лысый. А мы с тобой — в роли шакалов.

Виктор сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Мы еще посмотрим, кто волк, а кто шакал. С этой лысой тварью тоже разберемся.

Но разобраться с Лысым вряд ли уже получится: слишком высоко забрался. Не удивлюсь, если завтра он будет депутатом или каким-нибудь министром.

— Ты ботинки в квартире видел? — задал я неожиданный вопрос.

— Че еще за ботинки? — не понял Виктор.

— Там, в квартире. Детские ботинки.

— Ну видел. Этому драному барахлу на помойке место, а они хранят. Нищета поганая!

— Вить, у тебя в детстве таких не было?

Виктор достал последнюю сигарету, прикурил и процедил сквозь зубы:

— Курить бросаю... Бросишь тут...

Затянувшись еще раз, он бросил сигарету себе под ноги и принялся растирать ее об асфальт.

— Че за фигня в последнее время происходит?.. Ладно, езжай домой. Завтра разберемся.

Он зашагал в сторону своего дома, но на полпути остановился и приобернулся:

— Мы сегодня как бы и северных одолели, а главное, в живых остались. И все равно что-то не то...

— Да, — улыбнулся я. — В живых остались — это хорошо.

— Ха! — сказал Виктор. — Это, может, ненадолго. Хотя кто его знает...

«Ненадолго...» — прозвучало у меня в голове, и, еще не сознавая, что делаю, я сказал:

— Виктор, я... ухожу.

Он округлил глаза.

— В смысле — уходишь?

— Вот так, — ответил я, — ухожу совсем.

— Когда это ты решил? — спросил Виктор. Потом добавил: — Говорил же, ты мне в последнее время не нравишься, что-то с тобой не так. А оно, значит, вон что. Хозяин — барин, конечно... только что братва подумает?

— Братва... — повторил я. — Братва пусть думает, что хочет. Каждый сам решает, как жить. Думаю, многие даже рады будут.

Я завел двигатель. Затем, пристально поглядев на Виктора, произнес:

— И вот еще что. Передай им: если кого за собой увижу, буду поступать как умею. Они меня знают. Я знаю, где живут их родители, где работают жены... где учатся их дети, в конце концов.

— Думаешь, получится так просто уйти? — прозвучало мне вслед со снисходительной усмешкой.

Я отъехал от дома и рванул по трассе. Виктор остался стоять у своей двери. «Вот и все, — думал я. — И эта страница моей жизни перевернута». Хотя я и осознавал, что все не так просто. Хотелось разом все оборвать, послать все к чертям и оказаться там, где тебя никто не знает. В этот момент подумал о Лене. Достал из кармана мобильный и включил. Два пропущенных вызова от нее. Стал было набирать ей, но передумал — решил заехать прямо сейчас.

Оказавшись у нужного дома, я заглушил двигатель и вылез наружу. Свет в ее окнах горел. На всякий случай оглядевшись, я зашел в подъезд, вызвал лифт, но, не дожидаясь его, стал подниматься по лестнице.

Лена встретила меня с улыбкой, но выражение ее больших серых глаз было далеко не радостным.

— Я звонила, — пропуская меня в прихожую, усталым голосом произнесла она.

— Занят был, — сухо ответил я, хотя понимал, что сухость в голосе — не то, что нужно в данный момент. Смягчившись немного, добавил: — Работы много было, не мог ответить.

Расстегнул куртку, совершенно забыв о следах крови на шее и на майке.

— Это ты называешь работой? — в голосе ее прозвучала тревога.

— Поцарапался немного, — легкомысленно отозвался я и, на ходу снимая куртку и майку, прошел в ванную.

Отмывшись, я обнаружил, что рана действительно оказалась царапиной.

Лена сидела на кухне и выглядела совершенно погасшей — руки покоятся на коленях, плечи опущены. Надо было что-то говорить, но я не знал что.

— Кушать будешь? — наконец поинтересовалась она. И не дожидаясь ответа, подошла к плите.

— Подожди, — попросил я. — Я хочу сказать... Словом, хочу уехать из города. Поедешь со мной?

— Куда?

— Да какая разница. Просто уедем, и все. Там видно будет.

— Что будет видно, Артур? — Какая-то обреченная улыбка растянула ее губы. — Мы с тобой пять лет вместе, и я ничего не вижу. Пять лет назад я была бы готова поехать куда угодно. А сейчас — нет. Артур, тебя ничего не держит, у тебя никого нет. Да тебе никто и не нужен.

Она села на табурет и прикрыла глаза ладонью.

— Куда ехать? А родителей на кого я оставлю? У отца инфаркт, мама не в лучшем состоянии. Мне их бросить и ехать с тобой? В конце концов, у меня работа. А там что? За все это время ничего не изменилось, и я не верю, будто что-то изменится в другом месте. Мне нужен мужчина, понимаешь? Мужчина, который будет рядом. А не крутой парень на джипе, что заезжает пару раз в неделю. Тебе хоть известно, каково это — ждать? Работа, говоришь? Вижу, какая у тебя работа... Нет, Артур, никуда я не поеду...

Надо было что-то ответить, но слов у меня не нашлось. Этот день не то чтобы опустошил меня, он разрушил тот картонный домик, в котором я жил последние несколько лет. Пришлось задуматься, действительно ли мне никто не нужен...

Я поднялся и молча вышел в прихожую. Натянув куртку на голый торс, направился к двери. На ходу глянул через плечо. Лена уже стояла в дверях кухни и смотрела мне вслед. В ее взгляде читалась усталость от всего происходящего и одновременно жалость ко мне, отчего в моей душе (или в том, что от нее осталось) сделалось совсем неуютно и холодно.

— Прости. — Это все, что я смог выдать из себя.

Всю дорогу до дома меня не покидала мысль, нужен ли мне кто-то и с чем связано то, что вокруг меня нет по-настоящему близких людей. Ведь были же у меня и друзья, и родственники, которые помогали, как-то заботились после смерти мамы. Все отделились, исчезли куда-то... На самом деле я понимал, что отделился сам. Это, скорее всего, случилось задолго до того, как я стал заниматься тем, чем занимался до сего дня. Тогда это случилось, когда я заслужил право носить звание правильного пацана.

Правильный пацан, не включающий заднюю, не приемлющий и не прощающий не только своих, но и чужих слабостей. Правильный пацан, который отвечал не только за базар, но и за поступки. Правильный пацан, кому не нужно ни снисхождение, ни чужая поддержка. Он сам может взять на себя роль судьи, сам может просить и предъявить. Люди не живут так. Они бывают и слабы, и чрезвычайно сильны духом; они могут быть очень добры и при этом безответственны; они могут ошибаться и прощать ошибки другим; они могут быть скупыми и невероятно щедрыми одновременно. Это парадокс, но это так. Люди не живут по пацанским законам, они эмоциональны и чувствительны. А чтобы быть правильным пацаном, необходимо было заглушить в себе все чувства, которые, как мне казалось, делали меня только слабее. Словом, люди жили в своем мире, такие, как я, — в своем, а управляющие всем этим бардаком — в третьем.

Почти на автопилоте я доехал до дома и вдруг с ужасом осознал, что, уходя от Лены, впервые за последние годы не заглянул под автомобиль, не огляделся по сторонам и даже не запомнил, как добрался до своей улицы. «Программа начала сбоить», — подумал я и улыбнулся этой мысли. Действительно, пора было уходить.

Зайдя в подъезд и поднявшись на третий этаж, я все же оглядел лестничный марш и выше, и ниже своей площадки. После чего открыл дверь и вошел внутрь. Закрыв дверь на несколько замков, бросил ключи на тумбочку и стал раздеваться. Стянул куртку, джинсы, носки, трусы. Бросил все в стиралку, предварительно проверив карманы. Затем открыл кран и встал под душ. Понемногу начал приходить в себя, вода, казалось, смывает с меня все проблемы сегодняшнего дня. «Если уезжать, — подумалось, — то лучше не тянуть. Уезжать нужно в ближайшее время — может, даже завтра. А еще лучше — сегодня... Правда, непонятно куда, да в принципе какая разница, хотя бы в столицу. Найти работу, благо имеется диплом юриста. Залечь на дно на годик-другой, а там видно будет...»

Я вылез из-под душа, обтерся и пошел на кухню. Хотелось поесть, но еды не было. Насыпав в кружку растворимого кофе, я залил его кипятком и сделал несколько глотков. «Да, уезжать нужно сейчас», — принял я решение. Отхлебнув еще пару глотков, я принялся за сборы.

Кинув в сумку пару маек и рубашек, джинсы, носки и еще какие-то предметы первой необходимости, я оделся и стал копаться в бумагах. Найдя паспорт и необходимые документы, рассовал их по карманам. Затем достал из потайной ниши деньги. Оценив взглядом количество купюр, подумал, что этого, конечно же, не очень много, но на первое время хватит. Разделив деньги на несколько частей, я также рассовал их по карманам.

— Ну вот, готов... — сказал себе, присаживаясь на диван. И вдруг вспомнил про диплом.

«Да, диплом лучше взять», — подумал я и стал вспоминать, где он мог находиться. Покопавшись на полках, нашел металлическую коробочку, в которой мама хранила фотографии и еще какие-то, на ее взгляд, ценные вещи. Стало понятно, что диплом будет именно там. И действительно, он оказался там. Лежал на самом верху, прикрывая собой старые фотографии, какие-то бумаги и несколько серебряных украшений, оставшихся от мамы.

Я достал диплом, и мой взгляд остановился на нашей с мамой карточке: мне лет десять-одиннадцать, и мама еще совсем молодая и красивая. Она воспитывала меня одна, отец, конечно же, был, он и сейчас живет где-то, но в нашей семье и среди родственников о нем никогда не упоминалось. Во всяком случае, при мне. На мои расспросы о нем мама либо замыкалась в себе, либо переводила разговор на другую тему, либо отвечала сквозь зубы что-то совсем уж невнятное. В конце концов я перестал спрашивать.

Еще на одном фото мы стояли с мамой у школы. По всей видимости, это было первое сентября, в одной руке я держал портфель, в другой цветы, мама стояла за моей спиной, опустив мне руки на плечи. На мне белая рубашка с галстучком, черные брючки и самое интересное — на ногах не стоптанные, с ободранными носами, а совершенно новые блестящие ботинки. Кто-то из соседей, помню, сказал тогда, что мать, собирая меня в школу, продала свое любимое кольцо с камушком, и теперь я просто обязан учиться хорошо и радовать успехами свою маму. Помню, мне было очень не по себе от этих слов, я пообещал маме, что буду хорошо учиться, выучусь и куплю ей не одно кольцо, а целых десять. Может, именно этим словам мама и улыбалась тогда.

— Выучился... — произнес я вполголоса.

Из всех обещаний, данных ей, я действительно выполнил только одно — получил диплом. Повертев книжечку в руках, я положил ее в сумку, подошел к окну и открыл форточку. Что-то опять кольнуло в груди.

Начинало светать. Я держал в руках нашу с мамой фотографию и думал о том, как давно я не был у нее на могиле. Мне всегда было тяжело находиться там. Не знаю почему. Может, действительно от чувства вины за невыполненный сыновний долг. А может, еще почему-то, в чем я пока не разобрался. Надо съездить на кладбище и попросить у нее прощения. Кто знает, через какое время я вновь попаду в город.

Постояв у окна, я неторопливо перебрал вещи в сумке, желая оставить только самое необходимое. Но вещей было и так немного. Я был готов к выходу. Повертев фотографию в руках, я положил ее в диплом и закрыл сумку.

Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как доехал до кладбища. Скорее всего, это не заняло много времени — гораздо больше я потратил, чтобы добраться до маминой могилы.

За то время, пока я сюда не приходил, вокруг могилы появилось большое количество захоронений, которые успели обрасти зеленью и даже небольшими деревцами. Чувство вины, давившее на грудь все утро, исчезло, когда я увидел мамино лицо на памятнике. Оно улыбалось мне доброй улыбкой так же, как на той фотографии, где мы с ней вместе. Мама как бы говорила мне: «Не печалься, сынок, я тебя люблю». Желание просить прощение исчезло, вместо этого ком подкатил к горлу и несколько капель сползли по щекам. Утерев лицо ладонью, я развернулся и медленно пошел обратно к автомобилю.

Не хотелось ни о чем думать. Хотелось скинуть с себя то напряжение, которое скопилось за последние несколько лет. Я уже забыл, каково это — быть свободным от вечных разборок, от обязательств перед братвой, от бандитских движений, от параноидальной необходимости следить за всем происходящим. Быть свободным от мыслей, все чаще посещающих тебя, что следующим именем на мраморной плите будет твое. Я решил оставить машину прямо здесь, взять сумку и уйти налегке. На машине, пусть даже с очень хорошо сработанными, но все же поддельными документами, вряд ли получится далеко уехать. Да и уверенности, что она давно не состояла у правоохранительных органов на учете, у меня не было. В любом случае уходить надо было налегке. Забрал сумку, я не стал закрывать двери и даже ключи

оставил в замке зажигания. Надо было попытаться выехать на попутке за пределы республики, а там — либо на поезде, либо на самолете рвануть в столицу и затеряться...

Пройдя метров сто в сторону трассы, я остановился. В кармане куртки вдруг задребезжал телефон. «Надо бы и от него избавиться, — мелькнуло в голове. — Даже не надо смотреть, кто звонит... я ведь уже ушел...» Но следующая мысль все же заставила достать трубку. Я подумал: «А вдруг это Лена». Вдруг она все же решилась, хотя шансов на это было немного.

Номер не определился.

Поколебавшись несколько секунд, я ответил на вызов.

— Да.

— Артур, это я. — Голос девятнадцатого звучал тревожно, и хотя он пытался держать себя в руках, скрыть подавленность ему не удавалось. Из чего стало ясно, что проблемы, о которых я его предупреждал, не заставили себя ждать.

— И чего бы нам не спалось в столь ранний час? Решил с утра разобраться с делами? Похвально.

— Артур, они хотят с тобой поговорить, — уже не скрывая подавленности, проговорил девятнадцатый.

— Они? Кто это — они? А не те ли это люди, с которыми ты еще вчера обещал разобраться сам? — с показным равнодушием произнес я.

— Они хотят с тобой поговорить, — повторил он с нажимом на «тобой».

— Знаешь, у меня нет ни желания, ни времени разговаривать со всякими тупоголовыми баранами.

На этих словах я уже отодвинул трубку от уха, но услышал голос явно не принадлежавший девятнадцатому:

— Послушай, Артур, или как там тебя. Если в течение часа не подъедешь к недостроенной больнице... той, что около летного поля... мы прострелим твоему другу колени.

— Валяйте, — мой голос приобрел привычные для терок такого рода издевательские нотки. — Он мне не друг.

— Слушай сюда, дятел! — прозвучал еще один голос. — Не хочешь базарить сейчас, захочешь, когда телку твою привезем сюда. Твой друган поможет. Так что смотри сам.

В глазах у меня потемнело.

— Ты, бычара! — процедил я. — Ты действительно хочешь, чтоб я приехал?

— Да! — вызывающе зарычали в трубке. — Приедешь не один — крошим всех в капусту!

— Уверен в себе?

— Уверен.

— Да ты смельчак, я посмотрю. Ну тогда жди.

Я развернулся и по пути к джипу вспомнил последние слова Виктора. Да уж, просто уйти пока не очень-то получалось. В принципе он был прав, мало кому удавалось уйти легко. Мало у кого из бандитов, куда круче нас с Виктором, получалось это сделать. Пуля наемного киллера или в лучшем случае компетентные органы находили их на островах Греции, на закрытых виллах в Испании и даже в закрытых арабских странах. Но я рассчитывал на то, что я фигура значительно меньших масштабов, поэтому и интерес ко мне должен быть небольшой. Но, как видно, у фигур меньших масштабов и преследователи соответствующие, что в данный момент веселило и раздражало одновременно. «Дилетанты безмозглые, — думал я. — Это ж надо было назначить встречу именно в том месте, где мы постоянно тренировались ведению боевых действий в городских условиях...»

Комплекс из нескольких зданий, который они называли недостроенной больницей, стоял на краю города в замороженном состоянии уже пять или семь лет. Это было очень удобное место для отработки стратегических навыков по зачистке жилых помещений или освобождению заложников.

— Дилетанты тупоголовые, — произнес вслух я, завел двигатель и развернул машину в сторону летного поля.

За несколько лет проведенных там тренировок я знал не то что все входы и выходы, я знал каждый кирпичик, который можно было бесшумно вытащить из перегородки и следить за происходящим в соседнем помещении. Я знал, где можно спрятаться так, чтобы тебя не могли найти в течение нескольких часов, а может, даже и суток. Словом, я понимал, что стратегическое преимущество все же не совсем на их стороне.

Заглушив двигатель, я извлек из тайника пистолет и проверил обойму. Затем вошел в небольшое одноэтажное здание — то ли будущий морг, то ли лабораторию. Вряд ли ожидавшие меня у комплекса самонадеянные идиоты знали, что отсюда через сеть подземных переходов можно попасть в основной корпус. Почти уверенный в этом, я все же продвигался очень осторожно.

Я добрался до корпуса и, прижавшись к стене, стал пробираться вверх по лестнице. Дойдя до последнего этажа и встав ногами на перила, я дотянулся до чердачного проема, ухватился за него, подтянулся и забросил ногу. Оказавшись на черда-

ке, я пробрался к ближайшему слуховому окну и осторожно посмотрел вниз.

Уже знакомое мне по вчерашнему инциденту БМВ стояло во дворе П-образного здания. «Вот идиоты, — весело мелькнуло в голове. — Засаду устроили. Интересно, куда бы делись сами, если б я приехал не один?..»

Теперь предстояло обнаружить тех, кто должен был «покрошить в капусту». Если они ожидали, что я подъеду по главной дороге, то засаду лучше всего устроить в боковых корпусах. Так легче попасть в меня, не зацепив своих. Если они вообще хоть что-то в этом понимают. И этаж должен быть второй или третий: так удобнее. Осталось выяснить, с какой стороны...

Аккуратно передвигаясь от одного слухового окна к другому, я стал высматривать в окнах второго и третьего этажей приготовленный мне сюрприз.

— Ну вот, — прошептал я сам себе, когда в одном из окон второго этажа заметил легкий дымок. Скорее всего, от сигареты. Оставалось разобраться, сколько человек там засело.

Спустившись на несколько этажей ниже, через щель в стене я заглянул в салон автомобиля. Стекла были затонированы, и мне с трудом удалось рассмотреть три фигуры. Но этого было достаточно. «Девятнадцатый, один из тех, с кем он пререкался, и борец», — предположил я. Значит, в засаде один. Хотя не факт. Надо было перепроверить.

Двигаясь по возможности бесшумно, через некоторое время я достиг помещения, за стеной которого и находился приготовленный мне сюрприз. В перегородке я обнаружил щель, заткнутую деревянным колышком. Осторожно вынув его, я заглянул в соседнее помещение. «Вот идиоты, — чуть не выкрикнул я. — За кого они меня держат?!»

У окна, прижавшись спиной к стене, на кирпичях сидел один из вчерашних пацанов, с которыми зацепился девятнадцатый. Мало того, что он курил, так он еще и копался в своем телефоне. Старенький, выдавший виды калаш был прислонен к подоконнику. «На предохранителе, — подумал я, разглядывая автомат. — Секунда форы. Еще одна, пока он его схватит. Две секунды... Не так уж плохо...»

Достав из-за пояса пистолет, я снял его с предохранителя. Подойдя к входному проему, я приготовился. За две секунды нужно было преодолеть пять метров. «Проще простого», — подумал я и бросился к окну. Хватило и одной секунды. Откинув в сторону автомат, я нанес мощный удар по голове рукояткой пистолета. Не ожидавший нападения противник выронил телефон и схватился за макушку, даже не пытаясь подняться.

— Вставай! — Я приставил дуло к его лбу и для острастки пнул ногой. — Вставай, тварь! И чтоб тихо! Пикнешь — мозги по стенам размажу.

Струйка крови побежала по его носу. Он посмотрел на свою окровавленную руку и молча стал подниматься. Я приставил пистолет к его горлу и стал подталкивать к выходу.

— Пошел, мразь. В капусту, говорите, покрошите? Ну, вот сейчас увидим.

Я подобрал автомат и перекинул через плечо. Мы продвигались медленно и тихо. Я старался раньше времени не обнаруживать себя. Остановившись у выхода во двор и уперев ствол в затылок пацана, другой рукой я просунул автомат ему под мышку. Подождал, решаясь, потом, прикрываясь засранцем как щитом, двинулся в сторону БМВ.

Увидев эту картину, сидящие в машине попытались выбраться и что-то предпринять, но я дал короткую очередь и заревел:

— Всем оставаться на месте! Стволы наружу! Повторять не буду!

— Будешь стрелять — попадешь в своего! — раздался голос борца.

— У меня нет здесь своих. Повторяю в последний раз: стволы наружу!

Я дал еще одну очередь, после чего из окна вылетел макаров.

— Еще! — крикнул я. — Я сказал: еще! — и нацелился автоматом уже в салон.

— Больше нету! — сообщил борец. И после паузы с раздражением добавил: — Нету, тебе говорят! Мамой, что ли, поклясться?

— Ты, как вижу, у них старший. Так вот, командир, отпускаешь этого, — я указал стволом на девятнадцатого, — и получаешь своего. А там поговорим — ты же хотел поговорить? Считать не буду, выпускай прям сейчас.

Потом, сделав еще шаг вперед, крикнул девятнадцатому:

— Ну, чего сидишь? Выходи!

Девятнадцатый вылез из машины с видом разведчика, перетерпевшего допрос, и двинулся прямо на меня.

— В сторону, болван! — зашипел я и только теперь разглядел наручники у него на запястьях.

Не отводя автоматный ствол от салона, я крикнул:

— Снимите с него наручники!

Борец сделал попытку вылезти.

— Не ты! — остановил я.

Тогда из машины показался парень помоложе. На вид ему не больше двадцати двух, и вряд ли он сам осознавал, под какую раздачу мог попасть.

Чуть повозившись с наручниками, он наконец снял их.

— К машине, — велел я девятнадцатому, кивком указывая, в какую сторону следует топать.

Девятнадцатый прошел мимо. Тогда я опустил автомат и подтолкнул своего пленника пистолетом:

— Ну, иди!

Борец попытался выбраться из машины, и я направил пистолет на него.

— Очень-очень осторожно, — сказал я. — Без резких движений.

— Артур! — вдруг вскрикнул девятнадцатый.

Ему можно было не кричать. Боковым зрением я видел, как парень, только что освободивший его от наручников, рванул в мою сторону. Развернувшись корпусом, но не отводя ствол пистолета от борца, я ударил нападавшего ногой. Удар пришелся в пах, от чего парень сложился пополам и застонал.

— Вы вообще кто такие? — гадливо осведомился я. — Что за черти?.. — Я посмотрел на борца. — И ты вот с этими пацанятами собирался кого-то крошить в капусту? У тебя голова есть?.. Хотя если бы у тебя была голова, ты б для начала поинтересовался, на кого наехать собираешься...

— Да они никто! — взвизгнул девятнадцатый из-за моей спины. — Эти двое братья, в автомастерской работают. А этот спортсмен — родственник какой-то. Мастерская — его.

— Заткнись, овца! — велел я ему. — Иди к машине, сказано!

На этот раз девятнадцатый не стал искушать судьбу и молча побрел к джипу.

— Так вы работяги? — спросил я у неудавшихся наезжал. Голос мой звучал издевательски-снисходительно. — Работяги... И че вы полезли не в свои дела? Занимайтесь своими ремонтами. На разборки они приехали... Родня ваша, наверно, порадуетса, когда вас, таких героев, домой вперед ногами занесут. Тройной праздник для фамилии.

Тут уже не выдержал борец. Он выпрямился и, злобно глядя на меня, заговорил:

— Своим делом заняться?! Да разве вы дадите? Вы ж как шакалы! Все вам мало! Везде суется! Всех обложили! Ни жить, ни дышать не даете! Ни совести, ни чести, даже понятий никаких! Беспредельщики!

Я заулыбался.

— Это мы шакалы? А вы, получается, санитары леса, да? Защитники угнетенных и обездоленных. Мы, получается, беспредельщики, а ты — честный мститель... Что же ты, такой честный и совестливый, бабу мою грозился убить?

— Никто ее не собирался трогать. Просто этот сказал, что тебя легче всего достать через бабу.

— Этот? — переспросил я.

— Ну да, — и он показал вслед уходящему девятнадцатому. — Поговорить хотели.

— Поговорить? А автоматчика в окне зачем посадил?

— Пацан сказал, что ты не в себе, можешь сразу палить начать.

— Ладно, все это пустая болтовня. Че хотел, говори.

Борец был явно в замешательстве.

— Че хотели, спрашиваю? — напирал я. — Ну, взяли бы вы меня. Поставили бы под ствол, как я вас сейчас. Что сказали бы?

— А ты опусти пистолет, — с вызовом произнес борец. — Тогда поговорим.

— Вы, бараны непуганные, будете мне еще условия ставить? — произнес я, но пистолет все же опустил.

Было не очень понятно, как люди, не умеющие ни толком наехать, ни толком защититься от наезда, решились на такое. Скорее всего, их действительно достал беспредел, творящийся вокруг. А может, наоборот — захотелось почувствовать себя крутыми.

— Мы не лохи, которых вот так прямо на дороге можно запустить под раздачу, — заявил борец. — Ты вчера был неправ. А если человек неправ, то по всем понятиям должен ответить.

— Ответить? — Я коротко засмеялся. — Ну, вот я перед вами. А вы что, спросить можете?

Борец не нашелся. Постоял, сверля меня глазами, затем подошел к лежащему товарищу, поднял его и подвел к машине.

Продолжать разговор не было никакого желания. Следовало побыстрее убираться отсюда.

— Ну, че молчишь? — спросил я. — Может, ждешь, что я извиняться начну? А может, компенсацию тебе еще? Так я могу!

Вытащив из кармана золотую цепь, я кинул ее борцу:

— Хватит?

Борец не шелохнулся.

— А хочешь мою машину? Забирай!

Неудавшиеся наезжалы изумленно вытаращились на меня.

— Я серьезно. Вы забираете машину, я — эту гниду, и разбежались. Такой расклад устраивает?

Наезжалы молчали.

— Устраивает, спрашиваю? — рявкнул я, обращаясь к тому, кого ранее пнул ногой.

— Устраивает, — пробурчал тот себе под нос.

— А тебя устраивает? — спросил я у того, кем прикрывался.

Он дважды кивнул.

— Теперь ты, командир. — Я посмотрел на борца. — Ну! Говори. Борец молчал.

— Еще раз повторяю, — сказал я, повышая голос. — Вы — забираете машину. Я — забираю эту гниду. И — разбегаемся. Как тебе расклад?

Судя по всему, борец обдумывал, каким образом может повернуться ситуация. Тем более что слышал обо мне не самые лестные отзывы.

— Устраивает, — наконец выдохнул он.

— Ну, раз всех все устраивает, тогда пойдем.

Я швырнул автомат одному из них.

— Вы же не беспредельщики, вы люди чести. Стрелять в спину не станете.

Неудавшиеся наезжалы последовали за мной.

— Ну все, теперь точно ухожу, — сообщил я скорее самому себе, чем своим молчаливым провожатым. — Только сумку заберу.

Девятнадцатый дожидался нас у джипа, переминаясь с ноги на ногу. Взгляд его мне сразу не понравился. «Что это с ним?..» — рассеянно подумал я и вдруг вспомнил, как вчера утром этот мелкий засранец засовывал пистолет под сиденье. «Только попробуй что-нибудь выкинуть!» — мысленно пригрозил я ему, делая страшные глаза, но было поздно...

Девятнадцатый уже вскинул чертов пистолет.

— Не стреляй! — рванувшись к нему, заорал я во всю глотку.

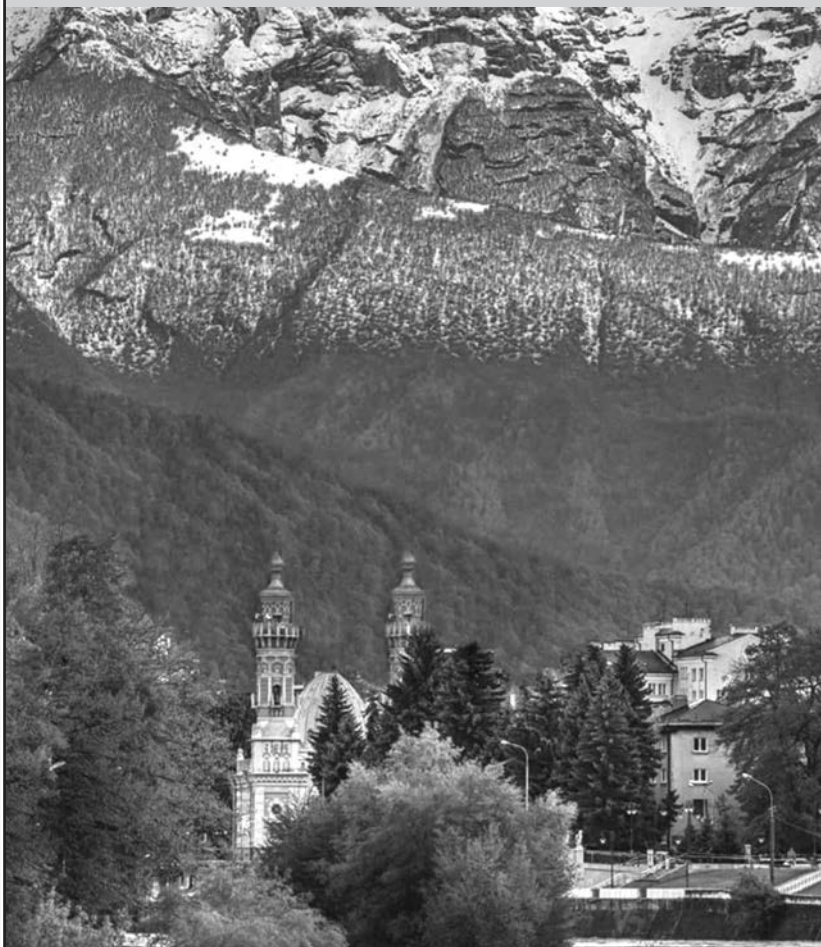
— Держите, твари! — Он прынул в сторону и выстрелил.

— Не стреляй! — кричал я уже родственникам, но автоматная очередь заглушила мой вопль.

«Не стреляя-а-ай!» — хотел крикнуть еще раз, но вместо этого издал непонятный гортанный звук. Что-то резкое и обжигающее кольнуло грудь. «Опять, — подумал я. — Только уже не так, как раньше... Боже, как больно...»

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ БЕЙТЫ

СТИХИ

В оформлении использовано фото из открытых источников

ГЕРМАН ГУДИЕВ

* * *

Мой город не Москва, увы, не Рим...
Но для меня, как жизнь, — неповторим!

Не потому, что здесь распят Христос
или пропил последнее Атос.

Не потому, что здесь меридиан
рассек, отсек от Библии — Коран...

И не было дорог здесь никогда,
сверкающих, как в Лувре зеркала!..

Короче, город скромн мой и прост,
как праздник в бедном доме...

Здесь я рос!
Увидел первый дождь и первый снег,
казалось мне, что вижу их
во сне!..

Увидел Рождество и Первомай!
Арбу,
машину,
самолет,
трамвай...

Здесь начиналось кровное родство
со всем, что позже в сердце расцвело

чинарой, что росла у нас в саду...
«На шаг один отсюда не сойду», —

она шептала летом и зимой,
она всегда звала меня домой!..

И потому здесь каждый старый дом
не рухлядь для меня — червонный том!..

Здесь каждый переулок, поворот,
тупик — меня в тупик не заведет...

Всех горожан не знаю, как зовут,
но все они к себе меня зовут!

Я многих знал и многих позабыл,
но все они — кусок моей судьбы!

Сквозь времена и годы, ночи, дни
наш город чем-то нас объединил...

Он стал родней в огнях, дымах войны,
и мы ему поэтому верны!

Короче, этот город — наш и мой!
Пусть будет он последний, угловой

в блистающем ряду больших других,
я не другим — ему слагаю стих!

Его нам — никаким не заменить,
и этим для меня он
знаменит!

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ БЕЙТЫ

Маргинальная ментальность, новый эклектизм.
Вверх нацелено пространство, время целит вниз.

Здесь в мечети — планетарий, а в другой — музей;
Маятник Фуко витает странным духом в ней.

Шар тяжелый тускло блещет, шпиль нацелен вниз,
Чьи-то души в эти вещи молча облеклись.

Этот город может сниться вновь — в который раз? —
Дзауджикау, Орджоникидзе... Вот: Владикавказ.

Слышишь, Ира? Третий лишний... Между «нет» и «да»
Что мы ищем? Что мы пишем? Письма в никуда.

Словно сны проходят лица, имена на час.
В небе синем свист синицы твой щекочет глаз.

Лица-улицы менялись, множа сонм потерь.
Люди плакали, смеялись... Где они теперь?

Кто мы, Ира? Где мы, Ира? Может, нету нас?
Память Ира прахом мира молча облеклась.

Перекрестье и сцепление, магия фигур.
Все теплее... нарастает трансцендентный гул.

Было плохо — будет лучше. Тот еще Хафиз!
Горло суше, эхо глуше... Голос... Вокализ...

Тары-бары, цепь Сансары... Годы, как вода,
Огибают город старый... Бредят города...

ВЛАДИКАВКАЗ. УТРО

Испуганно поежились дома
У гор подножья. Утро наступает.
Здесь был когда-то Александр Дюма,
Бродили Лермонтов и декабрист Беляев.
Где дом для проезжающих стоял,
Там сквер теперь хранит воспоминанья
О днях минувших у подножья скал.
В нем Пушкин жил, скучал, писал посланья,
Скрывает тайну каждый поворот.
Забьется сердце гулко и тревожно,
Когда вдали лицо Коста мелькнет
И станет невозможное возможным.
Я мысленно по старой Терской вновь,
Где стойкою гуляли гимназисты,
Пройду. Внушавший барышням любовь
Навстречу мне Вахтангов юный быстро
Пройдет в театр. Булгаковская тень
За дверью этой ревностно застыла...
Встает заря, приходит новый день,
В пурпур дома окрашивая мило,
И отступают тени тех, кто жил
Когда-то в городке провинциальном,
Мечтал, грустил, смеялся и любил.
В витринах отражается зеркальных
Сияньем солнечным новорожденный день.

НАТАЛЬЯ КУЛИЧЕНКО

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЛАДИКАВКАЗУ

Я всегда возвращаюсь к тебе из скитаний и странствий,
Торопясь окунуться в дождливую морось ночей.
Город мой, обрамленный горами Кавказскими, здравствуй!
Здравствуй, Терек шумливый, вахтанговский дом и мечеть!

Парк старинный меня приютит под раскидистой сенью
 Тополей горделивых, осин и каштановых лап.
 Ляжет вечер ко мне на колени узорчатой тенью
 В беспокойно-рассеянном свете оранжевых ламп.

Постою на мосту, где живут золотые грифоны,
 Поброжу по проспекту Коста под автобусный гул,
 Загляну в планетарий, как в детстве, и «щелкну» на фоне
 Белокипенных кружев ротонды на том берегу.

К Осетинской слободке вернусь, как к родному истоку,
 Пред талантами благоговя, войду в Пантеон:
 На границе Истории с Памятью призрачно-тонкой
 Помолюсь за ушедших навеки под благодный звон.

Перед факелом с Вечным огнем преклоню я колени,
 Пожелаю погибшим героям в Той жизни — добра...
 А потом Терренкур распахнет предо мною аллеи
 В тишине и величии мудром столетних дубрав.

И опять —
 На проспект Александровский в дрожках скрипящих
 По мощенным булыжником улицам я тороплюсь,
 Заплутав меж веками — ушедшими и настоящим, —
 В город-крепость войду —
 И навеки в тот город влюблюсь!

ЧЕРМЕН ДУДАЕВ

ПРОГУЛКА ПО ВЕЧЕРНЕМУ ГОРОДУ

День ушел, попрощавшись со мною
 Стонным скрипом железных дверей.
 И блуждал я вечерней порою
 Под тоской городских фонарей.
 Был у Терека. Шумно и людно,
 Ни врагов, ни друзей не найдешь.
 Мне и Терек найти было трудно:
 Молодежь! Молодежь! Молодежь!

Где-то слышались звуки гитары,
Темнота, суета, маета.
Целовались влюбленные пары
На скамеечках возле моста.
Поражая космических змиев
Монолитной своею рукой,
Сам Исса Александрович Плиев
На коне сторожил их покой.
Парни, девушки, краски и тени —
Все смешалось — и смех, и оскал.
Как спасенье явились ступени,
По которым я вверх прошагал.
В небе плыли вены и марсы,
Месяц занял положенный пост,
Но молчали угрюмые барсы,
Охранявшие штыбовский мост.
Вдруг раздался призыв муэдзина,
Я пошел на таинственный зов.
Предо мною предстала картина —
Цвет уменя восточных творцов.
Дух Востока проснулся в поэте,
Лился юного месяца свет,
Я стоял у Суннитской мечети
И смотрел на ее минарет.
Мнилось мне, что в песках неустанно
Я проделал огромнейший путь,
С караванами из Пакистана
У святыни решил отдохнуть.
И присел на скамью у порога,
Окунувшись в мечтаний дым,
А сознание шептало: «Дорога
Ждет тебя, молодой пилигрим».
Я побрел, но тревожны и сонны,
С золотым оперением крыл
Меня встретили гневно грифоны,
Будто я их в ночи пробудил.
Избегая грифонова взора
И внимая заманчивый шум,
Я увидел за тенью забора
Парк, наполненный дымкою дум.

В парке пели, смеялись, кричали,
Говорили об этом, о том,
Только ивы устало качали
Свои косы над сонным прудом.
И стояли уныло качели,
Отдыхая от долгого дня.
И деревья листвою звенели,
Вновь и вновь вдохновляя меня.
Заиграла душевная лира,
Звуковой создавая эффект.
«Мира, мира, всем людям мира», —
Я сказал, выходя на проспект.
Пусть темнеют небесные своды,
Сердце светит, вдохнув красоту.
Я свободен, и площадь Свободы
Подтверждает мою правоту.
Завершая ночную прогулку,
Поборов окончательно грусть,
По пустому иду переулку
И читаю стихи наизусть.
На далекие томные горы
Ночь накинула темный атлас.
Спи спокойно, мой светлый город,
Несравненный Владикавказ!

Артур ЦЕРЕКОВ

В оформлении использовано фото из открытых источников

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Удивительные метаморфозы приходится наблюдать в окружающем нас мире. На протяжении примерно 50 лет, с 1940-х по 1990-е годы, самым престижным, дорогим и обожаемым настоящими меломанами носителем музыки был винил. Качественная пластинка, произведенная в капиталистической стране, стоила более половины заработной платы врача или учителя, и даже при такой ее заоблачной стоимости найти нужный экземпляр в коллекционном состоянии и полной комплектации было весьма проблематично.

На рубеже двух последних десятилетий XX века технический прогресс подготовил отечественным меломанам сюрприз, который, как показали дальнейшие события, оказался одновременно и своего рода ловушкой. Когда началось массовое производство компакт-дисков, многие коллекционеры пластинок решили, что в музыкальной индустрии происходит примерно то же самое, что и в популярной кинокартине того времени под милым сердцу каждого советского человека названием «Киборг-убийца» (в оригинале «Терминатор»). В роли последнего, вне всякого сомнения, выступали CD-диски, которые не боялись износа, арктических и печных температур, «лапания»

немытыми пальцами и, самое главное, были весьма доступными по цене и многогранными по ассортименту. Как ни парадоксально, но удар по винилам нанесли не только цифровые носители, но и самые обычные видеокассеты. Я знал немало людей, которые в постперестроечные годы всерьез утверждали, что «смотреть музыку гораздо прикольнее, чем слушать даже самый «навороченный» винил». У многих меломанов той поры в видеотеке обязательно была кассета (под названием «музыкалка»), на которую они переписывали очередной понравившийся клип. Качество этих записей было настолько ужасным, что единственным критерием, применяемым к ним, была сохранность цвета. Однако это обстоятельство не помешало «музыкалкам» выступить в роли одного из могильщиков винила. Позже к числу последних дружно присоединились спутниковые музыкальные каналы и компьютерные носители-накопители. Ну а финальный гвоздь, как тогда казалось, в воображаемый гроб долгоиграющих пластинок вбил Его Величество Интернет. Его стараниями самая разная и многообразная музыка в самых разнообразных форматах и качестве стала доступна миллиардам людей по всему миру, и слово «винил» к тому времени уже стало вызывать прочные ассоциации с такими терминами, как «манускрипт» или «артефакт».

Но метаморфозы по своей природе являются сложнопредсказуемым явлением, которому нередко свойственны и реверсные процессы. Что, собственно, и показала история развития музыкального рынка. Всего через примерно дюжину лет после торжественных похорон долгоиграющей пластинки значительная часть господ-меломанов (бывших товарищей) внезапно прониклась идеей-предположением: «А может, мы поторопились с отправкой старой доброй пластинки на тот берег винилового филиала всем известной речки Стикс? И не быть нам музыкальными харонами?»

Терзаемые сомнениями и ностальгическим угаром меломанские граждане принялись дотошно сравнивать цифровое звучание с аналоговым и вскоре пришли к выводу, что последнее по-прежнему остается непревзойденным. А тут еще верная зрительная память всколыхнула в мозгу великолепие оформления конвертов, разворотов, вкладышей и плакатов виниловых дисков. Интересно, что главные конкуренты последних, уже упомянутые «компакт-киборги», к тому времени были почти наголову разгромлены новой цифровой порослью, безжалостными и обильными

по материалу дисками формата МР-3. Вот тут-то на фоне развернувшейся цифровой междоусобицы винил покинул свой техногенный склеп и, вновь взобравшись на довольно высокие вершины показателей продаж по всему миру, пропел с них свою победную, аналоговую песню.

33 И 1/3 ОБОРОТОВ МОЕЙ ЖИЗНИ ВОКРУГ ВИНИЛА

В июле 1973 года у нас во дворе появился мой троюродный старший брат Георгий. В руках у него был пухлый чемоданчик с двумя никелированными замками по бокам. Дело было накануне маминного дня рождения, и выяснилось, что этот чемоданчик на самом деле являлся переносным виниловым проигрывателем «Юность», который мой московский двоюродный брат Аллан Мерденов передал через общего родственника своей родной тетушке в качестве подарка. К электрофону прилагалась и первая в моей жизни пластинка-флекси (гибкая, черного цвета) с тремя песнями из кинофильма Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука». Примерно через полгода знакомый нам подарил и первый в моей жизни 12-дюймовый виниловый диск — лицензионную пластинку Энгельберта Хампердинка (следующие полгода я учился правильно выговаривать эти имя и фамилию). Еще полтора года я слушал исключительно те две пластинки и знал их практически наизусть. Причем песни Хампердинка я, не зная английского, напевал на некоем воспринятом на слух тарабарском языке, который мне, девятилетнему пацану, тогда казался заграничным.

Настоящий «виниловый прорыв» в моей домашней фонотеке начался в 1975 году, когда напротив дома, где я тогда жил, открыли ЦУМ. Мне в ту пору уже стукнуло 10 лет, и я частенько навещался в пластиночный отдел этого универмага. Через пару лет у меня уже были диски-гиганты «Тич-Ин», «"Доули Фэмили" в Москве», «По волне моей памяти» Давида Тухманова, югославов Вани Стойкович и Ивицы Шерфези, «Самоцветов» и «Веселых ребят». Жемчужиной коллекции был желто-прозрачный винил Дина Рида.

В 1979 году я прикупил еще несколько лицензионных раритетов, но уже не в магазине, а с рук. Это были диски «Сильвер Конвеншн», «АББА», дуэта «Липс», рок-групп «Пудис», «Манго Джерри», двойник «Мамас энд Папас», оркестра Джеймса Ласта и «Имеджин» Джона Леннона.

В девятом классе к нам в школу попал по распределению новый учитель физики, парень 22 лет, с бородой и коробкой «демократского» винила. Я тогда впервые увидел венгерские пластинки с разворотными конвертами (Кати Ковач и группы «Пирамиш») и был поражен их крутостью.

А в 1980 году произошло чудо: мне купили стереопроектор «Вега-104» с 15-ваттными колонками. В связи с этим я внушил своим родителям, что мне необходимо прикупить хотя бы один фирменный диск. Им стал французский винил ранних Pink Floyd стоимостью 30 рублей. На его глянцевой обложке изображено было, с моей личной точки зрения, нечто среднее между галлюцинацией хмельного аллигатора и предсмертным кошмаром д'Артаньяна. Но пацанам со стороны сие изображение понравилось (а кто, если не они, разбирался в искусстве?). Правда, у некоторых возникли патологические ассоциации с псевдоэротическим уклоном. Впрочем, наслаждаться этим шедевром неопознанного мне пришлось недолго — через год я проиграл его в нарды вышеупомянутому брату Мерденову. Мы играли в «короткого».

Осенью 1982 года у меня дома произошла техническая революция. В честь моего поступления в университет мне купили колонки S-90 (я их слушаю по сей день, вот уже 41 год), усилитель высшего класса «Радиотехника-020» и виниловую «вертушку» «Электроника-012». В мою жизнь пришел высококачественный звук.

Но настоящее вхождение в виниловую эпоху у меня случилось осенью 1983 года. И началось оно по чистой случайности. На книжном базаре, в роще за ДК «Металлург», я познакомился с одним парнем, который имел блат в виниловом отделе магазина. Он мечтал добыть своим племянникам несколько книжек со среднеазиатскими сказками. Последних у меня было с полдюжины, и я ему их отдал с уговором, что он в следующем месяце, когда будет завоз винила, даст мне за те книжки три новеньких лицензионных пластинки — Аманды Лир, Далиды и Джо Дассена. Мои книжки он оценил все в те же 30 рублей, а три виниловые лицензии тогда на руках стоили столько же. Прошел месяц, а винилов все не было. Я еще немного подождал и пришел к выводу, что без мероприятий по «винилразверстке» тут явно не обойтись. В качестве движущей карательной силы я пригласил соседа Юру, двухметрового блондина с тыквозразмерными кулаками, и мы пошли в свой первый виниловый поход. Мой должник сказал, что я зря

переживаю (пластинки давно меня ждут), и протянул мне три винила. Судя по их внешнему виду, складывалось полное впечатление, что они побывали в самом эпицентре Прохоровского танкового сражения. И при этом ни один «тигр» мимо них не проехал. Я скромно обратил внимание оппонента на этот факт, но он стал меня уверять, что «пласты нулевые, это просто дизайн такой». Сосед Юра еще менее, чем я, разбирался в тонкостях оформления под «убитый» винил. Он с высоты своего гренадерского роста увидел на шифоньере любителя сказок (во всех смыслах этого понятия) нечто, что стало впоследствии моим пропуском в мир серьезных орджоникидзеvских меломанов, — западногерманский первопресс альбома “Burn” группы Deep Purple. Юра сунул эту пластинку мне в руки и сказал: «Это прокатит за три обещанных лицензии, плюс штраф за задержку, пошли домой». Должник не возражал...

После этого я прикупил себе еще три фирменных винила: сольник басиста Джина Симмонса из Kiss, Black Sabbath “Vol. 4” (первый в моей жизни диск с разворотом) и Led Zeppelin “In Through The Out Door”. Последний был в одном месте прожжен сигаретой и потому стоил всего 40 рублей, это было очень дешево для западногерманского диска. Плюс ко всему эта пластинка была патологически глухо записана. В итоге я ее сменял на звонкий индийский диск Rolling Stones “Some Girls”. Тут стоит отметить, что индийские, греческие и югославские пластинки хоть и были оформлены точно так же, как «фирма», стоили они в два раза дешевле последних. Как я предполагаю, они имели худшую по качеству виниловую массу и вследствие этого быстрее «запиливались». В пограничном ценовом диапазоне находился тогда финский, австралийский и аргентинский винил, который стоил немного дороже греческого, но дешевле, например, английского. Последний, кстати, в тогдашнем Орджоникидзе был недооценен. Самым престижным в те годы считалось иметь американскую или канадскую копию альбома, поскольку их конверты были гораздо плотнее, чем у их европейских «собратьев». На этой волне, помнится, я совершил довольно показательную для тех лет глупость: продал свой британский первопресс альбома “Give Us A Wink” группы The Sweet и приобрел себе его заокеанский аналог в «дубовом» конверте.

После этого в моей начинающей крепчать виниловой коллекции случился диско-прорыв. Я купил французский диск первого альбома Boney M “Daddy Cool” за 40 рублей. Он обошелся мне

так дешево лишь потому, что мне его продал один из выпускников СКГМИ, в среде которых диско считалось второсортным стилем, они его презрительно называли «чингачгуковая музыка». К нему я добавил еще греческий Dee D. Jackson “Thunder & Lightning” и югославскую пару — второй альбом Boney M и единственный в нашем городе тех лет диск Аманды Лир “Sweet Revenge”. Все это добро я купил у своего соседа по дому, владельца студии звукозаписи и известного в республике меломана Олега Гюнтера. Он был 1946 года рождения, имел диплом столичного технического вуза, был прекрасно начитан и женат на голубоглазой красавице-блондинке Наташе. Помимо крутой аудиоаппаратуры у него была одна из первых в городе фирменных видеодвоек и кассеты к ней, которые стоили тогда фантастические 400 рублей за штуку.

Со мной на одном курсе учился один из известных в городе братьев-меломанов Адаевых — Сергей, младший брат Анатолия, в то время студента мединститута. С его помощью я приобрел тогда еще три винила: два греческих альбома Nazareth — “Expect No Mercy” и “Malice In Wonderland”; первый в своей жизни «металлический» альбом, югославский концертник трио Motorhead. От Сергея я тогда впервые услышал о том, что в нашем городе есть сообщество коллекционеров винила, среди которых особняком числилась фигура загадочного человека, которого все называли Магнатом. В его коллекции, по слухам, насчитывалось несколько сотен (!) фирменных виниловых пластинок, в основном запечатанных. И даже сверхэкзотика того времени — «чемоданчик» полного собрания альбомов The Beatles.

Таким образом, мое вхождение в круг орджоникидзеvских меломанов началось с четырех стратегических направлений. Через Сергея Адаева я познакомился с парнем с его «сторонки», которого звали Рэм (или Рем, я, к сожалению, сейчас этого точно не помню), а тот, в свою очередь, вывел меня на своего родственника, авторитетного в музыкальной и виниловодческой среде человека — Асланбека Дзускаева, который жил на проспекте Мира над кинотеатром «Комсомолец». Он был старше меня на семь лет и дружил со многими меломанами североосетинской столицы, в том числе и с самим Магнатом.

Три других великих виниловых пути моей грешной жизни прошли через книжный базар выходного дня, расположенный в вышеупомянутой мной роще. Там я познакомился с диск-жокеем из ресторана гостиницы «Владикавказ» Юрием Пирожковым, который был старше меня на 12 лет. А он свел меня со своими друзья-

ми, коллекционерами винила, среди которых были Игорь Ваниев, Вадим Ищенко, Игорь Бутякин и Олег Голик.

Потом настал черед действовать ранее упомянутому трофейному пластику "Burn". Пытаясь его обменять, я познакомился на книжном рынке с парнем, которого звали Гарегин Маркарян. Я дал ему свой адрес, и он пришел ко мне в гости с Константином Короевым, известным в республике музыкантом и коллекционером пластинок. Несколько позже Гарегин познакомил меня с еще двумя известными коллекционерами винила — Владимиром Федоровым (старше меня на 19 лет) и моим нынешним приятелем-интеллектуалом, владельцем магазина "Deer Purple" Александром Гугкаевым. У Федорова была в то время великолепная коллекция джаза на американских дисках в очень плотных, качественных конвертах.

Спустя несколько месяцев я замкнул круг своего винилового общения тремя, можно сказать, ключевыми в то время для меня персонками. Это были взрослая супружеская пара коллекционеров пластинок Нонна Юрьевна и Александр и мой будущий самый близкий друг и единомышленник Александр Абоев. Он рос в семье майора Советской Армии и потому прожил несколько лет в Венгрии, набравшись там бесценных знаний не только в виниловодческой отрасли, но и в музыкальной в целом, а также в тонкостях шедевров западного кино. А Нонна Юрьевна и ее супруг Александр в те годы, будучи людьми проницательными и дальновидными, намного опередили свое время, делая акцент в коллекционировании пластинок не на их состояние, а на оригинальность издания.

Необходимо уточнить одну важную вещь. Перечисленные мной коллекционеры были не просто собирателями пластинок, многие из них стали моими друзьями, мы часто ходили друг к другу в гости, слушали музыку и, конечно же, обменивались дисками. Кроме них я был знаком еще и с теми «винильщиками», которые занимались пластинками чисто из коммерческих соображений, поэтому приятельские отношения нас не связывали, а наше общение сводилось к простой купле-продаже винила.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО «ПОЛЮ ЧУДЕС В СТРАНЕ ДУРАКОВ»

Профессиональные коммерсанты от винила мигом смекнули, что новичка можно неплохо «крутануть на бабки». Именно поэтому я в первое время своего активного коллекционирования

частенько приобретал пластинки, которым не нашлось места в коллекциях моих более опытных приятелей. Цены для меня были максимальными, а изначальная комплектность пластинок, наоборот, минимальной. Например, я приобрел диск Boney M “Night Flight To Venus” с вырезанным разворотом. А ведь там еще должен был присутствовать набор открыток с портретами солистов группы...

Однако время шло, и я постепенно стал «просекать» основные правила коллекционирования пластинок. Сложность этого процесса была в том, что интернета тогда не было и информация о наличии, например, вкладыша у конкретной пластинки циркулировала на уровне «у одного пацана со сторонки был такой пласт, и он матерью поклялся, че там никаких вкладок отродясь не было». Дело осложнялось еще и тем, что один и тот же альбом мог изначально присутствовать на рынке в разной комплектации. Например, насколько мне известно, у американского издания Uriah Heep “Magican Birthday” не было текстовой вкладки, как у его западноевропейских аналогов.

К тому же в нашей республике было довольно смутное представление о реальной конъюнктуре винилового рынка. Большинство виниловодов с дипломами технических вузов в силу своего презрительного отношения к музыке в стиле диско искренне считали, что вся «дискотня» — никчемная пародия на настоящую музыку и грош ей цена в базарный день. А на самом деле, как потом выяснилось, все обстояло ровно наоборот. Первые диски группы Arabesque в 1979 году продавали в Москве по 200 рублей, а Dschinghis Khan — по 150. И это на фоне того, что роковая классика у нас в городе стоила в диапазоне 50–70 рублей. Ценовыми чемпионами в Орджоникидзе той поры были три сторублевые пластинки: два альбома Pink Floyd — “The Dark Side Of The Moon” (цену не снизили даже за то, что он был некомплектным: один из его предыдущих владельцев продал флойдовскому фанату оба плаката из этого альбома) и “Wish You Were Here» (а тут, наоборот, была сверхкомплектность: присутствовал даже «родной» черный упаковочный целлофан с фирменной наклейкой: руки роботов в рукопожатии); французский разворотный диск Высоцкого «Натянутый канат». А я, естественно, не зная реальной цены на модное диско, все время удивлялся тому, что все не мог нигде найти фирменную пластинку Arabesque за 40 рублей...

Кстати, все три упомянутых мной сторублевых диска побывали в моей коллекции. «Флойды» — довольно долго, а Высоцкий —

чуть более суток. Дело в том, что его хозяин именно через такой срок позвонил мне и попросил, если это возможно, отыграть сделку назад. Я согласился на это без колебаний, поскольку никогда не был особым поклонником Владимира Семеновича и прикупил этот пласт только из соображений престижа. Поэтому я с нескрываемым удовольствием получил назад свою сотню, добавил к ней 20 рублей и приобрел концертный двойник Scorpions "World Wide Live" — эта музыка в гораздо большей степени соответствует моим предпочтениям. С покупкой этого винила связана интересная история. Я принес его домой, показал бабушке (она очень любила музыку в самом ее широком диапазоне — от Зыкиной до Dio) и поставил на проигрыватель. Как известно, любой концертник, по своей сути, является сборником из «вещей» студийных альбомов. Поэтому, когда заиграла первая «вещь», бабушка пришла из кухни в гостиную и, с сожалением глядя на меня, констатировала: «Опять тебя надурили эти спекулянты: подсунули в новой обложке диск, который у нас уже есть. Ведь это сейчас играет песня "Blackout", она у нас есть на той пластинке, где дядька с вилками на глазах нарисован». Я тогда, мягко говоря, был шокирован бабушкиной музыкальной эрудицией...

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ВИНИЛОПОСАДОК В ГОРОДАХ СССР

Доступность фирменного винила в разных городах Советского Союза была крайне неравномерной. Самый большой выбор западных пластинок был в портовых городах, в Москве и Ленинграде. На втором месте по наличию виниловой «фирмы» стояли областные центры и города с присутствием иностранных студентов. А на Северном Кавказе главная пластиночная ярмарка базировалась в славном городе Пятигорске.

Интересно, что и во вполне официальной советской торговой сети магазинов по продаже винила иной раз появлялись достойные коллекционного интереса экземпляры. Например, в нашу «Мелодию» завозили западногерманские пластинки Boney M и английские пластинки Клиффа Ричарда. Госцена этих дисков была 9 рублей, а на руках их продавали за 25–30. Правда, тут господ немецких производителей малость качнуло в сторону «двойных стандартов»: на просторах их родного Фатерланда альбом Boney M "Ten Thousand Lightyears" можно было приобрести в комплекте с большим плакатом, чего не было в экземплярах,

поставляемых в СССР. Впрочем, в этом могут быть повинны не производители винила, а отечественные заказчики, которые вполне могли и сэкономить на заказе плакатов к пластинкам, посчитав, что эти альбомы и так не будут пылиться на полках магазинов.

Тогда я и купил себе сверхдефицитный диск Дина Рида в оригинальном конверте, да еще и на цветном, желтом виниле. Стоил он 1 рубль 85 копеек. Цена была столь нестандартной за счет того, что он был записан в моно. Из советских самым большим спросом пользовалась пластинка Давида Тухманова «По волне моей памяти», цена на нее на руках доходила до 15 рублей, были тиражи и на цветном виниле. В середине 1980-х годов советские пластинки подорожали и стали стоить 3 рубля 50 копеек. Но при этом значительно увеличились тиражи и выбор лицензионных дисков.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ЗАПАД — ВОСТОК»

В роще за ДК «Металлург» по воскресеньям собирались любители книг и пластинок. Последние делились на два непримиримых лагеря: любителей западной музыки и любителей ансамблей из соцстран, которых называли общим термином «демократы». Самыми популярными из них были венгерские группы Omega, Piramis, Locomotiv GT, Skorpio, Illes, Karthago, Bergendy и Neoton Familia. Второе место по популярности занимали восточногерманские ансамбли «Пудис», «Карат» и «Штерн Мейсен» (этот приезжал с концертом даже к нам в Орджоникидзе). Популярны были и некоторые польские исполнители, такие как Чеслав Немец и рок-группа «Червоны гитары». Самое интересное, что поклонники «демократов» всерьез утверждали, что рокеры из соцстран играют гораздо лучше западных музыкантов, якобы техника игры у них была круче. Я не берусь оспаривать их мнение, но, как мне кажется, ни один «демократ» не играл тогда на уровне Ричи Блэкмора или Джимми Хендрикса. Да и таких вокалистов, как Дэн Маккаферти, Грэхэм Боннет, Джо Линн Тернер, Дэвид Ковердейл, Дио, Нодди Холдер и Пол Стэнли, насколько мне известно, в странах бывшего Варшавского договора отродясь не было. К тому же я не знаю ни одной «демократской» рок-дивы уровня Дженис Джоплин или Джоан Джетт. Разве что венгерка Доро Пеш играла в западной группе Warlock и частичка венгер-

ской крови была у Сьюзи Кватро. Плюс еще двое выходцев из Венгрии пели в западногерманской диско-группе Dschinghis Khan.

Стоит еще отметить тот факт, что в нашем городе мало у кого были фирменные проигрыватели винила. В своем большинстве меломаны слушали пластинки на приставке «Вега-106», которая была укомплектована польской hi-fi головкой фирмы Unitra, а та являлась, по слухам, дочерним предприятием немецкой компании Telefunken. Позже народ массово поменял эти «Веги» на более высокочастотные «Арктур-006», также оснащенные польским звукоснимателем. Даже у самого Магната дома стоял не фирменный аппарат, а советский проигрыватель «Электроника Б-101» за 365 рублей. У меня был его более плоский аналог, стоивший на 20 рублей дороже, — «Электроника-012». Очень крутые фирменные вертушки были тогда у Игоря Бутякина, Владимира Федорова и у его приятеля Валерия Дадьянова. В 1987 году виниловый праздник пришел и на мою улицу: через своего друга Игоря Ваниева я приобрел проигрыватель винила «Technics» и сразу же убедился в том, что слухи о якобы одинаковом звучании советских вертушек высшего класса и японской фирмы — сказки на ночь. Ведь звук моего «японца» был на голову выше, чем моей же «Электроники-012», от которой я поспешил избавиться.

КАЧЕСТВО ЗАПИСИ ПЛАСТИНОК

Среди виниловодов традиционно ценились английские, американские и канадские диски — за плотность конвертов, хорошую массу и шикарный звук. Примерно на том же уровне, но чуть ниже шли голландские, западногерманские, французские, скандинавские и итальянские пластинки. На третьем — португальские и испанские. Далее шли Аргентина и Австралия. Потом начинался уровень «второго эшелона» качества дисков: Финляндия, Греция, Индия, Югославия, Венесуэла... После них — винил соцстран и советские пластинки. Но тут есть нюансы. Например, индийские и греческие диски Led Zeppelin были гораздо лучше записаны, чем некоторые их западногерманские аналоги. У греков и югославов винил был разного качества: одни их фирмы делали пластинки вообще внешне не отличимые от западных, а другие экономили на оформлении «пятак», на красках для конвертов, делали последние без положенных разворотов. В этом смысле индийский и финский винилы были более стабильными и предсказуемыми.

Некоторые ушлые товарищи заклеивали упоминание страны-производителя на конвертах и продавали такие пластинки как фирменные.

Винил соцстран был довольно сносно записан, но за счет не самой лучшей массы довольно быстро «запиливался». Хуже всех остальных «демократских» дисков, на мой взгляд, были болгарские: на них и качество записи заметно хромало, и конверты были из весьма дешевого материала. Однажды в торговую сеть завезли три хитовых лицензионных пластинки болгарского производства — два альбома Smokie и один Suzi Quatro. На руках их продавали по 10 рублей. Их конверты были оформлены точно так же, как на фирменных дисках, но бумага была ужасного качества, как, впрочем, и качество записи. Однако в середине 1980-х годов в болгарской звукозаписи произошел технический переворот: они закупили западное оборудование, и их диски зазвучали на уровне фирменных и довольно долго не «запиливались». И даже прежняя, все еще некачественная бумага их конвертов не могла испортить превосходное впечатление от их звучания. Очень неплохо оформляли свои пластинки венгры: они не скупались на ламинат и развороты для своих дисков. Красивые обложки были и у чехословацких и румынских пластинок.

Возвращаясь к фирменному винилу, отдельно хочу сказать несколько слов о французских пластинках.

Недавно я читал статью одного сильно продвинутого битломана, владельца винилового магазина в Москве. Он твердо убежден в том, что французский винил по неизвестной причине недооценен виниловодами и является одним из лучших в мире. Для примера он провел сравнительный анализ качества записи английских и французских ключевых альбомов своей любимой группы The Beatles, отдав явное предпочтение землякам Бельмондо. Я задумался над этим утверждением и пришел к выводу, что товарищ, возможно, прав. В моей коллекции было совсем немного французского винила, но все его экземпляры отличались очень хорошим звучанием и наличием ламината на конвертах. Это, в принципе, неудивительно: Франция является страной с высокотехнологичной электронной промышленностью. И я ни разу в жизни не встречал глухо записанный французский диск, в отличие от немецких или американских. Причем в коллекциях моих знакомых тоже было мало французского винила. Это при том, что его тираж, как мне кажется, был не меньше, чем у других западных стран. Очевидно, что люди, имевшие в своих кол-

лекциях французские диски, явно не спешили с ними расставаться.

А вот японский винил в советские времена был крайне редким «гостем» в виниловых коллекциях. Японских пластинок не было тогда не только у меня, но даже у самого Магната с его огромной коллекцией. Тогда я всего два раза держал в руках чужие японские диски — сборник диско и альбом Rainbow “Difficult To Cure”. Последний, помнится, поразил меня толщиной конверта и высоким качеством полиграфии. Как мне рассказывали, на улице Ростовской жил один парень, которому отец привез из Японии диск Arabesque с цветным вкладышем-плакатом. Но я эту пластинку никогда не видел, а вот ксерокопию с ее плаката мне подарили в 1987 году.

ПОКУПКА ВИНИЛА ВСКЛАДЧИНУ

В период своего раннего коллекционирования пластинок я несколько раз сталкивался со случаями оптовой продажи частных коллекций. Покупать их было очень выгодно, поскольку средняя цена одного экземпляра была невысокой. Первый раз купить совместно коллекцию одного парня из Грозного в 1984 году мне предложил мой приятель Игорь Ваниев. Но, к сожалению, у меня тогда не было денег на то, чтобы принять полноценное участие в этой сделке. В три других раза мне удалось слегка поучаствовать в подобном мероприятии.

Первый раз это было, когда в рощу за «Металлург» пришел курсант училища МВД и сообщил нам, что в связи с окончанием обучения намерен продать оптом, по 30 рублей за диск, свою коллекцию винила. Мы с виниловодами посоветовались и купили его пластинки вскладчину. В итоге мне из курсантского наследства достались два американских диска в «родном» целлофане — сольники участников группы Kiss Пола Стэнли и Питера Крисса. Позже я выменял себе еще пару альбомов из этого собрания: самую звонко записанную пластинку моей коллекции — французский первопресс The Sweet “Sweet Funny Adams” и американский двойник Black Sabbath “We Sold Our Souls For Rock’n’Roll”. У последнего, кстати, впоследствии сложилась довольно плохая в мистическом смысле репутация среди молодых орджоникидзовских меломанов. У меня лично, как и у того, у кого я ее взял, все было нормально. Но вот те ребята, к которым она попала из моих рук,

считали, что этот двойник принес им горе и беды. И связано это было, по их мнению, с изображенной на развороте этого альбома девушкой, лежащей в гробу.

У нас в городе в те времена жил один молодой мужчина, его звали Олег Степанян, если я ничего не путаю. Это был очень приятный в общении и глубоко порядочный человек. У него были родственники в США, они довольно часто присылали ему оттуда виниловые пластинки, которые у него здесь охотно покупали местные меломаны. Но во второй половине 1980-х, когда появились довольно ощутимые признаки заката первой виниловой эры, эти пластинки стали продаваться хуже, и произошло их скопление. Степанян решил избавиться от них скорейшим образом и предложил купить их оптом по все той же цене — 30 рублей. Сделка была успешно осуществлена, и мне достались три новенькие в «родных» целлофанах американские пластинки — AC/DC “Fly On The Wall”, Olivia Newton-John “Soul Kiss”, Rolling Stones “Dirty Work”. Несколько позже я перекупил себе, правда уже по совсем другой цене, еще два пласта из этой американской серии — AC/DC “If You Want Blood, You’ve Got It”, Savatage “Fight For Rock”.

А в третий раз я принял участие в виниловой складчине, когда свою коллекцию исключительно канадских первопрессов продавал один очень известный в нашей республике спортсмен, победитель многих международных соревнований. Тогда мне достались три пластинки — Kiss “Love Gun”, Rod Stewart “Tonight I’m Yours”, Suzi Quatro “Rock Hard”. Кстати, пластинки этой певицы из всех моих знакомых были только у меня. Их было две: уже упомянутая и датский диск “Your Mamma Won’t Like Me”.

Поскольку пластинки были очень дорогими, я не мог себе в студенческие годы позволить роскошь просто покупать винил и складывать его в коллекцию. Поэтому, приобретая одни диски, я часто продавал другие. И за год разница между ними была всего в 4–5 пластинок в пользу приобретенных. Максимального значения этот показатель достиг в 1987 году. Тогда разница составила 17 пластов. Но это был последний год моего активного коллекционирования.

ВИНИЛОВЫЕ «ОШИБКИ ЮНОСТИ»

На волне винилового коллекционирования я обрел немало знакомых по всему городу, среди которых были интересные в общении, эстетически развитые и доброжелательные люди. Но

встречались и такие, кто откровенно использовал меня и мою коллекцию, делая на этом деньги. При этом изначально все преподносилось как «дружеские отношения», напроць лишенные корысти и дальновидной продуманности. Мои пластинки в течение семи лет, с 1984-го по 1991-й, переписало себе абсолютно бесплатно полгорода, некоторые — по несколько раз. Эта многократность объяснялась двумя причинами. Первая была уважительной: человек несколько раз менял головку на своем магнитофоне и в связи с этим заметно улучшал качество звучания очередной записи с винила. А вторая причина была чисто коммерческой: знакомый владелец звукозаписи переписывал мои пласты и потом распространял среди своей клиентуры. А когда интенсивность заказов заметно снижалась, он свою копию продавал первому попавшемуся клиенту. Ну а если вскоре появлялся новый желающий записать себе эту музыку, то немедленно следовал звонок мне домой с просьбой «закинуть» в студию диск с искомым содержанием. Люди просто делали деньги, а я, как наивный пацаненок, носился по городу со своими пластинками под мышкой с мыслью, что я просто выказываю уважение очередному старшему товарищу. При этом ездил я отнюдь не в арендованном лимузине, а в забитых до отказа салонах автобусов и трамваев. Подобные вояжи, как вы понимаете, отнюдь не шли на пользу конвертам моих пластинок, и даже плотные внешние целлофановые пакеты не смогли тогда эффективно противостоять их неизбежному износу. Плюс еще я пару раз попадал со своими дисками под сильный ливень и потом тщательно высушивал конверты, благо, что эти намокания оба раза не привели к особо видимым косметическим последствиям...

Примерно году в 1986-м со мной неожиданно «подружился» один довольно взрослый господин, приятель одного моего товарища. Другой его приятель, располагавший солидными финансовыми средствами, попросил его в связи с заменой на новую продать свою навороченную аудиостойку, элементами которой были в том числе превосходная кассетная дека и высококлассный проигрыватель. Этот господин согласился помочь другу продать аппаратуру, а одновременно с этим решил воспользоваться ее пребыванием в своей квартире и записать себе на ней небольшую фонотеку с чужих фирменных дисков. Вот тут-то он и активировал нашу с ним «дружбу», стал приглашать меня на богемные посиделки у себя дома, где на кухне с вполне себе взрослыми персонами велись экзотические для моего студенческого уха разговоры

о подводных течениях в мировом шоу-бизнесе и в столичной элитной тусе. На все эти околокухонные конференции я приходил с неизменной пачкой очередных, заранее названных мне пластинок, которые за этот вечер благополучно записывались на продаваемую деку.

Спустя пару лет после посещения вечеринок я встретил этого человека в звукозаписи одного нашего с ним общего знакомого. Он рассказал нам, что накануне прикупил в магазине на проспекте Мира историческую книжку, но она ему не понравилась и он хочет ее продать. Книжка была у него с собой, я ее пролистал и выразил желание приобрести. Он согласился, но когда я протянул ему обозначенную на обложке сумму — 3 рубля, отрицательно помотал головой и показал мне растопыренную ладонь, пять пальцев которой обозначали аналогичное количество рублей. Я протянул ему назначенную сумму, вспомнив, что запись виниловой пластинки в те годы стоила 5 рублей, а этот человек переписал себе совершенно бесплатно не менее 20–25 моих фирменных дисков, то есть сэкономил на этом 100–125 рублей. А вот от «навара» на мне пары целковых выдержаться не смог...

РАЗРУШЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ

На излете советской эпохи наступила эра видео и компакт-дисков. Многие мои старшие товарищи распродали свои коллекции, покупая дорогие видеомагнитофоны и кассеты к ним. Даже сам Магнат продал основную часть своей гигантской коллекции, оставив лишь небольшое количество наиболее любимых пластинок — на память. К сожалению, и я не оказался в стороне от этих процессов. В сентябре 1988 года я купил свой первый японский видеоплеер за 3500 рублей, 800 из которых были выручены за пластинки.

Наиболее серьезный урон коллекциям городских меломанов нанес виниловод из Грозного, которого звали Даниил. За несколько визитов в наш город осенью 1989 года он снял сливки с большинства еще не распроданных коллекций. Справедливости ради следует отметить, что он очень хорошо платил за покупаемый у нас винил. Он брал его оптом из расчета 60 рублей за диск. В годы временного крушения виниловой эпохи это были очень приличные деньги. Но и Даниил не был в накладе: все купленные в

Орджоникидзе пластинки он тут же продавал крупному клиенту из Еревана по 70...

В 1991 году у меня произошел небольшой возврат к коллекционированию винила. Я приобрел тогда пару американских дисков Вилли Токарева, два сторублевых «Флойда» и два альбома Рода Стюарта. Но ренессанс этот был недолгим. Уже в 1993 году я окончательно приговорил всю виниловую тему в своем доме. Оставшиеся пластинки я сдал в один местный музыкальный магазин, хозяева которого по мере продажи моего винила рассчитывались со мной следующим образом: за каждые две проданные фирменные пластинки я мог выбрать себе один компакт-диск с их витрины. В то же самое время мой друг привел ко мне домой своего коллегу по работе, и тот купил у меня 50 «демократских» и советских пластинок за 50 тысяч. В то время это был эквивалент 25 долларам. Потом я продал свой проигрыватель “Technics” и отдал вместе с ним покупателю совершенно бесплатно оставшиеся 40 советских пластинок.

Подобно Магнату и другим своим знакомым, я оставил себе на память несколько фирменных дисков: Nazareth “No Mean City”, Scorpions “In Trance”, Def Leppard “Pyromania”, Boney M “Daddy Cool”, Silver Convention — 1976, Donna Summer — 1982. Примечательно, что половина из них была французского производства. Оставил себе я и две любимые советские пластинки: лицензионный сборник группы Arabesque и альбом «Музыкальный глобус» ВИА «Веселые ребята».

Стоит отметить, что единственными моими приятелями той поры, которые не только не продали свои диски, но еще и приобрели часть распродаваемых собраний, были Нонна Юрьевна с супругом Александром и Асланбек Дзускаев. Время показало, что их поведение в те годы было весьма мудрым и дальновидным.

МОСКОВСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ И ОРДЖОНИКИДЗЕВСКИЙ «РЕПЕРТУАР»

В 1991 году я приехал в Москву, чтобы прикупить новинки видео-рынка. Мой знакомый «писатель» свежего кино еще накануне принял у меня по телефону заказ и назначил мне встречу для передачи готовых видеокассет у входа в один из столичных театров. Ожидая его, я случайно столкнулся с проходившей мимо женщиной необычайной красоты, которая незадолго до того

вышла из такси. И, лишь отдышавшись от неожиданности, я понял, почему ее лицо показалось мне знакомым. Это была Анна Самохина. Та встреча навяла на меня воспоминания о первой любви, которая развивалась как раз в самый пик моего виниловодства. Будучи во власти воспоминаний, я решил прогуляться на легендарную виниловую «точку» в районе метро на площади Маяковского. Там меня ожидала первая в моей жизни встреча с настоящими панками с ирокезами на головах и весьма неприятный сюрприз: меломаны продавали пластинки вообще незнакомых мне новых групп, и я не увидел ни одного пласта с классическим роком или диско. Минут через десять ко мне подошли сразу несколько продавцов с традиционным вопросом: «Что интересует?» При этом окружающие нас парни слегка притихли, явно прислушиваясь к намечающемуся диалогу. Заметив это, я придал некой театральности своему ответу, демонстративно прокашлявшись и громко заявив:

— Меня интересуют пласты Nazareth, Deep Purple, Black Sabbath, Rainbow. Только не нужно мне втюхивать клубное фуффло, я хочу, чтобы все положенные развороты и вкладыши были в наличии.

Воцарилось молчание, а затем из толпы выступил парень в экзотическом «прикиде» (на нем был классический английский костюм с накинута поверх него советской солдатской шинелью), он подошел ко мне и, широко улыбаясь, произнес:

— Ты чё, из Орджо? Ирон? Да бон хорз, да?!

Меня, признаюсь, вначале несколько смутила такая быстрая и точная «идентификация», и я гораздо более тихим голосом произнес:

— Как ты догадался? Ведь я говорю без акцента.

Улыбка незнакомца стала еще шире.

— И правда, без акцента. Но тебя выдал перечень групп, которые ты слушаешь. Я одно время учился в твоём городе и прекрасно знаком с музыкальными вкусами твоих земляков.

СПАСИБО, ВИНИЛ!

Пятьдесят лет тому назад в моей квартире «прописалась» первая виниловая вертушка, 43 года назад я купил свой первый фирменный диск. Все эти даты стали заметными вехами в моей жизни, внесли в нее радость коллекционирования дорогих моему сердцу «вещей». Это увлечение в немалой степени обогатило

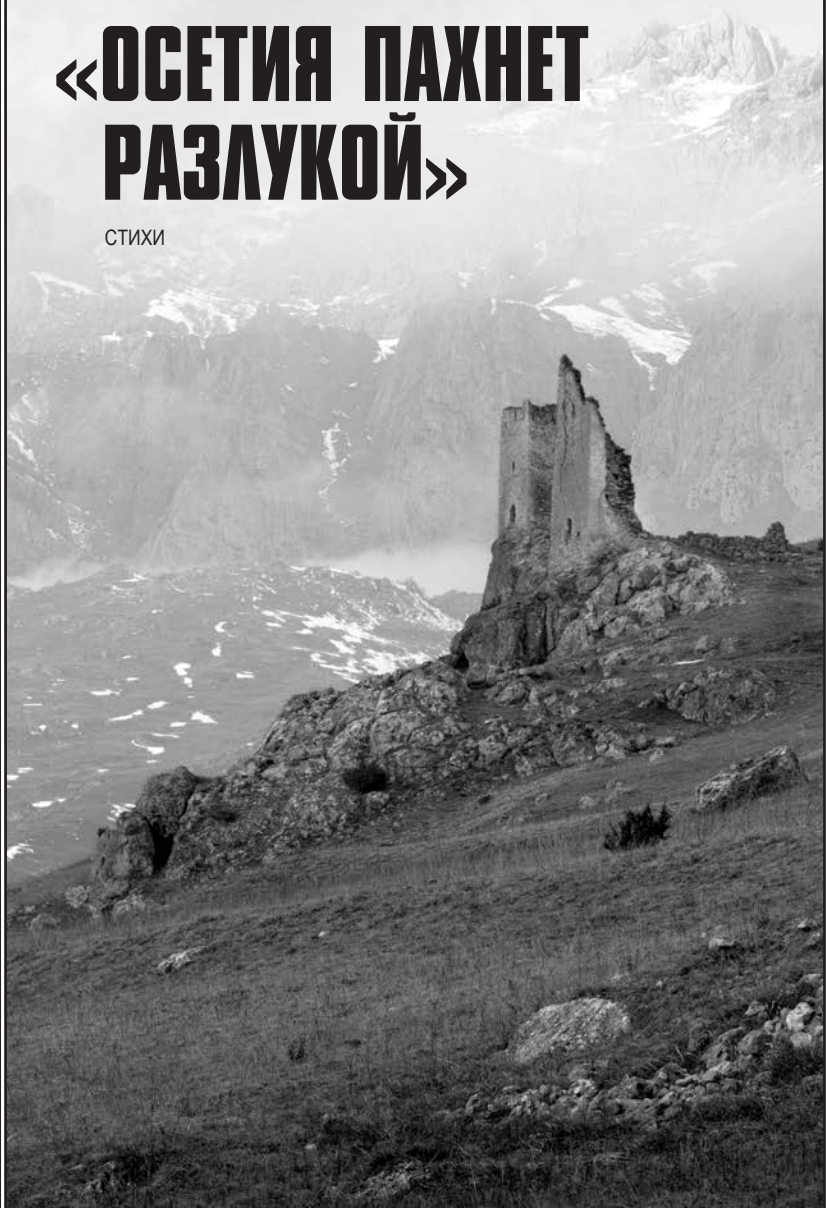
меня жизненным опытом общения с самыми разными людьми и по возрасту, и по социальному статусу.

Большинство моих друзей и приятелей, за исключением одноклассников и однокурсников, стали таковыми именно благодаря общему хобби — коллекционированию виниловых пластинок. Стоит отметить, что почти все эти люди были значительно старше меня по возрасту и обладали глубокими знаниями в самых разных видах искусства — от классической литературы до абстрактной живописи. Например, впервые полистать изданный на Западе альбом Сальвадора Дали мне довелось как раз на одной из встреч орджоникидзе-ских виниловодов под «аккомпанемент» сигарного дыма и аромата свежесваренного кофе глясе. Встречи со взрослыми коллекционерами обогатили меня философским взглядом на окружающий мир, такой многогранный и абсолютно непредсказуемый. Кроме того, собирательство фирменных пластинок, как довольно затратное увлечение, напрочь вытеснило из моей жизни даже намек на пристрастие к дурным привычкам и порочным отношениям. Значительный плюс, согласитесь...

«ОСЕТИЯ ПАХНЕТ РАЗЛУКОЙ»

СТИХИ

Сторожевые башни селения Цмити. Фото Надежды Демкиной

ИРИНА ГУРЖИБЕКОВА

НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ

Ну кто сказал что это — эпос?
Что это древность — кто сказал?
Глядят с семейного портрета
Шатаны мудрые глаза.
И чья-то песнь зовет Агунду
Бродить в предутреннюю рань...
Здесь между былью и легендой
Порой неразличима грань.
Необъяснимо повторенье
Не лиц, не судеб, не имен —
А духа жадного горенья,
Свободой жаркой упоенья
У тех, кто здесь, в горах, рожден.
Пусть ходят в джинсах Ахсартаги,
Ахсары кедами шуршат,
Но под подошвами все та же
Земля, что тыщи лет назад.
И так же хлеб дарит нам в осень,
Даров не требуя взамен.
И так же гордо шрамы носит,
И так же стонет от измен.
Пусть вспомнит наш потомок славный,
Как нас святая цель вела.
Как в царство мертвых шли Сосланы,
Чтоб только Родина жила.

ОСЕТИИ

В названии твоём — и плес ручья,
И говор листьев трепетных, осенних...
И даже скромность горского жилья
Я вижу в имени твоём, Осетия.

Я Иристоном назову тебя —
И слышу стон из глубины столетий,
И гордый топот нартского коня,
И вкус свободы, рвущейся из клетки.

Воспеть тебя — и не воспеть зарю,
Что с севера взошла над болью нашей?.. —
Тогда пусть гром заглушит песнь мою,
И слух ничей она не тронет фальшью.

Воспеть тебя — и не воспеть народ,
Что к свету шел сквозь бури и сквозь годы?.. —
Пусть на лету тогда мой стих умрет.
Все тропы от меня пусть скроют горы.

Воспеть тебя — и не воспеть того,
Кто дотянулся доброю рукою
До каждого аула твоего,
Его насытив светом и землею?

Не богом, не святым — а песней стал
Он для тебя однажды и навечно...
Когда о нем мои смолчат уста —
Пусть никакой не знают больше речи.

Воспеть тебя — и не воспеть страну,
Что колыбель твою качала в детстве
И, раннюю лелея седину,
Хранит тебя в своем огромном сердце?

Воспеть тебя — и в музыку весны
Не вставить ноту краткую печали?.. —
Тогда мне не простят твои сыны,
Что за тебя в сраженьях умирали.

Да будет свет на празднике своем!
Да будет песнь — дитя сердец горячих!..
В прекрасном женском имени твоём
Мужской характер гордо обозначен.

* * *

От житейской бессмысленной прозы
Отправляюсь к кавказским снегам,
Где скучают альпийские розы
По моим евразийским стихам,

Где орлы меня ищут глазами
Среди скал и овечьих отар,
Где ручьи, обливаясь слезами,
Станут слушать индийский ситар,

Где нужны мои грустные песни
Диким травам и быстрым коням,
Где душа моя снова воскреснет,
Возвращаясь к священным корням,

А тропинки бегут серпантином
К ледяному подножью мечты...
Счастлив тот, кто рожден осетином
На вершинах земной красоты!

* * *

Свободный орлиный полет
И подвиг Нана Задалесской...
Дорога к пещере ведет —
Затерянной, странной, залесской.

Вгрызается в скалы Урух,
Несет свои воды играя,
Гранитные своды терзая,
Пугая дигорских старух!

* * *

У истоков светлых Уруха
Наполняется сердце вновь
Благодатью Святого Духа,
Обретая мир и любовь!

* * *

Осетия пахнет не лугом, не луком...
Осетия пахнет разлукой и плугом...
Разлетом иронских бровей,
Уст манящей излукой,
Твоих откровений осокой —
Высокою мукой...
Даргавсом, согревшим в ущелье
сиянием лунным...
Зурабом, ступившим на берег равнины —
Колумбом.
Кострами в горах,
что пастушьям молением святы...
Дзаугом, не знавшим про город свой славный
когда-то...
Отвагой Бега и Чермена бесстрашным булатом...

Но только не пошлым бахвальством, не лоском, не златом.
Осетия знает, чем пахнуть.
Осетия помнит дыханье
угрюмого сына Левана,
писавшего Анне...
Когда твой Гайто задыхался в парижском ажуре,
Когда твой Исса на коне перескакивал горы Маньчжурии,
Когда твое племя чужие курганило страны,
Ты пахла все так же — божественным ронгом Шатаны,
Осетия! Мама!
Какие мне выплести бездны
Из рифм этих скудных,
Чтоб быть твоей славе любезным?..
Пишу эти строки, томясь, как Шамиль под Калугой...
Осетия пахнет разлукой. Разлукой!
РАЗЛУКОЙ...

* * *

Осетия!
Я в сети угодил
Без смысла, без надежды и возврата.
О, сети!

Серый камень у Куртата.
О, сети!
В дождь даргавский уходил.
Осетия!
Кто невод твой пронзал,
Тот знает, что рифмуют эти строчки.
О, СЕТИ! Я...
Я — пойманный сазан,
Поверженный в твой образ мироточный.
Без смысла! Без надежд и без одежд
Закабаленный терскою волною
Губительный, родительный падеж
Без Родины,
Но Родина со мною...
Осетия!
Мне твой неясен флаг.
У моего другие цвет и мера:
Зеленый, как трава, листва и вера
И как моя любовь — да будет так!
«Пусть над зеленым, — прошептал Дарьял,
Когда в его ущелье я гляделся, —
Восторжествует серый —
Облик скал...
И никуда от этого не деться.
Пусть третий цвет,
О, подними глаза, над серым
Это голубой иль синий...
А в солнечном, небесном апельсине
Венец тому, что я теперь сказал». —
Никто не кинет: «Он сошел с ума».
Ведь сумма всех созвездий, всех соцветий
Поможет разгадать лицо Осетии...
О, сети! О, неволя! О, тюрьма!
О, мать!
А значит истина моя —
Осетия...
О¹... Сети = Я...

¹ О (осет.) — да.

Лариса ГАППОЕВА

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

РАССКАЗ

В оформлении использован кадр из фильма «Прощайте, коза и велосипед»

Лети конца семидесятых — начала восьмидесятых годов не ездили с родителями на отдых в Турцию и Черногорию. Попастъ в летний пионерский лагерь хоть на одну смену, или к бабушке в село, или сбежать потихоньку от родителей со двора и искупаться в пруду в детском парке для девчонок и мальчишек страны под названием Союз Советских Социалистических Республик было большим счастьем. Говорят, что лето — это маленькая жизнь, и детвора старалась прожить эту летнюю жизнь, набираясь незабываемых впечатлений.

* * *

В большом дворе, состоящем из двух пятиэтажек и старого двухэтажного дома, было много ребят самого разного возраста. С наступлением летних каникул они с утра и до позднего вечера носились в догонялки, играли в прятки, в «камешки», «стеклышки», «резиночку», а вечерами, умаявшись от беготни, сидели на лавочке и продолжали свои игры в «колечко» и «стоп, каликало». Среди сверстников девятилетний Санька, безусловно, пользовался авторитетом, хотя внешне совсем не был похож на главного. Он был смуглый, с прямыми черными волосами и темно-кариими глазами, худой и не выше ростом, чем его друзья. Мальчик отличался, скорее, не внешностью, а манерой уверенно держаться: говорил мало, но всегда по делу, вставал на защиту младших, а если кто-то ссорился, то только Санька Морозов мог легко разобраться в конфликте и заставить друзей помириться.

Каждый день летних каникул начинался в квартире Саши Морозова одинаково. Это был уже своего рода ритуал. Отец семейства Антон Морозов, мать Ольга, старшая сестра Лиза и Санька садились за стол. Завтрак, как правило, прерывал резкий неблагозвучный звонок в дверь. Чтобы дотянуться до звонка, мальчишки заходили в подъезд по двое. Один подсаживал другого, тот дотягивался до кнопки и долго что есть мочи давил на нее. Лиза отворяла дверь. Ирбек и Андрейка стояли в дверном проеме, а за ними человек пять-шесть мальчишек все вместе, хормом, как на колядках в Рождество, спрашивали:

— А Санька выйдет?

Интересных занятий, помимо игр, у ребятни было немало: ходили в соседнюю девятиэтажку на лифте покататься, глазели на припаркованные у рынка машины и спорили, какая марка автомобиля круче — «Москвич», «Волга», «Жигули» или «Победа». А еще лазили по крышам гаражей и, конечно, через забор в соседний двор, где в густо поставленных одноэтажных домиках под одной крышей жили несколько семей. Все соседи в округе звали это место не иначе как «Валентинов двор», потому что самым известным его обитателем был Валентин. Это был одинокий и вовсе не старый мужчина, но на редкость злой и ворчливый. Валентин гонял мальчишек, ругал бранными словами, швырял в них снятым с ноги башмаком и размахивал кулаками в сторону убегающей со слезами ребятни.

Однажды тяжелый ботинок Валентина достиг цели и угодил прямо по затылку Андрейке. Мальчишки простить этого не могли никак и устроили настоящую детективную слежку за своим обидчиком. В один из дней ребятам повезло. Валентин вышел во двор с тазом постиранного белья и стал развешивать его на веревке, натянутой между деревом и столбом. Мокрые вещи оттянули веревку до земли, и, для того чтобы они не пачкались, хозяйственный Валентин подпер веревку специальной палкой-рогатиной и зашел в дом. В тот же миг Саньке, Андрейке, Славке и Ирбеку пришла в голову одна и та же мысль. Они молча переглянулись и, в мгновение ока перемахнув через забор, оказались в чужом дворе, выдернули из-под бельевой веревки палку, отчего вещи упали прямо на землю. Затем проказники сдернули с веревки огромного размера семейные трусы с рисунком в яркий цветочек и прикрепили их к палке.

Под импровизированный «флаг» собралась вся мальчишеская часть большого двора. Ребята стояли на крыше гаража, с которого открывался вид на Валентинов двор, и, с победным видом размахивая этим «стягом», кричали:

— Валентин, Валентин! Кто трусы твои стащил?!

Хозяин трусов был вне себя от злости. Он выкрикивал самые ужасные ругательства, какие только знал, кидался в сторону детей всем, что попадало под руку, и безумно краснел от крика. Это еще больше веселило маленьких забияк, и они продолжали смеяться и скандировать:

— Валентин, Валентин! Кто трусы твои стащил?!

Санька Морозов размахивал «флагом». Ребята так хохотали, что не заметили, как Валентин оказался в их дворе. Он шел прямо на мальчишек с багрово-красным от крика и гнева лицом. Все попрыгали с крыши и кинулись врассыпную. Остались только чет-

веро «флагоносцев». Бежать нашкодившим мальчишкам было уже некуда, Валентин оказался в нескольких шагах от них. И тут ребята как по команде рванули к старому дворовому туалету, сбитому сто лет тому назад из досок специально для жителей старого дома. Ирбек дернул за ручку двери, но дверь оказалась запертой. Тогда за ручку дернул Славка. Опять ничего. Валентин тем временем приближался с опасной для ребят скоростью. Санька попытался заглянуть в щель между деревянных досок, но внутри туалета было темно.

— Да нет там никого! — сказал Славка. — Туда же никто не заходит.

А Валентин подходил все ближе и ближе. Бежать уже было некуда.

Тогда Санька вцепился обеими руками в ручку, ногой уперся в стену. Славка схватился за Санькину рубашку, Ирбек — за Славку, Андрейка — за Ирбека. Они изо всех мальчишеских сил тянули друг друга, как в сказке про репку.

— И-и-и-и-и...

Дверь поддавалась. Из туалета, держась за ручку, вывалилась скрюченная фигура соседа из старого дома, который так и не успел надеть штаны. Зрелище было настолько неожиданным и смешным, что даже Валентин остановился и, схватившись за живот, давился от хохота. Он пытался что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова.

— Да ну вас! — только и смог выдавить из себя Валентин и, махнув рукой, пошел к себе во двор, все еще продолжая смеяться.

* * *

Примерно к середине июля на углу дома со стороны центральной улицы всегда устанавливали железную клетку с арбузами и дынями, предназначенными для продажи. Санька договорился с продавцом, организовал друзей на выгрузку и за это получил от хозяина в руки такой большой и тяжелый арбуз, что пришлось тащить его вместе с Андрейкой. Уставшие от работы мальчишки с особым удовольствием уничтожали сладкий и сочный трофей. Арбузный сок стекал по подбородкам, по локтям, ребята плевались косточками и улыбались от удовольствия, осознавая, что зарабатывали эту еду сами.

Дневная жара спадала, наступал теплый летний вечер.

— Пора на вечерний базар, — говорил Санька.

Ворота рынка закрывались, и торговцы с товаром, не проданным за день, располагались на вечернюю торговлю прямо вдоль близлежащих улиц. Уговаривая прохожих купить что-нибудь почти

за бесценок, они выкрикивали: «Вечерний базар! Вечерний базар!», и это означало, что все очень и очень дешево. Ребята знали это и специально выходили со двора и крутились возле продавцов фруктов. А те совали детям в руки яблоки, персики, сливы.

Наевшись до отвала, сытые и веселые мальчишки обсуждали сегодняшний удачный день. Так, за разговорами дошли до табачного ларька. Окно, через которое отпускался товар, было уже прикрыто ставней. Сам продавец еще находился внутри, но ребята об этом не знали. Андрейка со смехом начал изображать сценку, которую недавно наблюдал на этом же самом месте.

— Короче, иду и смотрю, а она такая, непонятно какого возраста. Вроде бы старая, а покрашена, как молодая тетка, как на выставку. Губы ярко-красные, черные стрелки на веках и румяна такие яркие, как будто у нее температура. На улице лето, а она стоит в драной шубе, в какой-то старой шляпе, облокотилась на этот самый подоконник, скрестила ноги. А они у нее в черных чулках в сеточку и обуты в мужские башмаки. Потом таким громким прокуренным голосом спрашивает у деда-продавца: «Дед, махорка есть?»

Андрей только успел произнести заветную фразу, как из двери сбоку этой самой будки выскочил продавец и попытался схватить его за майку. Это был пожилой горбатый дед с прокуренным лицом желтого цвета, изрезанным глубокими старческими морщинами.

Андрейка ловко увернулся. Мальчишки испугались от неожиданности и отскочили резко в сторону, потом переглянулись и стали что есть мочи хохотать.

— Карлик-нос! — сказал громко Санька, и все еще громче засмеялись.

Дед долго что-то кричал им вслед, а мальчишки смеялись над тем, как сами испугались, смеялись над тем, что рассказал Андрейка, да и вообще просто шли и просто смеялись.

* * *

Летними вечерами соседи из всех трех домов собирались возле подъездов на лавочках. Женщины и мужчины сидели отдельно. У всех были свои темы для разговоров. Свои темы были и у детей, которые просто болтали о том о сем, рассказывали анекдоты или играли в шарады. В один из таких вечеров во двор тихо вошла собака. Она была довольно крупной, но, судя по окрасу, беспородной дворнягой. Шла она осторожно, медленно, опасаясь местных собак. Дворовые сразу учуяли постороннего и с лаем побежали к ней. Все знали, что если собаки лают, то значит во дворе чужой. А чужих заходило много. И собак, и кошек, и людей. Вообще двор был проходной. Ворота со стороны старого двора ни-

когда никто не закрывал, хотя они выходили на маленькую оживленную улицу, продолжавшую базар. А проход между двумя пятиэтажками на большую центральную улицу вообще не имел ворот. Там была просто арка.

Собака медленно и осторожно двигалась в сторону детей. Мальчишки вскочили и хотели было прогнать чужака. Но Санька вдруг сказал:

— Погодите! Не прогоняйте ее! Она, по-моему, беременная.

— Откуда ты знаешь, что она беременная? — спросил Андрейка.

— Что, не видишь ее живот? Надо ее покормить. Она, скорее всего, голодная!

Санька побежал домой и вынес через некоторое время кусочки колбасы, хлеба и немного воды в мисочке.

— Альма, — сказал он и погладил собаку по голове.

Та преданно глянула ему прямо в глаза, и Санька понял, что Альма очень нуждается в нем.

— Почему Альма? — спросила Томочка.

— Она мне сама сказала, — ответил Санька, и все рассмеялись.

На следующий день ребята вновь увидели новую собаку во дворе. Наверное, она никуда и не уходила ночью.

Вскоре Альма стала частью двора. Другие собаки ее не трогали и даже не пытались отнимать у нее еду. Стоило Сане выйти во двор, Альма вообще от него не отходила. Каждый раз Санька замечал ее глаза, преданно и в то же время ласково смотрящие прямо в его сердце. Она, казалось, говорила ими все, что не могла сказать человеческим языком. Альме не были присущи пустая вертлявость, глупые и ненужные скитания по двору, беспричинный лай, свойственные другим собакам. Она вела себя спокойно, уверенно, как породистая, обученная в специальных школах, привитая, у которой есть и паспорт, и дорогой ошейник.

С появлением Альмы уклад летней жизни детей изменился. Собака стала занимать все ребячьи мысли. Девчонки и мальчишки разных возрастов объединилась вокруг нее. Все сразу забыли про взаимные обиды и недопонимание. Мальчишки перестали ходить поглазеть на рынок, бесцельно слоняться по району и, к радости соседа Валентина, забыли и о нем. С утра и до самого вечера ребятня и даже взрослые приносили из дома все самое вкусненькое для собаки, купали ее, расчесывали. А чтобы купить ошейник для Альмы, мальчишки пошли на разгрузку арбузов. Но в этот раз попросили за работу вместо арбуза деньги, чем удивили продавца. Ошейник на воскресной барахолке выбирали Санька, Иrbек и Андрейка. Хороший кожаный ошейник на Альме смотрелся здорово. Сразу стало видно, что собака не бесхозная и что

за нее есть кому заступиться. Альма же выказывала всю свою любовь и всю свою преданность тем, что всегда находилась рядом и давала себя погладить. Дети с нетерпением ждали появления на свет щенят.

Однажды вечером и мальчишки, и девочки сидели, как обычно, на скамейке и не просто болтали, а пытались угадать, какой породы собаки могли быть в родословной у Альмы. Все замечали ее ум и сообразительность. Мордой их собака очень походила на немецкую овчарку, но уж больно шерсть длинная и рыжего оттенка...

Альма лежала по привычке рядом и слушала ребячью трескотню. И тут откуда-то сзади, со стороны гаражей, к детям подошел незнакомец. Они сразу сообразили, что он попал во двор не иначе как через забор, что было довольно странно для взрослого человека. Альма встала и подалась вперед. Не молодой, но и не слишком старый мужчина был одет небрежно, на руках виднелись наколки. От незнакомца пахло спиртным, держался он нагло. Выбрав глазами из всей толпы Саньку, он заговорил в приказном тоне, тыча пальцем мальчишке в лицо:

— Давай-ка, мухой слетал домой, вынес мне воды и че-нить пожрать. И денег у пахана возьми. Рубля три мне на сёня. Ну и харэ.

Он сыпал сокращенным матерным оборотом через каждое слово. В руке у чужого блестело лезвие небольшого, но явно острого ножа.

Санька стоял молча и не двигался с места. Ребята притихли. Дальше произошло то, чего никто из них не ожидал. Альма вдруг с грозным оскалом пошла на незнакомца, показывая всем видом, что хочет напасть. Добрая, ласковая собака превратилась в злого огромного пса. Она громким лаем уверенно наступала, давая понять, что укусит, если тот не уйдет. Чужак направил нож на Альму. Все замерли. В один миг Альма сделала резкий прыжок и укусила обидчика за руку. Нож выпал. Его сразу поднял Санька и спрятал за спину. Пьяный завыл от боли в руке, попятился и подался прочь, громко и смачно ругаясь матом. На шум с балконов и окон свесились соседи:

— Что случилось?

— Вас кто-то обижает?

Они кричали наперебой.

— Заткните свою собаку, в конце концов! — кричал со своего балкона на четвертом этаже старый дядька Алик.

Во дворе все звали его Алиханом. Сам он представлялся Аликом. А дети прозвали его «Александр», как отрицательного героя бразильского сериала, который все лето смотрели по телевизору. Возможно, Алик-Алихан-Александр не был стар, а просто так вы-

глядел или, скорее, вел себя как ворчливый старик. Он гладко брил голову, ходил только в черных брюках широкого кроя и рубашках темного цвета навыпуск. А зимой он вообще надевал сапоги и галоши. Жена его всегда была одета опрятно, но скромно и не по моде, оттого выглядела гораздо старше своих лет. Дочь Амина, симпатичная девушка, студентка института, тоже всегда ходила только в длинных, почти до пят юбках и платьях и никогда не красилась, как ее ровесницы. Одним словом, семья Алехандро как-то выделялась на фоне остальных, хотя ничего особо удивительного в ней не было. Правда, Алихан редко сидел с соседями, чаще один, но, даже сидя один, он то ли сам себе, то ли в расчете на потенциальных слушателей говорил, что во дворе перед домом нет порядка из-за этого рынка и в руководстве городом, по мнению Алихана, тоже нет порядка. Он вел себя как хозяин двора, улицы, города. Стоило ему появиться на лавочке у подъезда, он начинал ворчать и ругать детей за все: за шумные игры, за то, что ходят под окнами — в общем, за все подряд. Дети старались не попадаться Алихану на глаза, но это не всегда получалось.

* * *

Август уже подходил к концу, когда ребята надумали построить для Альмы будку. Живот у собаки увеличивался, совсем скоро у нее должны были появиться щенята. Целый день мальчишки собирали доски, искали по квартирам гвозди, молоток и пилу. Очень помог Андрейкин папа. Дядя Лёня был рукастым. Все умел. Соседи звали его, если нужна была помощь по хозяйству. Мальчишки подносили дяде Лёне все, что было нужно, а тот пилил, сколачивал. Будка для Альмы была готова, когда уже стемнело.

Вопрос о том, где поставить будку, даже не возникал. Но вмешался старый-нестарый Алехандро, который наблюдал весь процесс со своего балкона. И теперь, чтобы быть услышанным, спустился со своего четвертого этажа.

— Убирайте со двора эту будку и собаку свою убирайте. Псарня здесь, что ли? Завтра она родит, и весь двор в собаках будет! И так покоя нет целый день от детского крика. Еще и собачий лай слушать будем?

Дядя Лёня попытался возражать. Дети наперебой стали защищать собаку. Они выкрикивали:

— Она смиренная!

— Она добрая!

— У нее скоро будут щенята! Куда ее выгонять?!

— Это наша собака, и она будет жить у нас во дворе! Мы здесь живем, и она будет здесь жить!

Алихан был зол и неумолим. Взрослые тоже разделились во мнениях. В конце концов старший Морозов тоже подключился к спору во дворе:

— Если выгонять собаку, то это надо было делать сразу, как только она зашла к нам во двор. Но как выгонишь ее в таком состоянии? Мы же все люди! Сейчас сделаем так: Альма останется здесь, будку поставим за палисадниками, никому она не помешает. К тому же этот огромный камень не позволяет ездить машинам в этой части двора. И дети, и собака, и щенки будут здесь в большей безопасности. Щенята родятся — тогда и поговорим, попробуем пристроить их в хорошие руки. Разберемся!

Всех как-то отрезвила речь старшего Морозова. Все устали от спора и стали расходиться. Алихан еще ворчал, что-то возражал, но его уже никто не слушал.

Альма находилась поодаль, положив морду на вытянутые вперед лапы. Она понимала, что разговор идет о ней, шевелила ушами и очень тоскливо, будто извиняясь, смотрела на всех.

* * *

Через несколько дней после дворового спора Альма ошенилась. Это случилось ближе к вечеру в палисаднике напротив четвертого подъезда.

Санька первый обратил внимание на странное поведение Альмы и все понял.

— Все сюда! Альма рожает!

Вся детвора моментально сбежалась. Взрослые как раз возвращались с работы домой и, увидев толпу дворовых ребят, тоже приостанавливались и вовлекались в происходящее: кто-то пытался стыдить детей, кто-то удивлялся увиденному вместе с ними. Детвора стрекотала наперебой:

— Ух ты!

— А люди тоже так рождаются?

— А я первый раз такое вижу!

— А чего она воет?

Алихан ходил вокруг толпы и не мог скрыть своего гнева. Он жутко нервничал и выкрикивал:

— Что за позор! Говорил же, надо убрать эту суку отсюда! Что теперь с этими сучатами делать? Идиоты вы все! Развели собачий двор. Гадят везде!

А для детей, обступивших собаку, зрелище было поистине грандиозным. Они прежде никогда такого не видели и с большим любопытством и интересом наблюдали, как в муках их подопечная выдавливала из себя маленьких слепых беспомощных живых

существ, как выла от боли, как с тревогой смотрела на того, кто протягивал к ним свои руки. Когда все шестеро щенков появились на свет, Саня забежал домой и с порога крикнул маме и сестре, которые возились на кухне:

— Ма-а-ма-а! Ли-и-за-а-а! У нас шесть щенков! Знаете, какие хорошенькие! Дайте молока для Альмы. И что-нибудь поесть. Она очень устала. Только скорей! Скорее-е-ей!

Он понесся обратно во двор с полными руками гостинцев для любимой собаки. Дети долго еще не расходились по домам, выстилали будку мягкими тряпками, рассматривали и обсуждали окрас каждого щенка и придумывали им имена. Темнело, а дети все никак не хотели расходиться. Лиза уже в пятый раз открыла окно и позвала брата, потом вышла за ним. Только строгие голоса родителей, когда на дворе было уже совсем темно, заставили детвору разойтись по домам.

Все последующие дни утро в семье Морозовых начиналось совсем не так, как было раньше. Санька вскакивал раньше всех, одевался и бежал проведать щенков и Альму, затем шел с отцом в молочный магазин, потом в хлебный. Дома сам грел молоко Альме, крошил туда хлеб и приносил собаке полную миску на завтрак.

— Альме надо хорошо кушать, чтобы у нее было молоко кормить щенят, — говорил он ребятам во дворе.

— Откуда знаешь? — спросил Ирбек.

— Знаю. Мама сказала. А я еще и сам читал в книжке специальной. Мы вчера с Андрюхой ходили в библиотеку детскую, ну ту, что рядом. Там нам книжку дали про то, как ухаживать за собакой.

Вся дворовая ребятня разглядывала щенят, дети брали их в руки, играли с ними. Альма наблюдала за всем происходящим беспокойно, следила, чтобы никто не причинил ее детям зла. Все щенки были разные. Один был больше черного окраса с рыжими пятнами, другой, напротив, был больше рыжий с черными пятнами. Третий — совсем рыженький какой-то, совсем без пятен. Ну и так далее. Ребята спорили, как назвать того или иного щенка, и решили выбрать по одному для каждого, чтобы дать ему имя и ухаживать за ним. Голубоглазая Мадиночка сказала, что бабушка разрешила ей взять себе одного из щенят, только мальчика, а не девочку. Он будет сторожить их сад-огород.

— Заберешь, когда они подрастут. Щенки пока без матери не могут выжить, — сказал Саня.

Среди ребят стала даже появляться Светочка, которая раньше никогда с дворовыми детьми не гуляла. Их семья, состоявшая из

трех поколений женщин — матери, бабушки и внучки, поселилась в старом дворе недавно. Мать устроилась на работу в городе, а бабушка в светлом платочке, повязанном на деревенский манер, постоянно выводила Светочку на прогулку и ходила за ней, разговаривая своим беззубым ртом:

— Швета, Шве-е-та-а! Ну куды-ы-ы? Куды ты идешь?

Но теперь даже бабушка не могла удержать внучку. Та рвалась поиграть с щенятами, а бабушка всюду следовала за ней по пятам.

— Альма не будет скучать по своими детками, если их заберут? — спросила Светочка.

— А мы ее спросим. Да, Альма? — сказал Санька, и все засмеялись.

* * *

Лето подходило к концу. Надо было уже готовиться к школе: почитать заданные на лето книги, вспомнить, как решаются задачи, купить портфель, тетрадки, ручки, школьную форму. Но дети целые дни проводили возле любимой собаки Альмы и ее щенят.

Как-то ранним утром громкий плач Саньки разбудил всех домочадцев. Он напрямик с порога забежал на кухню и схватил со стола нож, которым мать резала хлеб. Саня дрожал, слезы лились градом:

— Я убью его! — кричал он сквозь слезы. — Убью!

Переполошилась вся семья. Мать, отец, Лиза спрашивали наперебой:

— Кого? Кого убьешь?

— Алихана убью! — кричал Санька.

— За что?

— Там, там...

Слезы и боль душили мальчишку. Он не мог объяснить. Тогда он взял за руки отца и мать и потащил их во двор. Вокруг огромного дворового камня, что был возле будки, лежали шестеро мертвых щенят, а сам камень был окровавлен. Соседи всех возрастов уже собирались к месту трагедии. Дети ревели, старшие пытались их увести оттуда. Возле камня крутилась и выла Альма. Она пыталась поднять своих мертвых детей, лизала им морды и сама в недоумении и безумном каком-то состоянии, не понимая, что происходит, металась, металась, металась...

— Сволочь такая! Будь ты неладен! — кричала дворовая уборщица тетя Валя. — Я поутру мести взялась, смотрю, сволочь эта Алихан крутится вокруг Альмы нашей. Ну ходит тут и ходит. Думаю, чего он встал ни свет ни заря? А он, сволочь, вон что! Меня увидал и прочь как понесся! Детушки, бедные, выхаживали Альму

нашу, щеняточек ее выкармливали всем двором. А этот нелюдь! Чтоб ему пусто было!

Кто-то из старших в толпе сказал:

— Давайте похороним их за гаражами. А с Алиханом мужчины сами разберутся.

Дети взяли на руки тела щенят — каждый по одному. Санька гладил Альму дрожащими руками.

— Прости, Альма! Прости, Альма! — повторял он сквозь слезы.

Щенков закопали за гаражами. Альма легла животом на место, где теперь остались навсегда ее дети, и долго что есть мочи выла. Напрасно ребята утешали ее. Приносили мясо и хлеб, конфеты, печенье. Альма так и не ушла с того места. Наверное, ей казалось, что ее малыши сейчас появятся. Она ждала их.

Альма отказывалась есть и пить вот уже несколько дней, по-прежнему лежала, раскинув лапы, обнимая землю, под которой были ее щенки, из глаз собаки стекали слезы. Ребята пытались притащить Альму в будку, но она упиралась и ползла обратно. Тогда мальчишки перенесли будку за гаражи, в то место, где теперь она постоянно лежала. Все это время во дворе только и было разговоров, что о случившемся. И взрослые, и дети ходили тихо, никто не шумел, не играл в игры и даже громко не разговаривал, кроме дворничихи тети Вали. Она обсуждала случившееся со всеми, кого встречала, и все причитала, причитала...

Утром пятого дня дети не нашли во дворе Альму. Она просто исчезла. Поговаривали, что кто-то из мужчин увез ее со двора, чтобы дети не страдали, кто-то говорил, что она умерла и ее похоронили в другом месте, кто-то говорил, что это Алихан увез Альму и выбросил...

* * *

Наступил сентябрь. Каждое утро тетя Валя так же, как и прежде, усердно мела листву во дворе. Дети пошли в школу и постепенно отвлекались от пережитых потрясений. На первом родительском собрании классный руководитель, обращаясь к матери Сани Морозова, сказала при всех:

— Ваш мальчик очень повзрослел! Уходил на каникулы забавным ребенком, а вернулся мужчиной.

— Да, вы правы. Лето — маленькая жизнь, и он ее прожил. У нас этим летом закончилось детство.

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ

НОЧИ СЕВИЛЬИ

РАССКАЗ

В оформлении использовано фото из открытых источников

*Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья...*

Ф. Лорка. Гитара
(перевод М. Цветаевой)

Пора уже было уходить из бара. Время подбиралось к полуночи. Становилось ясно — никакого фламенко не будет. Похоже, мы перепутали адрес, что совсем не мудрено в этом муравейнике — Севилье, тем более ночью!

Полутемное помещение бара было почти пустым — мы с подругой, еще одна пара и больше никого.

— Фанни, пойдем, так поздно, нам же завтра в Кордобу с утра, — взмолилась я.

— Подожди, я еще раз спрошу официанта.

Даже Фанни, моей латиноамериканской подружке, слабо верилось в обещанный концерт.

— Si, flamenco, si! — ответил ей официант, энергично кивая. Он выглядел слишком бодрым для столь позднего часа.

Вдруг в половине первого, громко переговариваясь, вошла пара — девушка и парень. У парня за спиной возвышался огромный чехол в форме гитары. Это делало его похожим на огромную черепаху. Парень с девушкой остановились у стойки бара, предварительно обнявшись с официантом, который тут же наполнил две маленькие рюмочки и придвинул к ним. Выпив, пара направилась к столику в самом углу, где парень стал неторопливо доставать из чехла гитару.

К нашему изумлению, бар быстро заполнялся людьми, и вскоре почти все места оказались заняты.

Официант летал от стола к столу с пирамидой больших тарелок в обеих руках.

Пока посетители расправлялись с большими порциями пазлы, бычьими хвостами, гигантскими креветками, музыканты копошились в своем углу. Гитарист прошелся по струнам. Его лица видно не было. Длинные блестящие волны иссиня-черных волос почти скрывали профиль.

Девушка осторожно и негромко начала отбивать ладонями замысловатый ритм. Потом она запела... Сначала, будто бы только пробуя гортань, затянула витиеватую мелодию. Потом ее голос зазвучал мощнее, окреп и уже никак не сочетался с ее хрупким телосложением. Душа певицы рвалась наружу, девушка прижимала к груди предельно напряженные руки, сжимала кулаки... Это было похоже на самосожжение!

Все присутствующие замерли, отодвинув тарелки с едой, и только время от времени позволяли себе отхлебывать вино.

То, что звучало в стенах бара, нельзя было назвать песней. Скорее, это были обрывки мелодий, скрепленные неуловимым ритмом. Они напоминали то плач, то грозный возглас, то нежный шепот... то опять взрывались вулканом, будто бы из недр земли, из прошлого.

Столетия назад эти мелодии покатались в цыганских кибитках из далекой Индии на запад, достигли севера Африки и, сплетаясь в замысловатую вязь из еврейских, арабских песнопений, укоренились в Андалусии, где испанцы довели до совершенства этот музыкальный сплав, наделили его своей душой ("duende") и назвали «фламенко»...

Были моменты, когда на возглас певицы кто-то из зала негромко понимающе отвечал таким же возгласом, вторил ей, убеждал, что ее зов нашел ту пристань, которую искал, а не пропал в темноте...

Неожиданно пение оборвалось на самой высокой точке накала, после чего весь зал взорвался аплодисментами...

Ошеломленные пережитым, мы вышли на набережную. Гвадалквивир серебрился в предутреннем свете. Мы шли молча. Маслянистая влага мощеных улиц отражала свет еще не погасших желтых фонарей.

Ночью Севилья казалась такой же соблазнительной красавицей, что и днем. Уснув, не сбросив с себя роскошный наряд, она, сияя своей многовековой славой, была уже готова встретить новый день как повод для праздника. В то же время она позволяла охладить страсть к себе же самой, маня прохладой андалузских парадных, где раскидистые цветы в огромных мраморных вазах и тихое журчание фонтана обещают умиротворение, опьяняют предвкушением будущих встреч.

Руслан БЗАРОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «АЛАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В РОССИИ»

Осетинское посольство в Петербурге (фрагмент).

Художник Азанбек Джанаев

Сюжеты установления и развития русско-осетинских отношений XVIII в. всегда находились в центре внимания осетинской исторической школы. Первым исследованием истории посольства 1749–1752 гг., работавшего в Петербурге, была статья Г. А. Кокиева¹. Специальные работы о посольстве и фундаментальные труды о политической истории Осетии периода присоединения к России принадлежат перу М. М. Блиева². Им же подготовлено самое полное издание документов, касающихся деятельности посольства³. Существование упомянутых, а также

Печатается по изданию: *Бзаров Р. С.* Аланское посольство в России: предшественники, полномочия, состав / Ин-т истории и археологии РСО-Алания. М.: СЕМ, 2013. С. 4–11.

¹ *Кокиев Г. А.* Из истории русско-осетинских отношений XVIII в. (Осетинское посольство в 1749 г.) // Известия СОНИИ. Т. IV. Владикавказ, 1932. С. 130–156.

² *Блиев М. М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книж. издат., 1961; Он же. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Ир, 1970; Он же. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Присоединение Осетии к России. Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2010.

³ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сб. док. в 2 т. / сост. М. М. Блиев. Т. I. 1742–1762 гг. Орджоникидзе: Ир, 1978; Т. II. 1764–1784 гг. Орджоникидзе: Ир, 1984.

обобщающих трудов и новейших работ, продолжающих интерпретацию опубликованных источников⁴, в значительной степени освобождает от необходимости подробного описания внешнеполитических коллизий и дипломатических деталей.

И все же, наверное, не будет излишним напомнить читателю основные исторические обстоятельства, определявшие положение Алании-Осетии в XVIII в. и значение деятельности аланского посольства в Петербурге.

Средневековое Аланское государство, известное по упоминаниям в византийских, восточных, западноевропейских и кавказских хрониках, в XIII–XIV вв. было разрушено в ходе кровопролитных войн с монголо-татарами и Тамерланом. Горная Алания позднего средневековья, пришедшая на смену разрушенному Аланскому царству, включала территории в самом центре Кавказа по обеим сторонам Главного хребта. Здесь, на юго-восточной горной окраине своей разоренной страны, выжившие аланские группы с XV по XVII в. боролись за выживание, обороняя от врагов свои тесные ущелья и альпийские долины. Горная Алания того времени — конфедерация одиннадцати земель-областей (осет. *комбæстæ*), имевших собственное гражданство, представительную демократию и парламентское самоуправление. Полноправный гражданин владел наследственной землей, вел независимое хозяйство и пользовался избирательным правом. Гражданская община регулировала социальные отношения, не позволяя феодальной знати ущемлять права низших сословий. Каждое из аланских обществ, сохраняя независимость внутренней жизни, объединялось с остальными в сфере военной и внешнеполитической деятельности.

К XVIII в. горная Алания превратилась в перенаселенную страну, и следствием ограниченности ресурсов стал острый социальный кризис. Все площади, сколько-нибудь пригодные для хозяйственного использования, были уже освоены. В обращении 1755 г. тагаурские старшины объясняли императрице Елизавете Петровне: «...мы жительствоуем внутри горах весьма тесно и неисправно, во всем же имеем великую нужду и недостаток, и некоторые наши подлые люди нималой пахотной земли не имеют, где б могли для своего довольствия сеять хлеба и протчее, также и скот доволь-

⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984; Дегоев В. В. Сближение по сложной траектории: Россия и Осетия в середине XVIII в. // Россия XXI. 2011. № 1–2; Он же. Осетинский вопрос в политике Екатерины II (60–70-е гг. XVIII в.) // Кавказский сборник. Т. 7 (39). М.: Русская панорама, 2011.

ной содержать не могут»⁵. Следствием тесноты стали участвовавшие междоусобные конфликты.

Уровень хозяйственного и социального развития, вновь достигнутый после катастрофы XIV в., требовал расширения производственной базы и усложнения политической организации. На кавказском театре международных отношений существовали свои возможности для разрешения этих проблем. Вступление в вассальную зависимость от кабардинских или грузинских князей открывало выход на равнину. Но такая «колонизация» оборачивалась для осетинской знати потерей суверенитета, а для крестьян — удвоением повинностей. Взамен же приобретаемые сюзерены не могли предложить ни социальных гарантий, ни политической стабильности, ни действенной военной защиты. Кабарду раздирали подогреваемые из Крыма междоусобия. Грузинские владения Ирана и Турции и себя были не в силах защитить от жестоких хозяев.

Тем не менее сильнейшие князья Картли, Имерети и Кабарды не оставляли попыток военной силой или экономическим давлением подчинить себе пограничные общества горной Алании. На рубеже XVII–XVIII вв. значительные группы стремительно бедневших горцев переселились под власть кабардинских и грузинских феодалов. Их печальный опыт послужил болезненной прививкой против искушений сепаратизма, социальной деградации и этнокультурной ассимиляции. Историческая судьба начертала выжившим в горах аланам искать иные пути возвращения на равнину и восстановления государственной жизни.

Политическое положение Алании в середине XVIII в. определялось объединительным движением горных обществ, противостоящих нарастающей внешней опасности. Резкое обострение хозяйственных и социальных проблем, феодальные междоусобицы и внешнеполитические конфликты настоятельно требовали государственных форм самоорганизации. За три столетия безгосударственного существования народ исчерпал возможности социально-политического развития в формате конфедерации самоуправляющихся обществ. Только государственная власть была способна преодолеть политическую раздробленность и обеспечить будущее страны. Но в высокогорной зоне Центрального Кавказа отсутствуют хозяйственные ресурсы, необходимые для строительства государственных институтов.

Главное достижение аланской политической мысли и практической дипломатии XVIII в. как раз и заключается в остроумном и

⁵ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. С. 376.

прагматическом решении стратегической задачи восстановления государственности. Был найден выход из, казалось бы, замкнутого круга: если недостаточно экономических возможностей, следует конвертировать политический потенциал и правильно выбрать «готовую» империю.

Выбор России произошел на фоне жесткой борьбы за контроль над Центральным Кавказом, в которой участвовали также Иран (через вассальные восточногрузинские княжества) и Турция (через западногрузинские владения, Крымское ханство и Кабарду). Резкое обострение хозяйственных и социальных проблем, феодальные междоусобицы и внешнеполитические конфликты первой половины XVIII в. послужили катализатором объединительного движения осетинских обществ и настоятельно требовали имперского выбора. Оптимальный с точки зрения внешней безопасности, конфессионального единства и этнокультурного родства союз Осетии с Россией являлся вместе с тем безошибочным решением стратегической задачи — он позволил восстановить отлаженную еще в средневековые систему политических и хозяйственных связей. Как известно, территория позднейшей Осетии являлась горной окраиной Аланского царства, а основной экономический потенциал средневековой Алании, составлявший надежную базу ее государственности, был сосредоточен на плодородной предкавказской равнине. В новых условиях роль метрополии предстояло сыграть российскому центру, быстро расширявшему господствующие позиции в Предкавказье.

В средневековом мире осетины были известны под именами «аланы» (на Западе), «асы» (на Востоке), «ясы» (в Восточной Европе), «осы/овсы» (в Закавказье). Слова «Осетия» и «осетины» — российское изобретение XVIII в., когда после трех веков перерыва аланы вновь установили отношения с Россией. К тому времени русские успели забыть их славянское имя — «Ясы» и, осваивая Кавказ, использовали грузинский вариант названия Алании — «Осети». В этом не было ничего иного, кроме естественной случайности, поскольку штат переводчиков для сношений с Кавказом и первоначальный состав Осетинской духовной комиссии были набраны из грузин, нашедших политическое убежище в России. Из русского языка слова «Осетия» и «осетины» попали в другие европейские языки. В аланском (осетинском) языке сохранилось древнее самоназвание «аллон», хотя в обиходной речи осетин обычно представлялся как «ирон» или «дигорон» — это уточняющие областные названия жителей средневе-

кового Аланского царства, делившегося на юго-восточную (Ир) и западную (Дигор) половины.

Установление русско-осетинских отношений связано с деятельностью Осетинской духовной комиссии, прибывшей в Ала-нию-Осетию в 1745 г. Созданию комиссии предшествовало изучение географического и политического положения Осетии, убедившее Коллегию иностранных дел в независимости горной страны, расположенной неподалеку от тогдашней российской границы⁶. Совмещая функции православной миссии и политической разведки, Осетинская духовная комиссия служила постоянным каналом связи между Осетией и Россией, обеспечивая необходимую информационную основу для принятия политических решений. Важнейшим успехом посреднических усилий комиссии явилась договоренность о русско-осетинских переговорах, которые предстояло провести выехавшему в столицу России осетинскому посольству.

Состав и полномочия посольства стали в Петербурге предметом многократного и тщательного изучения, поскольку в Осетии XVIII в. отсутствовали государственные институты и центральная власть. Используя демократические особенности политического и социального устройства осетинских обществ, грузинское лобби пыталось убедить высших российских чиновников в незначности осетинских послов, а значит — в отсутствии у них полномочий представлять свою страну. Закулисная борьба и международные интриги завершились постановлениями Сената, разоблачившего грузинских авантюристов и удостоверившего ложность их доносов⁷.

Политическая программа посольства учитывала интересы обеих сторон и ставила жизненно важные для Осетии цели. Присоединение к России, внешняя безопасность, возвращение на предкавказскую равнину, беспошлинная торговля, школьное образование — вот главные пункты осетинской программы, неоднократно сформулированные в сохранившихся документах⁸. Посольство настаивало на присоединении Осетии и точно указывало местности на равнине, которые осетины желали бы освоить в первую очередь. Обращаясь к Сенату, послы заявили, что они «и весь осетинской народ желают быть в подданстве Ея Императорского Величества и в защищении от других народов и переселитца <...> ближе к России, ниже тех гор, в которых ныне

⁶ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. С. 33–34.

⁷ Там же. С. 255–273, 305–309.

⁸ Там же. С. 254, 311–313, 341 и др.

они жительство имеют. <...> А всего де осетинского народа военных людей может собратца до 30 тысяч человек и более, все склонны к вере христианской»⁹.

Итоги русско-осетинских переговоров 1750–1751 гг. заключались в установлении политического союза и тесных дипломатических отношений. Обещая осетинам защиту от врагов, покровительство в переселении на равнину и торговле, по главному пункту переговоров российское правительство склонилось к тому, что «о действительном их в подданство принятии кажется надобно умолчать, да и присягою при первом случае их не обязывать»¹⁰. Немедленное присоединение территории Осетии к России было невозможно с точки зрения международного права, так как Белградский мирный договор 1739 г. с Турцией ограничивал свободу действий России на Северном Кавказе, устанавливая нейтральность Кабарды, которой отводилась роль «барьера» между Турцией и Россией. Нейтральный статус Кабарды, занимавшей тогда все Центральное Предкавказье и лежавшей между Осетией и Россией, в середине XVIII в. был непреодолимым препятствием для присоединения в международно-правовом смысле, т. е. включения территории Осетии в состав Российской империи.

Таким образом, несмотря на кажущуюся неполноту итога переговоров, ценнейшим результатом деятельности осетинского посольства в Петербурге явилось неполучение от российской стороны ответа о присоединении. Тем самым отказ был исключен, а заведомо положительный ответ отложен до более подходящих внешнеполитических обстоятельств.

Политический формат русско-осетинских отношений был беспрецедентно высоким. Уровень губернатора или командующего крупным воинским соединением считался вполне достаточным, чтобы вести переговоры с отдельными феодальными владениями и принимать присяги о российском подданстве. Посольство, принятое самой императрицей Елизаветой Петровной, и русско-осетинские переговоры в Петербурге — надежное свидетельство того, что Осетия воспринималась на Кавказе и в России как единая страна с особым геополитическим статусом.

Присоединение Осетии к России (в смысле легитимации договоренностей и соблюдения буквы международного права) состоялось в 1774 г., после победоносной войны и заключения Россией нового, Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей. Статья 21 этого договора посвящена статусу Кабарды,

⁹ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 313.

полномочия в установлении которого Турция передавала Крымскому ханству. Существование Крымского договора, заключенного между Россией и ханством в 1772 г., придавало этой дипломатической формуле значение окончательного признания российского суверенитета над Кабардой. Тем самым было снято единственное препятствие для международно-правового оформления присоединения Осетии к России.

К тому времени договоренности о союзе и покровительстве, как и отложенный ответ России на осетинское предложение о присоединении, существовали уже четверть века. На протяжении этого времени и представители Осетии, и российские чиновники неоднократно подтверждали верность своим обязательствам.

Не ожидая завершения разразившейся в 1768 г. русско-турецкой войны, Россия еще в 1770 г. приняла присягу о «вступлении в подданство»¹¹, т. е. фактически присоединила Тагаурское общество Осетии, по территории которого проходила Дарьяльская дорога — важнейшая транскавказская коммуникация.

В октябре 1774 г., выполняя специальное поручение правительства, ведавший сношениями с Кавказом астраханский губернатор П. Н. Кречетников пригласил в крепость Моздок представителей Осетии для официального подтверждения их готовности вступить в российское подданство. Документ, легализовавший прежние договоренности о присоединении Осетии к Российской империи, был подписан 27 октября 1774 г. Так достигнутые в середине XVIII в. русско-осетинские договоренности получили международно-правовое оформление, и Осетия вошла в состав Российской империи.

¹¹ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. II. С. 217–221.

Марина ПЛИЕВА

ОТ КЛУБА ДЕКАБРИСТОВ К ТЕАТРУ «САБИ»

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ

Клуб декабристов на ул. Маркуса (будущий кукольный театр).
Фото Федора Федосеева. 1962 г. Предоставлено внуком Сергеем Федосеевым

Владикавказу есть чем гордиться. Несмотря на разрушения, имевшие место во время войн и социальных потрясений, здесь сохранилось большое количество прекрасных зданий. Практически все они находятся в так называемом «старом городе» — историческом центре Владикавказа. Однако сегодня хочется рассказать о самом красивом строении в бывшей Курской слободке. Это не совсем центр города, но и по сегодняшним меркам далеко не его окраина. А речь пойдет о здании, где в настоящее время размещается Театр юного зрителя «Саби». Скажем сразу: трудно встретить такого жителя Владикавказа, который хотя бы раз не побывал в кукольном театре. То есть скажешь «Саби» — и перед внутренним взором тут же встает это величественное здание. Правда, старшему поколению оно больше известно как «клуб декабристов».

Единственным печатным источником, содержащим сведения об этом здании, является «Краткий историко-краеведческий справочник Владикавказа», составленный В. А. Торчиновым и изданный во Владикавказе в 1999 году. Информации в нем немного, поэтому приведем ее полностью:

«Зрелищное здание (1914 г.). Автор проекта — архитектор И. В. Рябкин. Последнее общественное здание, выстроенное в г. Владикавказе в дореволюционный период. Главным помещением здания был

большой двухсветный зрительный зал. Во время Первой мировой войны в здании был развернут военный госпиталь. В 1920-е здесь находился “клуб декабристов” завода “Электроцинк”. С 1968 года в здании работает Северо-Осетинский театр кукол, основанный в 1943 году (ул. Титова, 11)».

В дореволюционном Владикавказе сведения обо всех строениях, как и об их владельцах, находились в Городской управе. Но, как известно, здание управы (бывший дом барона Штейнгеля) полностью было уничтожено в 1919 году вместе со всеми документами. Поэтому найти информацию о том или ином строении Владикавказа весьма затруднительно. В такой ситуации приходится обращаться к второстепенным источникам.

В справочнике Торчинова есть упоминание о госпитале периода Первой мировой войны. Тут необходимо уточнить, что в то время в городе госпитали не открывались. Открывались лазареты. Приведем их полный перечень: лазарет № 1 в здании Общественного собрания; лазарет № 2 в здании 2-й женской гимназии; лазарет № 3 на Бородинской улице, в доме доктора Воронова; лазарет № 4 в Гоголевском училище; лазарет № 5 в клубе приказчиков на Лорис-Меликовской улице; лазарет № 6 в Пушкинском училище; лазарет № 7 в казенном винном складе; лазарет при Владикавказском кадетском корпусе, при Городской больнице, при Покровском женском монастыре. Также под лазареты были арендованы лечебницы: доктора Митника, доктора Шмиргельда, доктора Салтыкова и доктора Туганова. Таким образом, становится очевидным, что никакого лазарета в зрелищном здании не было.

Вернемся к названию и попробуем понять, что подразумевалось под зрелищным зданием. Видимо, помещение предназначалось для проведения различных зрелищных мероприятий. Каких именно — сказать трудно, так как на страницах местных газет никакие мероприятия, которые могли бы проводиться в этом здании, не анонсировались, в отличие от всех других значимых событий в городе. К слову сказать, все общественные здания, будь то помещения учебных заведений, банка, почтамта, Общества взаимного кредита, здания для размещения правительственных и местных учреждений, упоминались в прессе многократно. Начиная от принятия решения об их возведении, закладке фундамента, ходе строительства, заканчивая их приемкой, освящением и открытием учреждения. Все эти события всегда

привлекали массу людей и подробно освещались на страницах газет. Но о строительстве здания для зрелищных мероприятий нет ни единого упоминания. Поэтому напрашивается вывод, что такого здания вообще не было.

Первым найденным документом, проливающим свет на интересующий вопрос, стало письмо Терского областного отдела здравоохранения от 8 июля 1920 года, адресованное в отдел государственных сооружений Терского областного совнархоза, в котором, в частности, говорилось: «Прошу распоряжения об измерении недостроенной постройки глазной больницы (дом Зипалова) на предмет достройки ее под Пастеровский институт и составления краткой сметы». О каком именно здании идет речь, видно из другого письма в тот же отдел, поступившего 13 августа 1920 года. В нем подотдел Единой трудовой школы Областного отдела Наробраза сообщал, что «для своих нужд наметил три здания: угол Марьинской и Госпитальной, дом Зипалова, Народный дом и флигель Владимирского приюта. Эти здания самые подходящие, и подотдел просит приступить к ремонту и приспособлению их под школу». В этом документе опять упоминается дом Зипалова, но уже с конкретным адресом: угол Марьинской и Госпитальной. Сегодня это угол Титова и Маркуса. На каждом перекрестке, как правило, имеются четыре здания. На пересечении улиц Титова и Маркуса мы видим один из корпусов больницы, одноэтажный жилой дом, театр «Саби» и небольшой скверик. То есть всего три здания. И существует большая вероятность, что в обоих процитированных документах речь идет о здании, занимаемом сегодня Театром юного зрителя. Подтверждение этому нашлось в ответе, который подотдел Единой трудовой школы получил 14 августа, то есть буквально на следующий день, от заведующего архитектурно-строительным подотделом: «Имею честь указать, что дом Зипалова на углу Марьинской и Госпитальной улиц представляет из себя неоконченное здание больницы, и Облздравотдел уже ассигновал средства на достройку этого здания».

Итак, теперь уже не остается никаких сомнений, что сразу два ведомства просили предоставить им здание, о котором идет речь. Но давайте вчитаемся внимательно: недостроенная постройка глазной больницы (дом Зипалова). Понятно, что ни о каком зрелищном здании и расположении в нем госпиталя во время Первой мировой войны и речи быть не может. К тому же постройка не

была окончена. Нетрудно предположить, что этому могли помешать предшествующие 1920 году события. К тому же владелец строения мог покинуть город в годы революции или Гражданской войны, поэтому строительство остановилось.

Само собой разумеется, появилось желание узнать побольше о том самом Зипалове, не успевшем окончить строительство во Владикавказе глазной больницы. Тем более что фамилия эта была достаточно известной на Северном Кавказе. Большой купеческий род Зипаловых разделился, и его представители проживали в Нальчике, Пятигорске и Владикавказе, оставив после себя значительный след в истории региона. Но кто именно владел недвижимостью на углу Марьинской и Госпитальной? Удалось выяснить, что владельцем оказался потомственный почетный гражданин Николай Егорович Зипалов, который вместе с братом Владимиром владел также зданием на углу Александровского проспекта и Грозненской улицы (проспект Мира и улица Куйбышева), где располагалась гостиница «Европа».

Следующее открытие было сделано благодаря плану Владикавказа, изданному в 1912 году. На этом плане на интересующем нас углу показана глазная лечебница. Теперь картина становится абсолютно ясной. На пересечении улиц Госпитальной и Марьинской в здании, принадлежащем Николаю Егоровичу Зипалову, до революции находилась глазная лечебница. Владелец, видимо, снес старое строение с целью воздвигнуть новое, большей площади. Предполагалось, что в новом здании по-прежнему будет находиться глазная лечебница. Однако строительство по объективным причинам остановилось. И, как мы видели, только в 1920 году был поднят вопрос о достройке, но уже для Пастеровского института. Забегая вперед, скажу, что он так и не был открыт, а здание не было достроено.

А что же клуб декабристов? Согласно справочнику Торчинова, он был открыт в 1920 году, причем в здании, которое, как мы убедились, на тот момент не было достроено и не функционировало. Но само открытие было. Только в другом месте и под другим названием: клуб работников завода «Алагир» (прежнее название завода «Электроцинк»). Оно состоялось 20 декабря 1920 года в здании политехнического института (первый советский политехнический институт был открыт во Владикавказе в 1918 году, в 1923-м он был преобразован в Горский сельскохозяйственный институт). Выступавшие на открытии ответственные работники от-

мечали особое значение клубов как очага пролетарской культуры в жизни рабочих. Затем состоялся большой концерт с обширной программой.

Однако спустя почти два года мы читаем на страницах газеты «Горская правда» (11 ноября 1922 года) сообщение о торжественном открытии 7 ноября в помещении Гоголевского училища (ныне школа № 11) клуба рабочих Алагирского завода. Опять были выступающие с речами, ставилась пьеса, декламировались стихи и играл духовой оркестр. Можно предположить, что по каким-то причинам клуб, открытый в 1920 году, прекратил свою работу. И новое открытие состоялось два года спустя. Хотя логичнее было бы предположить возобновление работы некогда закрывшегося клуба. Через год клубу пришлось перейти в помещение бывшей приходской школы при бывшей Вознесенской церкви. Сегодня на ее месте находится пятиэтажный жилой дом на улице Чкалова. После переименования завода в «Кавцинк» клуб, соответственно, назывался клубом «Кавцинка».

На отчетно-выборном собрании клуба в январе 1926 года выступающие отмечали, что главной причиной, мешающей проводить клубную работу, является отсутствие соответствующего помещения. Количество кружков было сокращено до минимума, но и существующим приходилось работать в тяжелых условиях. Культурные потребности рабочих расширялись, поэтому все настоятельнее чувствовалась необходимость в более просторном и подходящем помещении. При перезаключении коллективного договора с «Госпромцветметом» рабочие внесли и отстояли важный пункт: построить новый клуб вместимостью не менее чем на 500 человек. Средства для этой цели были отпущены в размере 37 000 руб. Когда деньги были на руках, профорганизация стала подыскивать подходящее помещение. Такое здание, вернее стены, нашли. Стояли они одиноко, обшарпанные, не покрытые верхним навесом. За стенами внутри валялись груды камней. Это был скелет здания. Предстояла большая работа. И 5 августа 1926 года в газете «Власть труда» появляется объявление Управления Алагирских предприятий «Госпромцветмет» о том, что на 7 августа объявляются открытые торги на достройку двухэтажного здания под клуб в г. Владикавказе на углу улиц Маркуса и Госпитальной, напротив здания городской больницы (бывший дом Зипалова). А уже 13 сентября закипела работа. Стены были закреплены, возведена крыша, внутри поставлены

перегородки. Была осуществлена перепланировка внутри здания: выделены кружковые комнаты, устроен зал, возведены хоры-балконы, отведено место для фойе. Общая площадь нового здания составила почти 1000 квадратных метров, тогда как старый клуб имел площадь не более 170 квадратных метров. Девять комнат было выделено исключительно под кружковые занятия: политкружки, художественные кружки, музыкальные, радио-кабинет и др. Большое светлое помещение было отведено под библиотеку-читальню, вмещавшую до 100 человек. Внутренние помещения и фасад здания освещались электричеством. На башне здания устанавливались большие часы, которые должны были обслуживать весь окраинный район города.

Вопрос о наименовании клуба обсуждался задолго до его открытия. Варианты предлагались разные, но больше сходились на названии «Кузница пролетарской культуры». Однако окончательное решение было принято на церемонии открытия клуба. Состоялось оно 31 декабря 1926 года. Рабочие пришли со своими семьями, тут же присутствовали красноармейские делегации под-

шефной части, железнодорожники и многие другие. Торжественное собрание открыл председатель местного отделения союза горняков товарищ Легеньков. Он рассказал об истории Алагирского завода, революционном движении среди алагирцев, остановился на героических эпизодах из жизни завода. Затем был избран президиум из 23 человек. Почетными членами президиума были утверждены представители высшего руководства страны: товарищи Сталин, Калинин, Томский и Угаров. Им была отправлена приветственная телеграмма. Управляющий заводом товарищ Тогузов от имени заводоуправления, отпустившего средства на постройку клуба, торжественно передал новый клуб в распоряжение горняков. Товарищ Легеньков объявил клуб принадлежащим профорганизации и назвал его имя: «Памяти декабристов». Над клубом был поднят красный флаг с сияющей надписью «Памяти декабристов». Затем на сцену под аплодисменты вышли технические работники, которые все время трудились над обустройством клуба: Векшин, Кубачек и Арабаджи, а также рабочий химотдела Тульский, который получил премию в конкурсе на лучшее название клуба.

Торжественное мероприятие продолжалось еще долго и закончилось выступлением театрального коллектива «Синяя блуза».

Таковы история строительства одного из красивейших зданий нашего города и небольшой экскурс в историю появления в нашей столице клуба декабристов, официальное название которого — клуб «Памяти декабристов».

Лана ХУБАЕВА

МОЗДОКСКОЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Здание Кирилло-Мефодиевского училища. 1980 г.

Имена просветителей Кирилла и Мефодия и их вклад в создание и развитие славянской письменности в настоящее время общеизвестны и не нуждаются в подробном описании. Коротко напомним, что в XIX веке в период развития просвещения, образования и появления различных обществ в Киеве существовало тайное братство, носившее название Кирилло-Мефодиевское. Организовано оно было в 1845 году и имело свои политические цели, главной из которых было создание демократических республик, а объединявшим их центром стал бы город Киев.

Но намного ранее появления Кирилло-Мефодиевского братства, в 1809 году, в Перми было открыто одноименное училище. Пермское Кирилло-Мефодиевское училище являлось крупным учебным заведением и имело довольно богатую историю. Позднее училища, носившие название «Кирилло-Мефодиевское», были открыты в ряде крупных городов России, в частности в Ростове в 1885 году (на Новом поселении). Но они, в отличие от обществ с подобным названием, являлись учебными заведениями и не имели политических задач, равно как и не имели к данным обществам никакого отношения, за исключением схожести названий. Открывались училища на официальном основании и были подчинены политической и учебной власти.

Как известно, вторая половина XIX века является временем, когда образование, в том числе и в Терской области, становится на прочную основу и получает широкое развитие, достигая даже отдаленных ее уголков — селений, станиц и деревень. В этом смысле Моздок, город, входящий в состав Терской области, становится на довольно высокую ступень развития. Вопрос просвещения приобретает острую актуальность, и здесь начинают открываться приходские и городские училища, где процесс обучения, методы

преподавания практически не отличались от методов преподавания и программ в училищах крупных и средних городов, в частности Владикавказа. Известно, что первые школы на территории современной Осетии зародились именно в Моздоке.

1 сентября 1885 года в Моздоке на базе уже функционировавшего приговорительного класса при городском трехклассном училище открывается Кирилло-Мефодиевское училище, получившее свое наименование в честь основоположников славянской азбуки, святых Кирилла и Мефодия [1, л. 1]. Инициаторами выступили представители городской думы, которая, будучи учредителем, изначально взяла на себя обязательство нести все необходимые для его открытия и функционирования расходы, обеспечение помещением — либо наемным, либо собственным, а также содержание в целом. Постановлением от 4 апреля 1885 года моздокская городская дума определила «имеющийся при городском мужском училище приговорительный класс переименовать в «Начальное городское училище св. Кирилла и Мефодия» с отнесением расходов на городские средства» [2, л. 1].

Открытие училища было приурочено к тысячелетию чествования «кончины первоучителя славян святого Мефодия». Из сумм моздокской городской думы были выделены средства на приобретение трех икон Кирилла и Мефодия, которые были поставлены в зале городской думы, в Моздокском городском и Моздокском женском училищах. Перед каждым началом учебного года было постановлено служить молебн [2, л. 34]. После представления попечителем кавказского учебного округа постановления моздокской городской думы от 22 октября 1885 года министр народного просвещения «разрешил учреждаемое в городе Моздоке Терской области на средства местной городской думы одноклассное приходское училище именовать Училищем Св. Кирилла и Мефодия» [3, с. 457].

В том же 1885 году газета «Терские ведомости» со ссылкой на газету «Кавказ» опубликовала заметку, где говорилось, что моздокская городская дума на одном из последних заседаний постановила «увековечить память славянских просветителей Кирилла и Мефодия открытием городского начального училища» [4, с. 1]. При открытии училища было прописано, чтобы сюда принимались только дети граждан Моздока. И только в том случае, говорилось в постановлении, «если будут оставаться свободные вакансии, таковые можно замещать мальчиками из других мест». Следует отметить, что училище являлось мужским учебным заведением.

В религиозно-конфессиональном отношении, по сведениям за тот же год, состав учащихся выглядел следующим образом:

православные — 53; армяно-григорианского исповедания — 14; католики — 3; мусульмане — 3; представители прочих исповеданий — 7. В сословном отношении: представителей городских сословий — 68; крестьян, нижних чинов и казаков — 6 [5, л. 12].

В 1896 году, 14 марта, моздокская городская дума поставила на заседании вопрос об открытии еще одного, дополнительного отделения, вследствие чего городским головой был прочитан доклад, который стал отправной точкой в вопросе расширения училища. В нем, в частности, говорилось: «В Моздокском городском училище обучается 116 учеников и имеется два учителя. Так как это училище содержится на средства города и желающих определиться сюда очень много, но училище, за неимением свободных вакансий, вынуждено бывает родителям многих учеников отказывать в просьбах их, и, кроме того, имея в виду, что к делу народного образования всегда нужно бывает отнестись сочувственно, почему во многих городах и даже селах затрачиваются значительные суммы для постановления его на должную высоту, то я, со своей стороны, предлагаю — в ознаменование имеющегося свершиться в мае сего года священного Коронования Их Императорского Величества — открыть при названном училище дополнительное отделение на 60 учеников, приспособив нижний этаж дома, занимаемого училищем, с ассигнованием на это из городских сумм четырехсот рублей ежегодно на наем квартиры для учителей и жалованья учителю вновь открываемого отделения с тем, чтобы из общего количества учащихся 25 % обучалось бесплатно, дать при этом преимущество жителям города, и чтобы право избирать бедных учеников было предоставлено Общественному управлению, и — независимо от этого — приобрести икону Святителя Николая Чудотворца для вновь открываемого отделения» [6, л. 85].

После заседания гордумы голова Моздока Алдатов в направленном на имя директора народных училищ письме просит его «войти с ходатайством» к попечителю кавказского учебного округа с прошением о разрешении «открыть данное отделение с назначением в него учителя» [7, л. 14].

15 марта того же года, вероятно во второй день заседания, были сформулированы пункты, содержащие условия, на которых училище должно было функционировать в дальнейшем, а именно:

1) ежегодно отчислять из городских сумм 240 рублей на уплату за правоучение 30 учеников в местном городском трехклассном училище;

2) также ежегодно отчислять из тех же сумм 150 рублей на уплату за правоучение 25 учениц.

В 1894 году возникла проблема с выделением средств на приобретение учебных пособий для библиотеки училища. Согласно исчислениям, необходимая на приобретение пособий сумма составляла 207 рублей. Рассмотрев список «подлежавших выписке книг», дума отложила решение данного вопроса «впредь до улучшения городского бюджета» [8, с. 4]. И все же в июне постановили разрешить городской управе выдать училищу в качестве кредита 70 рублей на приобретение необходимых учебных пособий.

Будучи «современником» Кирилло-Мефодиевского училища, в Моздоке функционировало Александровское женское двухклассное училище. Открыто оно было ранее Кирилло-Мефодиевского, в 1873 году. В 1898 году у представителей городской власти возникла идея перевести Александровское училище в другое здание, освободившееся после перенесения в свою очередь Моздокского трехклассного городского училища. Поскольку ни у самого Александровского училища, ни у городской думы Моздока не имелось достаточно средств на оборудование нового помещения для женского училища, постановлением, подписанным директором народных училищ, было разрешено «воспользоваться специальными суммами Моздокского Кирилло-Мефодиевского училища в размере 1 200 рублей без процентов сроком на 4 года, для приспособления старого здания городского училища под Александровское женское, взаимнообразно, при условии, если моздокское городское общество даст обязательство, что оно означенный заем погасит из общественных средств непременно в течение 4 лет, внося по 300 рублей ежегодно, и что названный дом Александровского училища будет непременно окончен к началу будущего учебного года» [9, л. 120]. Выслушав данное предложение, городская дума постановила: поручить городскому голове выдать дирекции «отношение за обязательство», т. е. обязательство возвращать выданные суммы по 300 рублей в год. Таким образом, обязательство вернуть суммы, взятые у Кирилло-Мефодиевского училища на оборудование помещения Александровского училища, городская дума брала на себя [9, л. 13].

О программе Кирилло-Мефодиевского училища и учебном процессе в целом позволяют судить отчеты директора, а чаще инспектора народных училищ после периодически проводимых ревизий. К примеру, отчет за 1895 год. Из заключений инспектора народных училищ Терской области, осуществлявшего проверку, в частности, ведения в училище учебного дела в начале октября, 3, 4 и 10 числа, узнаем, что училище состоит из трех комнат, коих было недостаточно для обучения всех учащихся, в связи с чем

занятия проводились в две смены. В каждом отделении был свой учитель, и только учитель Живокулов преподавал во всех отделениях. Учеников в это время в училище было 50. Посетив занятия учительницы Егоровой, инспектор народных училищ отмечает, что сначала учительница упражняет детей на букву «и» по букварю Вахтерова, потом «выделяет звук “ж” при составлении слова “жито”» и замечает, что «по непонятной причине не все буквы одинакового размера». На уроке арифметики «в беглом счете дети слабоваты», материал проходится чисто теоретически, без закрепления, соответственно, маленькими задачами. Инспектор обратил внимание на подсказывающие вопросы и рекомендовал, чтобы таковых не было. Особое замечание было высказано в следующей формулировке: «Неприятно было отметить, что учительница не знает всех до сего времени фамилий своих учеников». Посетив занятия учителя Живокулова, инспектор указал, что во время прорабатывания географической статьи «Отчего бывает день и ночь» механизм чтения не у всех детей удовлетворительный. Однако он сделал вывод, что «в целом занятия удовлетворительны».

Преподавание такого урока, как Закон Божий, было охарактеризовано формулировкой: «ведется односторонне, без наглядности обучения, т. е. без карт и картин» [10, л. 17]. На протяжении ряда лет предмет Закон Божий преподавал законоучитель Варфоломей Синанов, являвшийся выпускником Ставропольской духовной семинарии. Он состоял на службе в целом с 1860 года и работал в Кирилло-Мефодиевском училище с 1886 года [11, л. 50].

При посещении третьего отделения, где преподавал учитель Кончухидзе, инспектор отметил, что знания учащихся удовлетворительны, но от учителя требуется обеспечить более твердое усвоение пройденного учащимися и оканчивающими училище. Особенно, по мнению инспектора, это касается инородцев, поскольку они нуждаются в объяснении непонятных слов и понятий больше. Это в том числе касалось и изучения катехизиса, где необходимо было более твердое и более сознательное усвоение пройденного.

Также о программе, по которой велись занятия, можно судить из отчета 1899 года. Здесь в рамках Закона Божия урок в первом отделении начинался с прочтения молитвы «Отче Наш» и «Молитвы Господней» сначала одним учеником, а затем всем классом хором в нескольких частях, которым были даны объяснения. Детям второго отделения было рассказано о Вознесении Господа Иисуса Христа. На уроке также переводили статьи о прощении обид, об учении Христа и о Его втором пришествии и Страшном

суде. «Учитель Кончухидзе упражнял детей в церковно-славянском пении, задавая его также на дом». Инспектор рекомендовал «обратить внимание на усвоение практическим путем форм церковно-славянского языка, не сходных с русским языком». Кроме того, было предложено требовать от детей передачи содержания по плану, дабы заученное детьми «всегда оставалось в памяти». В третьем отделении дети рассказывали о чудесах, творимых Иисусом Христом. На уроке русского языка дети читали стихотворения «Утро» и «Внутренность избы». Во время очередного посещения урока третьего отделения инспектор народных училищ подчеркнул, что детям было рассказано об Отечественной войне, избрании на царствование Михаила Романова и были прочтены статьи по учебной книге «Степной край», а также «Рожь и другие хлебные растения» [12, л. 17 об.] .

В результате «ревизии знаний» было сделано заключение, что «в общем обучение в училище идет достаточно успешно. Программы по русскому чтению, Закону Божию и арифметике закончены, чего нельзя сказать о программе по церковно-славянскому чтению, которую необходимо заканчивать к назначенному сроку».

Одной из примечательных сторон в этом учебном заведении являлся устроенный при училище сад, упоминание о котором не раз встречается в деловых переписках училища в разное время. Изначально, когда училище только открылось, сад при нем также имелся, но, по всей видимости, он обустроивался несколько раз, поскольку место расположения училища менялось. Вопрос его разведения в очередной раз возник в 1898 и продолжился в 1899 году. Новый заведующий Афанасьев запланировал разбить сад на территории, занимаемой училищем. «Но, — указывает заведующий в рапорте, адресованном городскому голове, — без разрешения инспектора я не решался... После ревизии училища, произведенной инспектором народных училищ, директор дал согласие на разведение сада, и потому, — обращается к горголове Афанасьев, — прошу сделать доклад городской думе о том, пожелает ли она отвести во всегдашнее бесплатное владение училищу участок земли, расположенный около Ильинской церкви, мерой 50 сажень от угла кладбища вдоль дороги к городу и 100 сажень от дороги к садам, и небольшой участок».

На этом месте заведующий планировал не просто развести сад, но устроить древесную школу и питомник. Кроме того, Афанасьев планировал выстроить на участке плетеный домик и две комнаты для караульщика и для хранения садового инвентаря.

7 августа 1898 года инспектор народных училищ в направленном моздокскому городскому голове письме уверял, что «отвести в распоряжение моздокского Кирилло-Мефодиевского училища в постоянное пользование 2¼ десятины весьма желательно». При этом инспектор уточнил, что учителя не отказываются обрабатывать сад, привлекая к этому учеников и сторожа-работника, и согласны делать это безвозмездно. Вознаграждением за данный труд, по словам инспектора, будет доход с сада и огорода. Но участок, выделенный под сад, «необходимо окопать канавой и огородить». В саду планировалось построить турлучный, а возможно, саманный домик, состоящий из двух комнат, где, как говорилось выше, будет храниться садовый инвентарь. Жалование сторожу-работнику предполагалось в размере 100 рублей в год, выделяемых из городского бюджета, помимо чего планировалось выделять по 60 рублей на покупку «садовых инструментов, семян, черенков, маточных деревьев, виноградных лоз и пр.». В заключение инспектор давал городскому голове следующее обещание: «Если вы это устроите, то я разработаю план устройства сада, и уверен, что при помощи моих сослуживцев-учителей мне удастся осуществить его, и сад станет украшением среди моздокских садов и будет полезен поучительной стороной для городского населения».

При этом инспектор пишет, что «на училищный капитал в этом деле рассчитывать нельзя, так как с переходом сбора за учение учащихся в Кирилло-Мефодиевское училище капитал этот расти уже не будет, а потому он должен остаться неприкосновенным», но что процент, вероятно уже накопившийся с капитала, может идти на удовлетворение неотложных нужд, если для этого не окажется средств у учредителей училища. Здесь инспектор ссылается на 66-й параграф инструкции для одноклассных и двуклассных училищ, находящихся в ведении министерства народных училищ [13, л. 11–12].

10 августа 1899 года заведующий училищем в своем рапорте на имя инспектора народных училищ напоминал, что еще в прошлом году моздокский городской голова дал свое согласие на разведение училищного сада. На что, согласно сделанным тогда подсчетам, необходима была сумма размером 170 рублей.

Однако, несмотря на согласие и разрешение властей, писал заведующий, «вопрос этот до сих пор не решен». Заведующий поясняет: «ввиду наступающей осени, когда необходимо сделать канаву вокруг сада, заложить питомник, я просил бы Ваше Высокородие об отводе земли, но только с тем условием, чтобы место это было хорошо огорожено и построен домик для караульщика и хранения инвентаря и одновременно отпустить

средства для инвентаря в 60 рублей. Кроме того, просил бы Ваше Высочордие не отказать своим ходатайством перед директором народных училищ отпуска из сумм дирекции на то же 60 рублей и тем же показать городскому голове, что и учебное начальство идет на помощь городу, и это пособие могло бы быть впоследствии большим основанием к ходатайству от города расхода по училищу». Продолжая приводить аргументированные доводы относительно необходимости оказания помощи в устройстве сада, заведующий указывает на то, что «разведение сада в Моздоке для населения весьма необходимо, так как жители побросали виноградные сады и засаживают их плохими деревьями, которые покупают на базаре от станичных жителей, которые в свою очередь возят на базар весь садовый хлам, выкопанный из-под старых деревьев. Место, которое предполагалось под сад, пока еще не занято. Но, пожалуй, скоро кем-нибудь займется, а лучшего места под сад больше нет». В заключение заведующий пишет, что «в настоящее время город положительно истощил свои средства и едва находит возможность платить жалование, так что помощь со стороны дирекции для города была бы весьма необходима...» [14, л. 174].

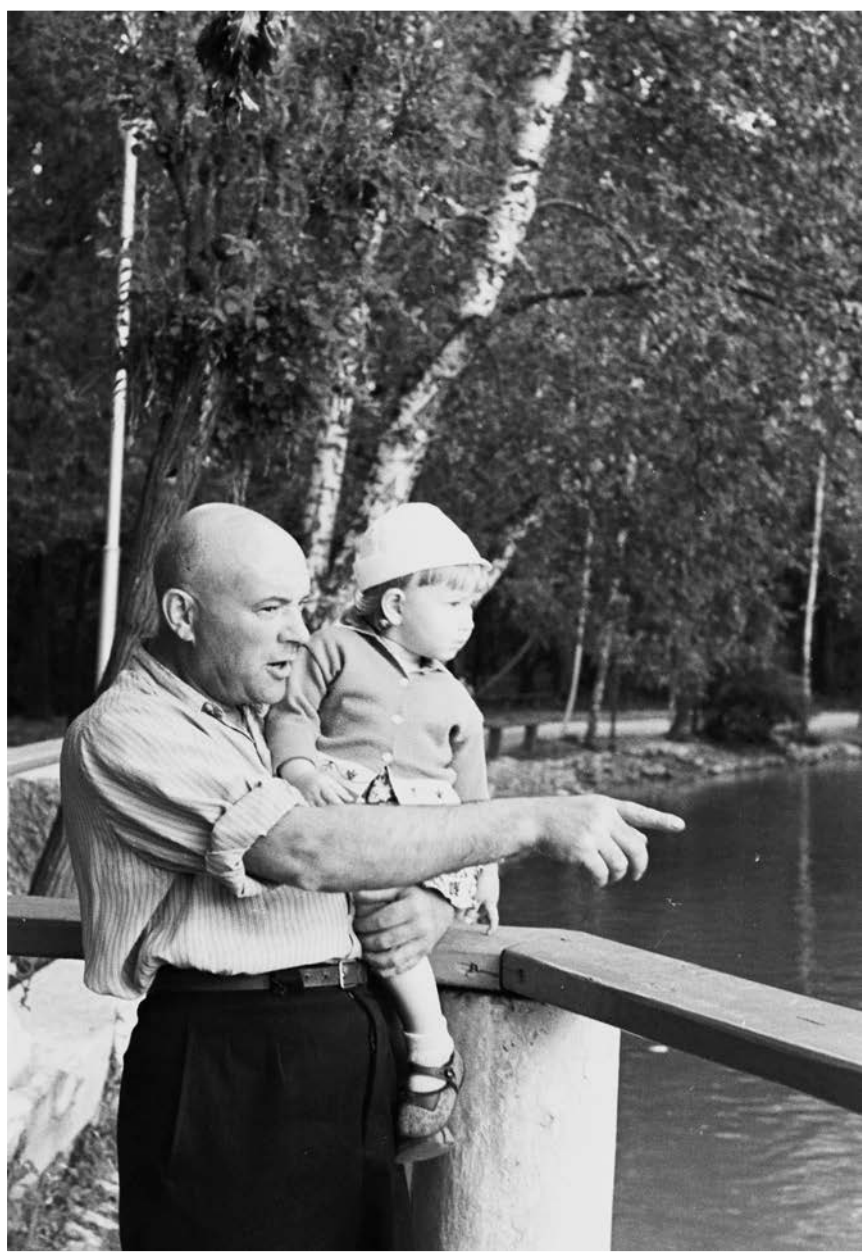
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп.1. Д. 1.
2. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 359.
3. Циркуляр по управлению кавказским учебным округом за 1885 год.
4. Терские ведомости. 1885. 29 сент.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1274.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп.1. Д. 148.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп.1. Д. 360.
8. Терские ведомости. 1894. 24 апр.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 383.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 646.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1312.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 252.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 382.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 217.

Продолжение следует.

Эти снимки из архива семьи Разоря. На них — Осетия и ее столица 60-х годов прошлого века. Фотографии непрофессиональные, и делались они не для широкого круга, а для семейного альбома. Но ценность в них, как минимум этнографическая, конечно, присутствует. Те, кому довелось жить в то время, возможно, вспомнят свою молодость. А те, кто помладше, смогут заметить, как сильно все изменилось. Мы публикуем эту подборку не только для того, чтобы показать Осетию ушедших лет, но и дабы отдать дань памяти нашей сотруднице Ирине Разоре, которая в течение 20 лет занималась версткой «Дарьяла» и, по сути, создала его привычный теперь визуальный образ. На первой и последней photographиях — Ирина.

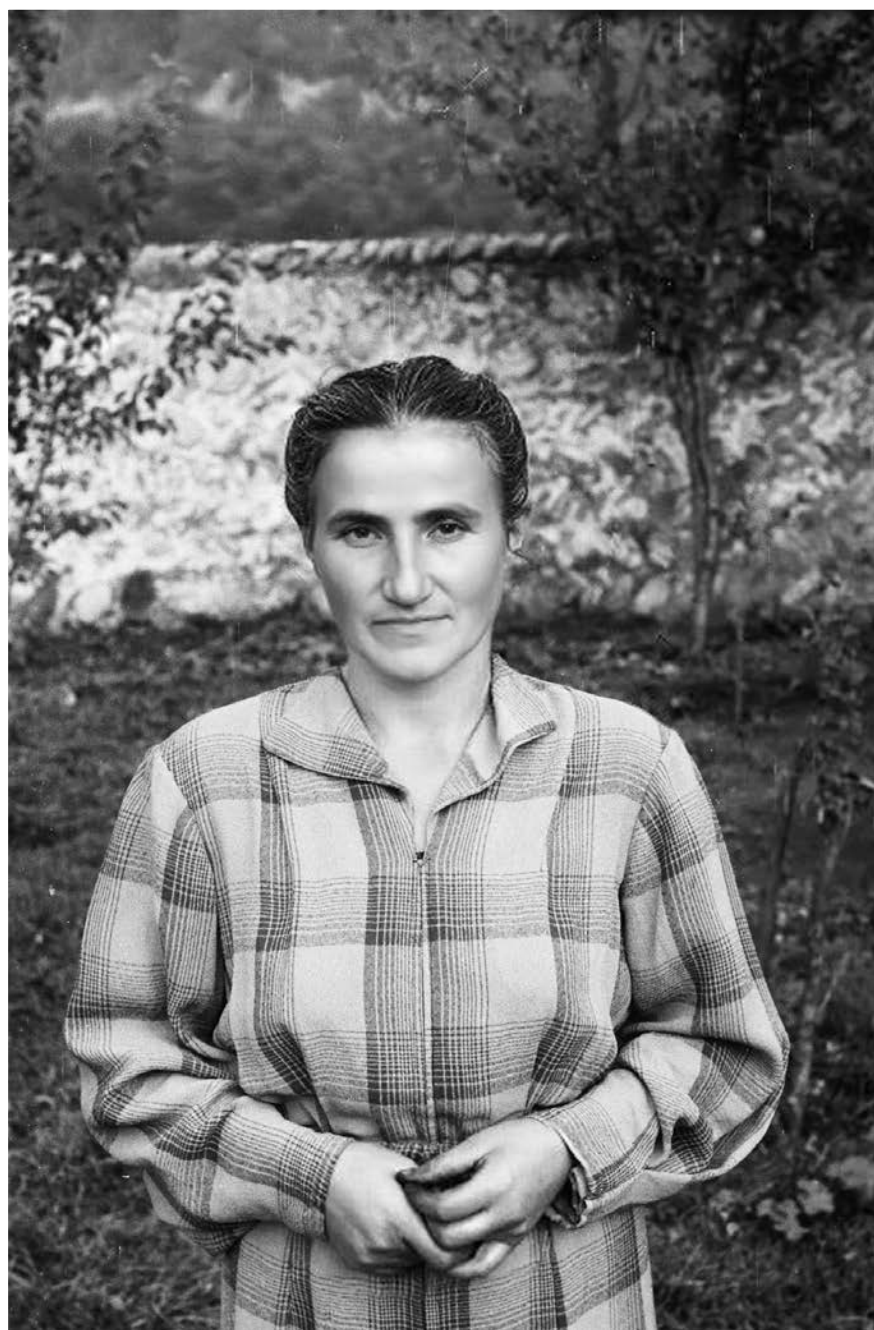

ГЕРМАН ГУДИЕВ

* * *

Рожденный в Дели — едет жить в Манчестер,
в шальварах турок — прет навеки в Бонн,
и в Брайтон-Бич шурует бич одесский...
Но дело чести — жить, где ты рожден!

Без визы мог рвануть я, шустрый парень,
туда, где жизнь, как сказка, хороша!
Но с колыбели так к горам приварен, —
не разглядишь ни трещины, ни шва!..

Я улыбаюсь здесь довольно редко,
жизнь — кожа сыромятная — туга,
но здесь бесценный прах далеких предков,
дом друга, дом прощенного врага...

И цепи гор здесь для меня — не цепи.
Полет! Свобода сердца и души!
Любуюсь видом царственной мечети,
где Терек берега свои крошил!

Моя земля! Мое над нею небо!
Всю жизнь свою отдам своим стихам,
и, маузер швырнув на бурку снега,
здесь упаду
 босым,
 как Зелимхан!

Ольга РЕЗНИК

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ЭТЮДЫ

Дворец барона Штейнгеля и улица Крепостная

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ ГОРОВОЙ — **НЕ ЧЕТА ЯПОНСКОМУ**

Как театр начинается с вешалки, так город начинается или, по крайней мере, должен начинаться с порядка в нем. Ведь, согласитесь, едва ли кто из нас захочет жить в населенном пункте, где все вверх дном, где небезопасно, да и приехать в такое место погостить едва ли кто захочет.

А теперь, внимание, вопрос: у какой из городских скульптур чаще всего фотографируются владикавказцы, да и гости нашей столицы тоже? Верно, у очень симпатичной бронзовой фигуры городского — ваяния замечательного осетинского скульптора Ибрагима Хаева. Почему? Да потому, наверное, что транслирует этот городской спокойствие, умиротворенность и уверенность, что даже муха без билета мимо него не пролетит, ибо он сделает все от него зависящее для поддержания порядка. А это, согласитесь, дорогого стоит и ценится высоко как горожанами, так и туристами, коих в последнее время стало появляться немало в нашем Владикавказе.

Думаю, что, создавая образ городского, Ибрагим Хаев если доподлинно и не знал, то уж точно догадывался, как много забот ложилось по долгу службы на плечи отвечающего за порядок в дореволюционном областном центре (до 1917 года Владикавказ был центром обширной Терской области, в состав которой входили территории современных Северной

Осетии, Ингушетии, Чечни, Кабардино-Балкарии и Кавказских Минеральных Вод). И в самом деле, за что только не приходилось отвечать городovým, то бишь полицейским, в том числе и помимо, казалось бы, их прямых обязанностей! Они оказывали на базаре содействие торговым зрителям по урегулированию торговли и взиманию городских сборов; наблюдали за своевременной ежедневной поливкой улиц; задерживали для выяснения личности и составления протоколов велосипедистов, проезжавших по тротуарам, бульварам и пешеходным мостам и тем самым мешавших продвижению пешеходов; приструни-

Владикавказский городской

вали владикавказских владельцев автомобилей, которые, курсируя по Военно-Грузинской дороге, почти всегда бывали пьяны, что становилось причиной несчастных случаев не только с экипажами, но и с прохожими; отваживали любителей купания в Тереке, дабы свести на нет трагические случаи. При этом проявляли заботу не только о сохранении жизни и здоровья отчаянных ныряльщиков, но и о нравственности, ибо в полицию поступали многочисленные жалобы горожан, сетовавших на бесцеремонность купальщиков, которые, не стесняясь следовавших по мостам пешеходов, разгуливали на берегу в костюмах Адама. В конце концов именно по просьбе владикавказского полицмейстера, вынужденного обратиться в городскую управу, были вывешены плакаты, оповещавшие о том, что купание в Тереке запрещено.

Увы, но прочесть их могли только люди, но уж никак не крокодилы. Про крокодилов — это не шутка! Обитал один такой длиною в два с половиной аршина (около двух метров) в находившемся на берегу Терека у пешеходных кладок зверинце, открытом итальянцем Мишелем Почити. Вот этот крокодил и сбежал как-то из зверинца, чтобы окунуться в бурные воды Терека. А вылавливать экзотическое для наших мест хищное животное пришлось, как вы,

наверное, уже догадались, все тем же городовым. Потому что крокодил, что ни говори, представлял серьезную опасность для жителей Владикавказа.

Несладко приходилось стражам порядка и в периоды, когда разыгрывалась стихия. Именно им вменялось в обязанности устранять ее последствия. После сильных дождей, когда на улицах бурлили реки разливаемые, уносившие домашнюю утварь, птицу, скот, когда заливались нижние этажи зданий, останавливались трамваи, а передвигаться можно было только верхом, хотя вода и лошадям доходила до живота, на помощь спешили опять-таки полицейские, работавшие и днем и ночью.

Еще более нелегкой была служба владикавказских пожарных. Помимо прямых обязанностей этим бедолагам приходилось, до устройства в городе приюта для душевнобольных, присматривать за помещавшимися в полицейском кордерегарде (помещении для караула) психически неуравновешенными личностями и, таким образом, «исполнять труд, не соответствующий их званию и обязанностям». А когда у их подопечных случались весенне-осенние обострения, пожарным и вовсе приходилось туго. Мало того, что сама по себе работа непростая и рисковая, а тут еще такая вынуждающая из колеи дополнительная нагрузка!

В общем, служба городских и пожарных совершенно справедливо считалась довольно тяжелой, нередко именно они подвергались опасности потерять здоровье и даже жизнь. Поэтому все нижние чины владикавказской полиции и все пожарные были застрахованы. Таким образом, в случае потери кормильца семья погибшего имела возможность получить огромную по тем временам денежную сумму — 500 рублей, а в случае увечья пострадавший мог рассчитывать на неплохую пенсию.

А вообще, следует заметить, что полицейские в дореволюционном Владикавказе осуществляли свою деятельность настолько успешно и слаженно, что даже находили последователей в лице, скажем, учащейся молодежи, равнявшейся на смелых городских. Так, в сентябре 1909 года произошел возмутительный случай нападения на горожанку с целью грабежа. Некая дама, выйдя из магазина, направилась в сторону своего дома. Еще на выходе она столкнулась с подозрительным субъектом, который стал следовать за ней буквально по пятам. Желая избавиться от преследователя, женщина перешла на другую сторону улицы, однако назойливый незнакомец последовал за ней. Более того, уловив момент, когда на улице не было никого из прохожих, он вдруг набросился на женщину, сбил ее с ног и стал быстро обшаривать,

отыскивая деньги. К счастью потерпевшей, эту сцену наблюдал проходивший по другой стороне улицы гимназист лет одиннадцати-двенадцати (в сущности, совсем еще ребенок). Не растерявшись, храбрый мальчик схватил с мостовой камень, подбежал к грабителю и изо всех сил ударил его по голове. Преступник был настолько ошеломлен случившимся, что, бросив свою жертву, стал убегать. Отважный гимназист, однако, последовал за ним, призывая на помощь городского. А все потому, что владикавказский городской являлся для него примером для подражания: он неизменно стоял на страже порядка и проявлял немалую заботу о безопасности горожан не в пример японскому. Ведь, когда мы произносим «японский городской», право слово, ничего хорошего не имеем в виду.

А знаете ли вы, откуда вообще берет начало это выражение, которое вошло в нашу речь так давно и произносится настолько часто, что мало кто уже сегодня вспомнит, откуда у «японского городского» ноги растут? Выражение это появилось в России еще в конце XIX века — вскоре после покушения на будущего российского императора Николая II в японском городе Оцу. А дело было так: путешествуя по Евразии, в мае 1891 года цесаревич прибыл в Страну восходящего солнца, где местным городovým по имени Цудзуки Масаёси, зараженным распространенными в ту пору среди японцев ксенофобскими настроениями, на него было совершено покушение. Японский городской, считавший себя истинным самураем, набросился на цесаревича с саблей, но, к счастью, был быстро обезврежен охраной.

Событие это имело недюжинный резонанс в России, граждан которой более всего потрясло то обстоятельство, что городской, призванный обеспечивать безопасность, сам стал источником опасности. Вот и говорим мы с тех пор «японский городской», когда хотим обратить внимание на любые негативные проявления. А вот если бы в нашу речь так же вошло выражение «владикавказский городской», то оно бы точно обозначало перфекциониста, неустанно следящего за порядком.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОРОД

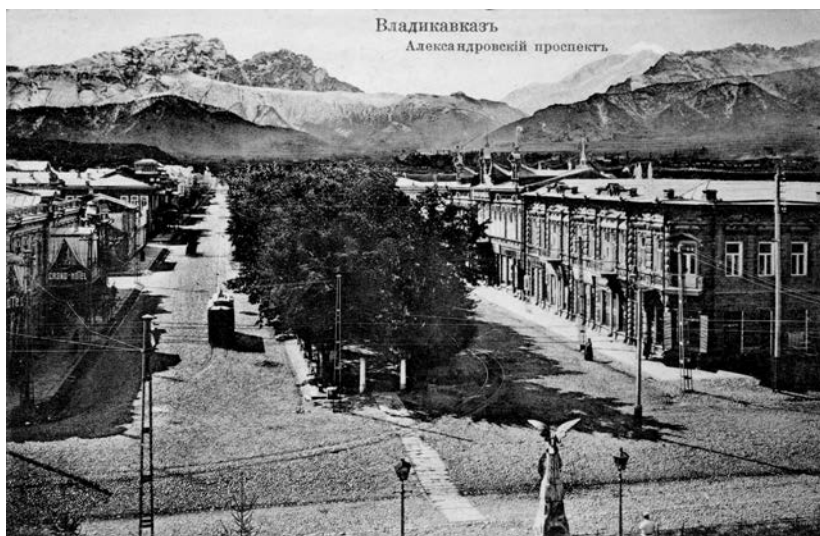
Да, воистину безопасным, замечательным и в то же время удивительным городом был тихий дореволюционный Владикавказ. С безопасностью все, в общем-то, ясно. Поэтому теперь хочется рассказать о его замечательности. А она, на мой взгляд, заключа-

лась прежде всего в том, что Владикавказ считался во всех отношениях приятным для проживания в нем населенным пунктом. Он даже приобрел славу «города отставных пенсионеров», которых в областном центре действительно было немало. Благодаря дешевизне здешней жизни служащие и военные (о военных разговор особый), получая переводы в другие города, отказывались уезжать из Владикавказа и, выйдя в отставку, оставались здесь навсегда.

Сегодня подобное трудно представить, но в тогдашнем Владикавказе, пройдя по базару в субботу, в базарный день, с тремя рублями в кармане можно было закупить продукты, которых хватало на длительное время. А цены были прямо-таки фантастические: сотня яиц — 65–75 копеек, пара кур — 30–35 копеек, сыр осетинский — 8–10 копеек, масло — 15–20 копеек, икра лососевая — 15 копеек за фунт (1 кг = 2 фунта 42 золотника), мешок картофеля (вместе с мешком) — 1 рубль.

А если добавить к вышесказанному живописнейшее горное обрамление города, главной достопримечательностью которого, по мнению авторов «Двенадцати стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, являлся высокий Кавказский хребет («Слишком много шику» — помнится, так отзывался о горах «великий комбинатор» Остап Бендер), который виден почти отовсюду, да неповторимую по красоте архитектурную застройку центра Владикавказа, наводненного решенными в разных стилях, но чаще в стиле модерн двухэтажными особняками с прекрасной лепкой, ажурными решетками, незабываемыми интерьерами, становится понятно, что в этот город было невозможно не влюбиться. Современники называли его ключом Кавказа, в то же время констатируя, что это европейский город с красивыми зданиями и магазинами, с «Гранд-отелем» и отелем «Империял», обставленными как любое другое заведение с таким названием.

Владикавказ разрастался, отстраивался, благоустраивался (только в 1912 году, согласно сообщению газеты «Терские ведомости» от 25 января 1913 года, в городе было построено 302 новых здания!). Учебные заведения (в 1913 году в центре Терской области появился даже призванный стать кузницей педагогических кадров области Владикавказский учительский институт, у воспитанников которого была своя особая форма одежды), лечебницы, промышленные предприятия, железная дорога, мосты, электричество, трамвай, автомобили, водопровод, телефон, радиосвязь, авиация, музей, городской театр (знаменитый, старейший, первый на Северном Кавказе!), кинематограф, звукозапись,

Александровский проспект

многоэтажные дома «со всеми удобствами», новая поэзия, новая живопись, новая архитектура, новая музыка — все это врывалось в жизнь горожан, делая ее более интересной, удобной и комфортной. Словно самой судьбой было предрешиено красивейшему из городов Кавказа стать важным культурным и промышленным центром юга страны.

Признаюсь, мне как журналисту особенно интересно было погрузиться в газетное пространство дореволюционного Владикавказа. И должна вам сказать, одного этого достаточно, чтобы убедиться, что жизнь в нашем стольном граде не стояла на месте. В 1867 году была учреждена первая в области газета «Терские ведомости», редактором которой стал талантливый адыгейский публицист Адиль-Гирей Кешев, а затем писатель Николай Благовещенский, близкий друг знаменитого автора «Очерков бурсы» Николая Помяловского. Первый номер газеты вышел 1 января 1868 года, а с 1 июля 1901 года «Терские ведомости» стали выходить ежедневно. Несмотря на то что газета всегда была сугубо официальной, с ней сотрудничали известные на Северном Кавказе деятели, такие как «Леонардо да Винчи осетинского народа» Коста Хетагуров, который, однако, в ту пору, когда «ведомости» проводили весьма реакционную политику, метко назвал газету «мерзкие ведомости», осетинский этнограф Инал Тхостов, кабардинцы — просветитель Кази Атажукин и общественный дея-

тель Дмитрий Кодзоков, ингуши — этнограф, краевед и юрист Чах Ахриев и общественный деятель и просветитель Адиль-Гирей Долгиев, общественный деятель, журналист, краевед Григорий Вертепов, возглавивший в сентябре 1897 года «Терские ведомости», а позже газету «Терский казак», журналист, редактор и издатель Борис Ширинкин, сменивший в 1905 году Вертепова на посту редактора «Терских ведомостей», и другие.

С июня 1882 года во Владикавказе начинает издаваться выходившая три раза в неделю газета «Терек», первым редактором которой стал учитель Владикавказского ремесленного училища Ипполит Веру. С 1895 года издателем Сергеем Казаровым выпускается газета «Казбек», с которой сотрудничали сам городской голова Владикавказа Гаппо Баев и писатель, поэт, общественный деятель, соратник Коста Хетагурова Георгий Михайлович Цаголов (не путать с революционером Георгием Александровичем Цаголовым), а литературным сотрудником и заведующим отделом газеты был революционер, будущий советский государственный и политический деятель Сергей Киров, чья тогда еще невеста, а впоследствии жена Мария Маркус, родная сестра революционера, первого народного комиссара просвещения Терской народной республики Якова Маркуса (его имя носит одна из улиц нашего города), тоже работала в редакции газеты «Казбек».

В июле 1906 года во Владикавказе начинает издаваться с периодичностью два раза в неделю первая газета на осетинском языке «Ирон газет», редактором которой стал общественный деятель, юрист и издатель Асланбек Бутаев. С газетой сотрудничали писатели Коста Хетагуров, Сека Гадиев, Цомак Гадиев и другие. Увы, свет увидели всего девять номеров «Ирон газет», после чего «по причине революционной направленности» газета была закрыта.

В 1914 году во Владикавказе стала выходить новая ежедневная газета «Терская жизнь», редактором которой стал известный в ту пору прогрессивный одесский журналист Александр Солодов. С осени 1910 года он работал в газете «Терек», приобретая здесь за эти годы добрых друзей и почитателей своего таланта. Правда, редактором «Терской жизни» ему довелось быть недолго: 27 апреля 1914 года жизнь Солодова трагически оборвалась...

И все это только про газеты. А ведь выходили еще и журналы, и книги. Вся владикавказская печатная продукция издавалась в типографиях. Согласно отчету полицмейстера за 1903 год, их в нашем городе насчитывалось семь: две принадлежали Просвируну и

Шувалову, владельцами еще пяти являлись Казаров, Сегаль, Агibalов, Григорьев и Терское областное правление.

Сведения о выходившей во Владикавказе печатной продукции можно найти в газете «Терские ведомости». Так, к примеру, в июле 1906 года в типографии Шувалова готовилась к изданию книга на русском языке «Герои-нарты» Александра Кубалова (во Владикавказе названа улица в его честь), в которой, как сообщала газета, «в переводе на русский язык в стихотворной форме были изложены песни кавказских горцев, собранные присяжным поверенным А. З. Кубаловым». В декабре того же года эта книга уже вышла из печати и поступила в продажу. Сообщалось также, что принято решение выпустить ее впоследствии и на осетинском языке. Другой пример: в сентябре 1913 года во все книжные магазины Владикавказа поступил новый роман из жизни кавказских горцев под названием «Абреки» «известного местного писателя Георгия Цаголова». А в феврале 1916-го вышла из печати и поступила в продажу историческая драма в четырех действиях с эпилогом «Слепцов и его сунженцы» Константина Козлова, в которой был увековечен знаменитый основатель Сунженской линии генерал Слепцов. Автор этой пьесы был награжден первой премией на литературном конкурсе за лучшее сочинение из минувшей и современной истории казачества, объявленном Терским обществом любителей казачьей старины. Примечательно, что еще до издания книги в январе 1913-го по инициативе Общества любителей казачьей старины в городском театре любителями драматического искусства был впервые показан казачий спектакль по вышеупомянутой пьесе Козлова.

Издававшиеся во Владикавказе книги можно было приобрести в профильных торговых точках. Согласно отчету владикавказского полицмейстера за 1903 год, в городе было семь магазинов книг и канцелярских принадлежностей и три лавки букиниста. А еще семь фотографических заведений. Прибавьте к этому четыре кинотеатра, первый из которых под названием «Патэ», переименованный позже в «Комсомолец», был открыт в 1911 году, а последний — «Гигант», обставленный «с большим для провинции комфортом», — в январе 1913-го (были еще кинематографы «Риччи» и «Модерн»), и получится картина маслом.

Согласитесь, весьма недурно для небольшого по современным меркам городка, численность населения которого была в разы меньше численности населения современного Владикавказа. Так, по статистическим данным от 12 октября 1864 года, население города составляло 3307 человек, из них 537 купцов первой и

второй гильдии, 735 мещан, 922 дворянина, штаб- и обер-офицера, состоявших на службе, 838 государственных крестьян, 275 разночинцев.

Согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, во Владикавказе проживали уже 43 843 человека, а на 1 января 1916 года — 73 243 человека, из них 36 400 мужчин и 36 843 женщины. Так что можно с уверенностью утверждать, что тенденция, когда на десять девчонок по статистике девять ребят, имела место и в те далекие времена. Правда, в число мужчин, проживавших во Владикавказе, не были включены военные, квартировавшие здесь, а значит, беря во внимание это обстоятельство, Владикавказ дореволюционный вполне мог бы претендовать на звание города женихов!

В общем, в том, что Владикавказ был замечательным городом, думаю, никто из вас уже не сомневается. А значит, пришла пора рассказать о том, что или кто делали его удивительным. Как вы, наверное, уже догадались, город стал таковым благодаря проживавшим в нем людям. Это они, горожане, наделенные лучшими человеческими качествами, составляли главную ценность Владикавказа, делая его особенным.

Скажите, в каком еще другом городе можно было прочесть в газете («Терские ведомости» от 26 февраля 1906 года) такое: «28 февраля в здании общества распространения грамотности среди грузин трупую русских драматических артистов при участии Херувимовой и Горбачевского будет дан спектакль в пользу Владикавказского греческого училища. Представлено будет: «Евреи» и водевиль «Школьная пора»»?

Как говорится, комментарии излишни. И все же, все же, все же... Что за удивительный город Владикавказ! Какие пестрота, взаимопроникновение и смешение культур и наречий! И в то же время потрясающая соборность! В той же газете читаем, что в августе 1914 года в обществе приказчиков состоялся осетинский спектакль, а в клубе общества чиновников — еврейский вечер. Годом же раньше, 13 октября 1913 года, многонациональный Владикавказ торжественно праздновал 1500-летие армянского алфавита...

Главное, однако, что люди разных национальностей и вероисповеданий чувствовали себя единым городским сообществом и стремились жить на этой благодатной земле в мире, согласии и веротерпимости, уважая и поддерживая друг друга. Причем это касалось не только коренных народов Российской империи, но и тех, кому и в дореволюционной России, да и в СССР тоже, скорее, подошло бы определение «иностранец».

Наверное, я кого-то сильно удивлю, если упомяну о том, что в дореволюционном Владикавказе была даже французская школа де Леклюз, в которую с четырех лет принимались дети проживавших в городе французов (плата за обучение составляла пять рублей в месяц).

«Откуда взялись во Владикавказе французы?» — спросите вы. Вопрос, конечно, интересный. Ответу кратко: главным образом из Бельгии, 40 процентов населения которой, как известно, говорят на французском языке. Дело в том, что небезызвестное АО «Электроцинк» начиналось в 1898 году как небольшое предприятие «Алагир» с бельгийским капиталом. Кроме того, появление бельгийцев во Владикавказе напрямую связано и с пуском в нашем городе электрического трамвая. В феврале 1897 года во Владикавказе состоялись торги на отдачу сорокалетней трамвайной концессии. В конкурсе, приглашение для участия в котором публиковалось во всех ведущих российских газетах, победил греческий подданный Е. Скараманга, который позже передал права на строительство бельгийской организации «Анонимное общество владикавказских электрических трамваев и освещения», штаб-квартира которой находилась в Брюсселе. Уже в январе 1902 года во Владикавказ прибыли бельгийские и немецкие (субподрядчиком работ стало электрическое общество «Гелиос» из Кёльна) инженеры, которые приступили к постройке и укладке

Трамвайный мост

трамвайных путей на Ольгинском (Чугунном) мосту через реку Терек. И электрический трамвай, запущенный в 1904 году, таким образом, появился во Владикавказе на три года раньше, чем в столице Российской империи Санкт-Петербурге (кстати, в этом году мы будем отмечать 120-летие владикавказского трамвая).

В годы Первой мировой войны большая часть территории Бельгии, армия которой присоединилась к войскам Антанты, была оккупирована Германией. 20 октября 1914 года владикавказским Комитетом Красного Креста в пользу разоренных войной бельгийцев была поставлена опера А. Даргомыжского «Русалка». Сбор превысил 1000 рублей! На спектакле присутствовали все проживавшие во Владикавказе французы и бельгийцы.

Кстати, французы, а также хорваты, литовцы, латыши и многочисленные поляки являлись прихожанами владикавказского римско-католического костела Святого Антония Падуанского, который располагался на улице Евдокимовской (ныне улица Горького). Костел был построен в 1868 году, а в 1915-м в нем насчитывалось 2100 прихожан. При костеле была открыта польская школа.

Да, удивительный город — дореволюционный Владикавказ. Он не перестает поражать своей этноконфессиональной пестротой. Около 20 только православных храмов; старообрядческая часовня (старообрядческое общество функционировало под наимено-

ванием «Владикавказская старообрядческая община Успенского храма»); армянская церковь Сурб Григор Лусаворич (в честь Святого Григория Просветителя), построенная в конце 60-х — начале 70-х годов XIX столетия по проекту архитектора Симонсона и расписанная Карапетом Ншаняном (всего 19 картин); еврейская синагога (иудаизм во Владикавказе исповедовали не только евреи, но и «природные русские», в ноябре 1907 года общим присутствием Терского областного правления было разрешено 118 владикавказским домохозяевам учредить в городе религиозную секту под названием «Иудейская секта»); лютеранская

Римско-католический костел

немецкая кирха (ныне в этом здании концертный зал филиала Мариинского театра), выстроенная в духе поздней церковной готики, единственное подобной архитектуры здание на Юге России; суннитская мечеть, построенная в 1902–1906 годах на средства бакинского нефтепромышленника и мецената Муртазы Мухтар оглы Мухтарова в дар мусульманам города, уроженкой которого была его любимая жена Лиза — дочь генерала Туганова; шиитская мечеть, появившаяся в начале 70-х годов XIX века в связи с прибытием во Владикавказ в поисках заработка большого числа переселенцев из Персии, многие из которых занимались торговлей, работали водовозами, трудились на кирпичных заводах.

Число прибывших во Владикавказ персиян было столь велико, что в 1890-х годах возникла необходимость открыть здесь персидское консульство. Оно находилось в одноэтажном здании на улице Евдокимовской (ныне улица Горького). Внутренний интерьер консульства, весьма искусно выполненный местными художниками, поражал своим восточным колоритом. К большому сожалению, уже в наше время это здание было утрачено.

Здание персидского консульства

Действовало во Владикавказе и персидское училище «Новруз» с общежитием при нем. Причем действовало настолько успешно, что многие персидские сановники, состоявшие при министерстве иностранных дел, отправляли своих детей во Владикавказ для обучения в этой школе. В марте 1908 года «Новруз» посетил директор народных училищ Терской области и остался весьма доволен как постановкой учебного процесса, так и обустройством общежития. В своем докладе он отмечал, что обучение в училище ведется настолько успешно, что ученики успели пройти и усвоить даже то, что входило в курс будущего года, что прибыл новый учитель восточных языков, получивший образование в Лондоне, что приглашен учитель музыки и что, вообще, «дела школы заметно расширяются, и школа привлекает внимание населения».

Как и другие представители разных народов и конфессий, владикавказские персияне старались жить в мире и согласии с окружающими, приходя в трудную минуту на помощь. Так, в марте 1913 года, когда владикавказцы готовились к празднованию 100-летия Осетинской церкви, прихожане которой возбудили ходатайство перед Святым Синодом об отпуске субсидий на реставрацию храма, в числе первых на этот призыв откликнулись персияне — владельцы кирпичных заводов. Они пожертвовали кирпич на устройство ограды вокруг кладбища.

ОСЕТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Столетие Осетинской церкви, или церкви Рождества Пресвятой Богородицы, упомянутое в ходатайстве прихожан перед Святым Синодом, приходилось на 1914 год. А за сто лет до этого, в 1814-м, в осетинском селении Дзауджикау, которое находилось неподалеку от крепости Владикавказ, на возвышении была построена небольшая деревянная церковь, ставшая впоследствии одним из первых православных храмов Владикавказа. В 1861 году на месте деревянной «при живом и деятельном участии» начальника Владикавказского военного округа барона Вревского, князя Святополк-Мирского, генерала Евдокимова, полковника Сперанского, купцов Шилова, Андреева, Щербинина, на пожертвования русского и осетинского офицерства, жителей города и в особенности Осетинской слободки была возведена новая, кирпичная церковь.

Прихожанами Осетинской церкви были люди разных национальностей. С самого начала этот храм являлся и интернациональным,

и объединяющим, как, собственно, и было заведено изначально во Владикавказе. Поэтому неудивительно, что в ходатайстве прихожан церкви Рождества Пресвятой Богородицы перед Святым Синодом об отпуске субсидий на ее реставрацию, составленном в начале 1913 года, упоминается, что в ограде этого храма «похоронены некоторые из героев Кавказской войны, как то: генералы Нестеров, князь Святополк-Мирский, князь Туманов и другие». А также «лучшие общественные деятели осетинского народа: первый из осетин иерей и протоиерей А. Колиев, первый осетинский поэт и писатель К. Хетагуров, переводчик осетинских богослужебных книг протоиерей А. Гатуев и другие».

Когда в марте 1906 года осетинский народ и всю литературную общественность России постигла невосполнимая утрата, в газете «Терские ведомости» (от 21 марта) было помещено сообщение о том, что «19 марта скончался знаменитый осетинский и известный русский поэт Коста Хетагуров». 29 марта около часа дня во Владикавказ был перевезен прах усопшего. На вокзале к этому времени «собралось очень много публики, пожелавшей отдать умершему последний долг». После выноса тела из вагона на площади была отслужена краткая лития, после чего траурная процессия двинулась к Осетинской церкви, где покойного отпевали. «На гроб поэта было положено много венков, в том числе и от редакций и сотрудников местных газет», — сообщали «Терские ведомости».

Поэтом был и настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы Аксо Колиев. Будучи священником, он занимался просветительской деятельностью, редактировал литературу религиозного содержания и переводил на осетинский язык богослужебные книги. В 1862 году на свои средства Колиев открыл при Осетинской церкви трехклассное женское училище.

Известный осетинский миссионер, этнограф, педагог и просветитель протоиерей Алексей Гатуев тоже внес свою весомую лепту в развитие духовной жизни нашего края. Чего стоит одно только его исследование «Христианство в Осетии», вышедшее в 1901 году отдельной книгой. В ней Алексей Гатуев впервые последовательно излагает историю христианства в Алании, начиная с апостольских времен и завершая концом XIX столетия, посвящая при этом отдельные страницы этнографическим вопросам: обрядам и праздникам, традиционному осетинскому календарю.

Надо сказать, что добрые традиции, заложенные теми, кто ушел в мир иной, подхватывали оставшиеся в строю. В 1890 году на территории Осетинской церкви было построено одноэтажное

Осетинская церковь. Современный вид

здание церковно-приходской школы (на ее месте сейчас владикавказская средняя школа № 13). Газета «Терские ведомости» от 6 июня 1891 года писала, что «в осетинской церковно-приходской школе обучается 35 мальчиков и 20 девочек» и что «попечительство над школой приняла на себя генеральша К. В. Шелеметьева, которая успела уже проявить много забот по постановке школы».

Вообще же, справедливости ради следует отметить, что именно Осетинская церковь подготавливала почву для открытия в Осетии духовных учебных заведений. И главным из них стала Ардонская Александровская духовная семинария, именовавшаяся

Ардонская Александровская духовная семинария. Фото нач. XX в.

поначалу Александровским осетинским духовным училищем. Открытая в 1887 году, она готовила церковнослужителей и учителей для осетинских церковно-приходских школ, которых было немало. И священнослужители, и педагоги, которые были хорошо известны как в горной, так и в плоскостной Осетии, в деле просвещения придавали большое значение нравственному образованию простого народа. Ардонская Александровская духовная семинария стала настоящей кузницей осетинской интеллигенции...

12 февраля 1912 года в Осетинской церкви вся служба впервые велась на осетинском языке. (Причиной тому была в том числе и незаконченность перевода на осетинский язык всех богослужбных чинопоследований.) Совершил божественную литургию высокопреосвященнейший Питирим. Как сообщали «Владикавказские епархиальные ведомости», «в этот день в храм собралось все местное осетинское население и все учащиеся в местных учебных заведениях осетинские дети». Церковь, отмечалось далее, не вмещала желающих, многим поэтому пришлось стоять в ограде.

Уже на следующий день во Владикавказе состоялось собрание осетинского духовенства, на котором обсуждался вопрос издания

периодического духовного органа на осетинском языке. А 15 декабря того же года в «Терских ведомостях» появилась информация о том, что епископом Владикавказским Питиримом на днях было исходатайствовано из средств Святейшего Синода 1500 рублей для издания на осетинском языке богослужебных книг, к переводу которых «уже приступила особая комиссия под председательством городского головы Г. В. Баева в составе священников Х. Цомаева, И. Рамонова, М. Коцоева и учителя И. П. Бигаева».

И если во Владикавказе вся служба на осетинском языке впервые прошла только в 1912 году, то в селах Осетии церковная служба нередко полностью велась на родном языке. Причем горским священникам, для того чтобы проповедовать слово Божие, приходилось пробираться пешком в двухаршинном снегу по таким крутизнам, где на каждом шагу грозила опасность быть занесенным снежным завалом, или с угрозой для жизни переправляться через быстротекущие горные реки. Но, несмотря ни на какие трудности, они проповедовали слово Божие не только в храмах, но и в народных собраниях. «Это была небольшая горсть, но горсть людей, сильных духом, пожертвовавших личным благом и счастьем во имя блага и счастья своего народа, не щадивших ни сил своих, ни даже жизни для достижения цели», — писал о плеяде благороднейших из смертных уже упоминавшийся выше известный в ту пору публицист Георгий Цаголов.

ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ ВЛАДИКАВКАЗА, или НАРОД И АРМИЯ ЕДИНЫ

У кого-то из скандинавских писателей, кажется у норвежца Кнута Гамсуна (интересный был беллетрист, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1920 год и... нерукопожатный человек, исповедовавший нацизм), есть описание российского города, который напоминал своим военным профилем Севастополь. Только там царили море и флот, а в этом городе (его автор не называет, но современники сразу же узнали по описанию Владикавказ) — горы и армия.

О том, что «в маленьком Владикавказе стоял непропорционально большой гарнизон», пишет в своих мемуарах «Чему Господь свидетелем меня поставил» и участник Белого движения на Юге России, белоэмигрант, уроженец Владикавказа Лев Сердаковский. «Там, — констатирует он, — была стоянка 81-го пехотного Апшеронского Императрицы Екатерины Второй полка, одного из

славнейших кавказских полков... Там же до конца 19-го столетия стоял и Северский драгунский полк».

И в этом, то есть в военной мощи города на Тереке, где в разное время квартировали полки Тенгинский (улица Тенгинская до сих пор есть в столице Северной Осетии), Апшеронский, Навагинский, Северский драгунский, являясь гарантом мира и спокойствия на вечно неспокойном Кавказе, и заключалась, на мой взгляд, еще одна особенность дореволюционного Владикавказа. Хотя почему заключалась? Та давняя традиция продолжается до сих пор. Ведь местом дислокации самой боевой армии России — 58-й — тоже является наш Владикавказ.

Своеобразными были быт, традиции, дух кавказских полков, была им даже присуща некая военная романтика, которая воспринимается нами сегодня если не как отзвуки потонувшего мира, ушедшего раз и навсегда, то, по крайней мере, как нечто милое, трогательное, доброе и такое далекое.

Какое сердце не дрогнет при чтении, к примеру, удивительных воспоминаний генерала Осипова, доблестного апшеронца и георгиевского кавалера, описавшего совершенно замечательные взаимоотношения апшеронцев и северцев, которые, по утверждению автора, были кунаками (чисто кавказское понятие), то есть боевыми братьями? Когда северцев перевели в Александрополь в Армению, во Владикавказе был отслужен торжественный напутственный молебен, на котором присутствовал «весь Владикавказ». Не было только апшеронцев (ни одного человека), что не могло не вызвать всеобщего недоумения. А когда огорченные этим обстоятельством северцы тронулись походным порядком по Военно-Грузинской дороге, у селения Балта вдруг из-за скал грянули полковой марш северцев и «Ура!» апшеронцев. Разостланные заблаговременно скатерти были заставлены обильной закуской и традиционными кахетинскими винами. Оказывается, апшеронцы бесшумно вышли ночью из города, чтобы подготовить сюрприз и приветствовать своих кунаков прощальной чарой на первом же привале.

А теперь давайте перенесемся на 124 года назад. 25 июня 1900 года в центре Терской области торжественно отмечалось 200-летие Апшеронского полка, ведущего свое «старшинство» с 25 июня 1700 года. В летописи полка было немало героических страниц, о чем свидетельствуют даже не такие, как у всех, алые отвороты сапог апшеронцев, напоминавшие о героическом сражении, произошедшем 1 августа 1759 года при Кунерсдорфе, где апшеронцы бились с пруссаками «по колено в крови».

Апшеронская церковь

Апшеронский полк квартировал во Владикавказе с 1895 по 1914 год, придя на смену знаменитому Тенгинскому полку, в котором, между прочим, служил поручик Михаил Лермонтов. 77-й пехотный Тенгинский полк дислоцировался здесь с 1842 по 1894 год!

А потом появились апшеронцы. Были во Владикавказе и Тенгинская, а позже Апшеронская площадь, и Тенгинская слободка, и апшеронские казармы, и Апшеронская церковь (ныне на месте церкви находится Осетинский драматический театр). Только поначалу церковь эта, как вы уже, наверное, догадались, называлась Тенгинской — во имя Святых Петра и Павла. Когда-то она, сооруженная в середине XIX века солдатами 77-го пехотного Тенгинского полка, была деревянной. А в 1879 году деревянную церковь заменили на каменную (ее строительством занималось военно-инженерное ведомство). Тогда во Владикавказе появился единственный в своем роде красивый пятиглавый храм, обзревавшийся из разных точек города.

Примечательно, что в Апшеронской церкви хранились два памятника древности, которые переведенные во Владикавказ

апшеронцы привезли с собой. Этими святынями были Евангелие с серебряными вызолоченными досками, отпечатанное в 1753 году в царствование императрицы Елизаветы Петровны и весившее пуд (чуть более 16 килограммов), и серебряный вызолоченный крест, сделанный в 1705 году и имевший на рукояти памятную надпись...

Свой 200-летний юбилей апшеронцы отмечали во Владикавказе с размахом. 24 июня вечером состоялась церемония водружения нового знамени, высочайше пожалованного полку, после чего для приглашенных лиц было устроено чаепитие в помещении женской прогимназии. А 25 июня утром преосвященный Владимир отслужил в полковой церкви обедню и молебен, после чего было освящено новое знамя и передано командиру полка. Потом состоялся обед для офицеров, а для нижних чинов — празднование по особой увеселительной программе, которое продолжалось два дня. Завершились торжества вечером 26 июня грандиозным балом в здании женской прогимназии. В числе почетных гостей у апшеронцев был сам генерал-майор Василий Потто — знаменитый военный историк.

Владикавказцы, следует заметить, с особыми любовью и почтением относились к военным, устраивали им торжественные встречи и проводы, были внимательны и безучастны к их нуждам. Так, в марте 1898 года было получено известие, что во Владикавказ из Пятигорска переводится Осетинский конный дивизион (в 1887 году из осетин-новобранцев Терской области был образован особый эскадрон в составе 1-го Сунженско-Владикавказского конного полка Терского казачьего войска, в 1888 году был сформирован второй эскадрон, а в 1891 году оба эскадрона были выделены из полка и соединены в отдельный дивизион, названный Осетинским конным дивизионом). К встрече дивизиона готовились не только городские власти, но и простые горожане.

А годом позже, в начале ноября 1899 года, большим праздником для владикавказцев стало торжественное освящение на площади в ограде Михаило-Архангельского кафедрального собора (сейчас на месте собора напротив нынешнего военного госпиталя многоквартирный жилой дом, который был построен для партийной номенклатуры) штандарта, высочайше пожалованного Осетинскому конному дивизиону. Несмотря на непогоду, горожан по этому торжественному случаю собралось столько, что яблоку было негде упасть. Немало гостей было приглашено обществом офицеров дивизиона во Владикавказское общественное собрание на торжественный обед, где «особой теплотой и задушевностью от-

Михаило-Архангельский кафедральный собор

личались многочисленные тосты за процветание Осетинского дивизиона, который за свое кратковременное существование сначала в виде особой сотни казачьего полка, затем в виде отдельной части успел показать себя лихим воякой и добрым товарищем остального русского воинства».

Надо сказать, что и военные живо откликались на то, что происходило во Владикавказе, и готовы были всегда, если потребуется, к добротворчеству. Так, тенгинцы оставили о себе добрую память, заложив на месте пустыря, заросшего бурьяном и кустарниками, Нестеровский бульвар, который после посещения в 1871 году

Ерофеевский парк. Открытие «Трека». 1893 г.

нашего города императором Александром II был переименован в Александровский проспект (ныне проспект Мира). Нижние чины 81-го пехотного Апшеронского полка принимали самое активное участие в строительстве нового деревянного моста через реку Терек, завершившемся в декабре 1900 года. Оркестр музыки Апшеронского полка (был у апшеронцев свой оркестр, и именно так он назывался) приглашался для игры на клубных танцевальных вечерах, а раз в неделю летом для игры в городском саду с 21 до 24 часов. И таких примеров, подтверждающих, что народ и армия едины, можно привести множество. Я же приведу еще только один, а почему — вы скоро сами поймете.

В марте 1898 года вышло распоряжение начальника штаба 21-й пехотной дивизии Михаила Ерофеева, согласно которому площадка перед зданием штаба дивизии вокруг памятника Архипу Осипову должна была быть текущей весной превращена в благоустроенный сквер.

Заниматься благоустройством города для Михаила Родионовича было не в новинку. Это он является основателем нашего городского парка, в ту пору так называемого «Трека» — одного из красивейших парков на Северном Кавказе. Это Ерофеев стал организатором владикавказского общества любителей велосипедного спорта. Это по его инициативе при участии группы единомышлен-

ников и нижних чинов 21-й пехотной дивизии была очищена от мусора для трека нижняя часть нашего городского парка (верхняя часть, именовавшаяся «Mon plaisir», что в переводе с французского означает «мое удовольствие», уже существовала), были проложены дорожки, установлены скамейки, посажены деревья и кустарники, разбиты цветники, появились беседка, маленькое озеро с двумя лодочками, были сооружены детская площадка, помещения для стрельбы, оранжереи. Спустя время «Трек» представлял собой нечто восхитительное: прекрасные тенистые аллеи, засаженные хвойными и декоративными деревьями, чудесные цветники, пруды для катания на лодках, в зеркальной глади которых отражались плавающие там же лебеди и гуси, а на островах обитали разные зверьки. Музыкальные раковины, площадки для детских игр с гимнастическими приспособлениями, карусели — все это было предназначено для отдыха горожан. Владикавказский «Трек» прославился своим благоустройством далеко за пределами Терской области. В книге его посетителей, которая была специально заведена для записей посещений туристов, констатировалось, что подобный по красоте уголок редко можно встретить во всей Европе. Это отмечали туристы из Германии, Италии, Швейцарии, а владикавказец, беседуя с приезжим, непременно задавал ему вопрос: «А были ли вы на “Треке”?»

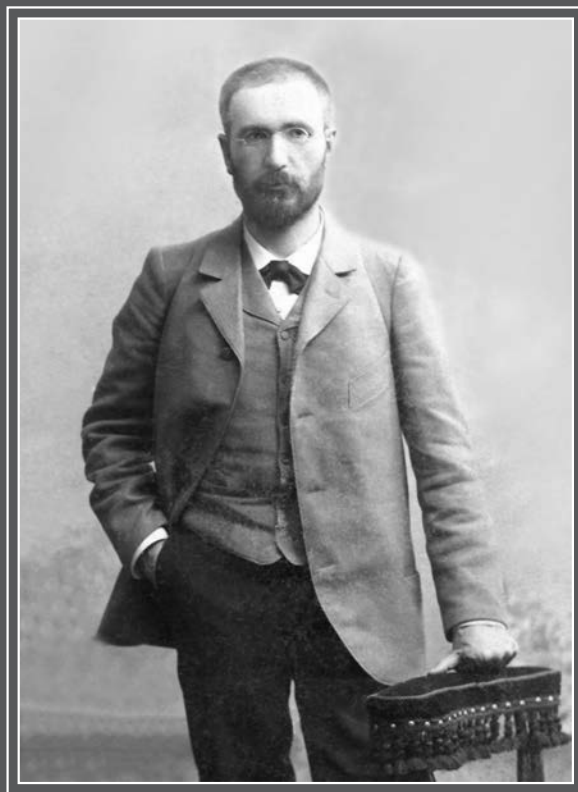
Однако Ерофеев на этом не останавливался. Согласно его мартовскому распоряжению за 1898 год, предполагалось перед главным подъездом здания штаба дивизии рядом с памятником Архипу Осипову изобразить герб империи из ковровых цветов, по сторонам разбить зеленые газоны и поставить живую изгородь из боярышника. И это начальник штаба 21-й пехотной дивизии считал весьма важным. Но почему?

Окончание следует.

Саукудз ТХОСТОВ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ИРОНА

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

Саукудз Тхостов. Санкт-Петербург
(после 1898 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2022 году во Владикавказе вышли в свет «Путевые очерки Ирона» — собрание трудов Саукудза Цораявича Тхостова, педагога, писателя и общественного деятеля Осетии начала XX века. Сборник подготовлен к печати Институтом истории и археологии РСО-Алания к 110-летию первой публикации «Путевых очерков Ирона». Саукудз Тхостов оставил интересное литературное наследие, включающее путевые записки, работы по краеведению, записи осетинских песен, преданий и сказок, воспоминания о Коста Хетагурове и др.

Имя писателя Саукудза Тхостова, как представляется, сегодня все еще недостаточно известно в Осетии. Это и понятно — труды С. Тхостова более века не переиздавались, его имя и вклад в развитие национальной культуры или замалчивались, или оценивались тенденциозно. В печати появлялись лишь редкие упоминания о нем.

Саукудз Тхостов был многогранной личностью. По образованию инженер, он был путешественником, педагогом, писателем, собирателем фольклора. С. Тхостов мечтал отправиться в кругосветное путешествие, но смог осуществить только часть этого грандиозного плана, судя по всему в 1898 или 1899 году, и проехал по маршруту «южными морями — Черным, Средиземным, Красным, Индийским океаном, через Цейлон, Сингапур, Японию, Владивосток и оттуда в Маньчжурию...».

Его впечатления от морского путешествия, совершенного на пароходе «Воронеж», из Одессы во Владивосток легли в основу книги «Путевые очерки

Ирона», которая была издана в 1912 году во Владикавказе в одиннадцати брошюрах. Одна из брошюр посвящена Финляндии, где С. Тхостов побывал в середине 1890-х годов, до морского путешествия. Часть суммы, вырученной от продажи этого издания, автор передал Осетинскому издательскому обществу «Ир» и в фонд поддержки учащейся молодежи.

Отношение Саукудза Тхостова к родине, к просвещению своего народа и развитию национальной культуры было глубоко жертвенным, подвижническим. Неслучайно он взял себе псевдоним Ирон (Осетин). Этим именем подписаны некоторые статьи С. Тхостова в дореволюционной периодике, оно же присутствует и в названии автобиографической книги «Путевые очерки Ирона».

Саукудз Тхостов родился 16 июня 1870 года в селении Тулатово (ныне г. Беслан) Владикавказского округа Терской области, куда в середине XIX века его предки переселились из высокогорного селения Даргавс. Тхостовы, принадлежавшие к высшему сословию (осет. *tæggiatæ*), согласно этногонической традиции, ведут свое происхождение от легендарного предка Тага. Своего отца Цора Темуркоевича Тхостова Саукудз лишился в раннем детстве, мать Фердоуз Цыцыевна Есиева ушла из жизни, когда ему было около девяти лет. Воспитывался он в семье дяди по отцовской линии.

В середине 1880-х годов Саукудз Тхостов был принят на казенный счет в Ставропольскую гимназию. Во время учебы в гимназии он «впервые понял безграничное значение образования», увлекся классической литературой. Одним из его любимых героев стал Аристид Справедливый (ок. 540 — ок. 467 гг. до н. э.): «Я старался подражать идеальной правдивости Аристиды, не любившего врать даже в шутку... каковое обстоятельство не позволяло мне прибегать к широко применявшемуся пользованию шаргалками».

После окончания гимназии Саукудз Тхостов, кое-как собрав деньги в долг на дорогу, уехал в Петербург, где в 1894 году поступил в институт инженеров путей сообщения. Он начал карьеру инженера в акционерном обществе «Рязанско-Уральская железная дорога». Это была престижнейшая профессия того времени в России, охваченной бурным железнодорожным строительством, и позволяла ему вести обеспеченную жизнь. Но Саукудз Тхостов избрал иной путь, о чем он пишет в своей автобиографии: «Я бесповоротно решил свою судьбу: там, там в народе, на родине мое место. Я должен сделаться учителем, и учителем народным. Вот для чего нужно и образование, и инженерство, и средства. И

я дал себе Аннибалову клятву: “Ни карьера, ни забота о гнезде, ни женитьба — пока не выполню долга перед народом на этом поприще”... Я стал <...> рисовать в воображении соблазнительные картины своей будущей просветительной деятельности на своем “погибельном Кавказе”...»

И вот в 1900 году С. Тхостов возвращается в Осетию, 11 июля подает прошение директору народных училищ Терской области о зачислении его в штат сельским учителем. В начале декабря 1900 года он был назначен заведующим Нижне-Наурским сельским приходским училищем в Чечне и проработал здесь несколько месяцев. Несмотря на недоверчивое сначала и даже враждебное отношение к нему местного населения, ему вскоре удалось завоевать авторитет у сельских жителей, и уроки русского языка в школе стали посещать не только дети, но и взрослые, и даже представители духовенства.

Летом 1901 года Саукудз Тхостов возвращается в Беслан. Он становится одним из лидеров общественного движения начала 1900-х годов в Осетии за развитие светского образования и открытие школ Министерства народного просвещения вместе с известными педагогами Г. Б. Дзасоховым, М. К. Гардановым и Х. А. Уруймаговым. В начале 1900-х годов С. Тхостов добился открытия в родном Беслане первой светской школы. Об этом времени он позднее вспоминал: «Здесь после долгой и упорной борьбы с представителями низшей администрации, духовенства и всяких сословий мне удалось построить и устроить по своему плану, на облюбованном мною месте образцовую школу, где я проучительствовал в качестве заведующего около четырех лет». В 1903 году на страницах Тифлисской газеты «Кавказ» (№ 301) о С. Тхостове говорилось как об одном из представителей интеллигенции, которые способствуют успехам в развитии просвещения в Осетии.

Его просветительская деятельность неоднозначно оценивалась местными властями. Они устраивали судебные разбирательства, чинили всевозможные преграды и создавали немало трудностей. В результате Саукудзу Тхостову пришлось оставить работу учителя, но он продолжил свою деятельность в Попечительских советах Тулатовского сельского приходского училища и двухклассного сельского училища.

С. Тхостов много лет состоял в Обществе распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, был членом его правления (1912–1915). Будучи в свое время и сам стипендиатом Общества, Саукудз Тхостов один из немногих вернул в 1905 году денежные средства, выделенные на его

образование. По приглашению Осетинского издательского общества «Ир» он выступал с лекциями и беседами в различных селах Осетии.

Нужно сказать и о том, что С. Тхостов был другом и соратником известного в Осетии народного учителя, писателя и фольклориста Цоцко Амбалова. Вместе с единомышленниками они организовали I Всеосетинский учительский съезд (1917) и объединение «Круг Коста» (1918). Во время Гражданской войны Саукудз Тхостов был одним из инициаторов проведения с 1917 по 1920 год съездов осетинского народа и активно участвовал в их работе.

Большую роль в судьбе Саукудза Тхостова сыграл великий осетинский поэт, художник и общественный деятель Коста Хетагуров. Встречи и беседы с ним в 1890-х годах в Ставрополе, Осетии, а также в Петербурге, совместные посещения Академии художеств и столичных художественных выставок открыли Саукудзу, в то

Саукудз Тхостов и Цоцко Амбалов. Ленинград
(между 1925 и 1932 гг.)

время петербургскому студенту, новый для него мир живописи, заставили задуматься и о просвещении своих соотечественников. В память о Коста Хетагурове С. Тхостов посетил в 1915–1916 годах родину великого поэта — высокогорное селение Нар, сделал фотосъемку дома и усадьбы, где прошли детские годы поэта. Тогда же он организовал в Наре скачки памяти Коста Хетагурова по осетинскому обычаю.

О личной жизни С. Тхостова имеются весьма скудные сведения. В начале 1900-х он женился на Фатиме Битаевне Шанаевой (?–1918). У них родились дети: сын Мурат (04.09.1905–?), будущий летчик, прославившийся своими подвигами в Великой Отечественной войне, и дочь Тамара (1908?–?). После смерти Ф. Б. Шанаевой он вступил в брак с Дземуркой Гуриевой.

В 1941 году Саукудз Цораевич Тхостов ушел из жизни. Похоронили его в родном селении на старом бесланском кладбище, где покоятся его предки.

Саукудз Тхостов внес значительный вклад в просвещение Осетии, развитие национальной культуры, сохранение ее политического единства в период катастроф начала XX века. Литературное наследие С. Тхостова сравнительно невелико, но его путевые очерки, записи осетинского фольклора, труды по краеведению, воспоминания о великом поэте Коста Хетагурове, автобиографические заметки и др. и сегодня читаются с интересом. Имя Саукудза Тхостова, подвижнически служившего развитию культуры своего народа, безусловно, займет достойное место в истории осетинской интеллигенции XX века.

В этом номере журнала публикуются фрагменты из «Путевых очерков Ирона», которые дают некоторое представление о самообытном и ярком литературном таланте Саукудза Тхостова и, надемся, будут интересны читателю.

Фатима Хадонова

* * *

И вот мы на просторе Черного моря. Как букашки, спущенные на щепке в воду, забежали мы кругом у бортов: нет ли, не видно ли где еще земли; земли, которую до того никто не замечал, не удостоивал своим вниманием.

Печатается по изданию: Тхостов С. Ц. Путевые очерки Ирона / Ин-т ист. и арх. РСО-Алания; сост. Ф. Х. Хадонова, К. Б. Мамсурова; предисл., коммент. Ф. Х. Хадоновой; отв. ред. Р. С. Бзаров. — Владикавказ: ИПП им. Гассиева, 2022.

Все притихли. Быть может, это единственный момент в жизни многих пассажиров, когда человек впервые остается один с самим собой, когда он оторван от прошлого — людей близких, дальних, обстановок и даже привычек, и когда еще не приобщился к будущему.

Трудно дать отчет в своей жизни, находясь в привычных, порою созданных собою же рамках, пока какое-нибудь обстоятельство не вытолкает и не даст возможность посмотреть на все со стороны. И в дороге, как сейчас, потому легче обозревать и прошлое, и будущее, что находишься вне сферы их влияния, забот, интересов, тревог. Это, так сказать, нейтральная территория, наилучший наблюдательный пункт, откуда можно с наименьшею постороннею окраскою обозреть, оценить прошлое, наметить вехи, поле деятельности в будущем. Это единственный и самый удобный момент почувствовать, узнать свои желания, симпатии и даже мотивы своих решений. И всех охватывает этот психологический момент.

Все, кто где стоял на корме, там и свесил «головушку буйную» за борт, оттуда и устремился думушкой и взором в морскую пучину...

И понеслись эти думушки, мысли не вперед, а назад, в родной аул, к родным горам, родным лицам...

Прощай, родина! А может быть, и навеки...

Передо мной встали как бы новые серьезные вопросы: зачем? куда?.. Предо мной встал чуждый, незнакомый «я» и много мне подобных, рослых, сильных, блестящих...

Мне вспомнились стихи поэта: «Подзовем-ка их да расспросим: как дошли вы до жизни такой...» И я начал читать в быстро несущихся складках убежавших волн моря:

Затратив последние копейки близких и дальних, суля надежды каждому из них, вы вышли на вольную дорогу. Скольких горячих молитв, ягнят, пиров и пирушек с бесчисленными приношениями натурой дзуарам небесным и дзуарам земным стоили все ваши шаги по лестнице к величию тем, которые в грязь и холод тащили на базар свою арбу сена, плетушку кукурузы, вязанку «сухих» дров, чтобы вырученные гроши вручить тебе с любовью на «дорогу»...

И ты вышел на эту дорогу: ты сделался правителем народа, блюстителем его интересов, сделался блестящим офицером, подшил зеленую подкладку инженера, достиг степени кандидата прав, доктора медицины и в десять раз больших степеней...

Но уменьшились ли от этого истинные бичи народа? Объяснил ли ты хоть одному его права и обязанности пред законом — как

отца, как члена общины, гражданина, как человека? Многие ли знают в селах даже о существовании «аульного положения», этого наилучшего из даров для сельчан? Много ли дорог проведено зеленоподкладочниками в родных их горах, где их братья и отцы большую часть года бывают отрезаны от всего мира и из поколения в поколение, согбенные, даже за питьевой водой на мельничку должны спускаться чуть не на четвереньках по козым тропинкам через валуны и пропасти?

Блестящий офицер оценил ли сам, потребовал ли признания, заявил ли где нужно открыто, громко, бескорыстно о кровавых жертвах и беззаветной храбрости своих собратьев на поле брани за царя, за честь, за общее отечество?

Врач, доктор медицины способствовал ли освобождению от одного хоть недуга населения, которое, напротив, под их благословением обрело новые и неведомые до того бичи рода человеческого — сифилис, чахотку и простудные болезни?

Кандидат прав способствовал ли искоренению воровства, взяточничества, сутяжничества, калыма, мести, поминоков и других вредных суеверий и обычаев?

Агроном ввел ли хоть одно культурное начинание, порядок пользования землею, лесом, сельским хозяйством?

Вы все вместе научили ли кого честному труду, взаимной любви, солидарности, твердости и стойкости, служению долгу, самоуправлению?

Вы все постояли ли за права своих братьев, за права свои на родную речь, землю, лес, горы, за право жить более разумно, красиво и счастливо?

Нет, ничего подобного ты не сделал и не пытался искренно сделать. Близкие и нравственные кредиторы твои только и видели тебя пред последним экзаменом, удачным оборотом, сделкой с совестью, рычагом твоей личной жизни...

С накопленным знанием, силой, красотой ты облекся в непроницаемую броню мишурного величия и, как преступник, бежал ты из родного края, бежал оттуда, где имели право на их использование, туда, где слаже пилося, вкуснее елось, мягче спалось, где больше потакали твоим страстям и где без зазрения совести можно было расточать награбленное, похищенное...

Ты лучшие годы ума и энергии проводил далеко от родных, родины. И только почувствовав слабость старости, оскудение награбленных сокровищ ума и сердца, когда ни там и нигде уже никому не нужен, когда уже почувствуешь холод могилы, — привезешь ты старые кости близким, чтобы торжественно их хоронили

тобой же обкраденные бедняки, чтобы тризну большую совершили со скачками и всеми атрибутами язычества.

И доживая остаток дней своих в ленивой, льстивой, изолгавшейся, продажной, развращенной тобой же среде, ты, завидуя и подражая кричащим и жаждущим популярности «вершителям судеб народа», с бесстрашием вталкиваешься в те же руководители народа, потребностей, жизни, интересов, чаяний которого ты знаешь так же мало, как и интересовался ими...

Не оказав положительного влияния на судьбу народа, вы вкупе были злыми гениями его. И чтобы оправдать свой преступный образ действий, ты, блюститель внешнего порядка, артист замаскировывания, все свои злостворения взваливаешь на головы отдельных обществ: то куртатинцев, алагирцев, студентов, ингушей, чеченцев, христиан, мусульман, алдар, — и самодовольно ухмыляешься и утешаешь других, что вот там появился самовар, школа, сельский банк (в сущности, одни только пародии), здесь Осетия опередила ингушей и мчится теперь на всех парах по пути культуры, прогресса...

Это та Осетия, где нет еще родной азбуки, начальной книжки, сносных дорог, своей истории, традиции третируются, где два человека если и повстречаются, — не могут пару слов сказать без притворства, без опаски предательства. Эх! Пропать, пропать кругом!..

На море, действительно, была уже пучина. Разошелся сильнее и сильнее гигантский винт, образуя водовороты и пенистые водопады. Белая, широкая, волнующаяся река выбегала из-под парохода и между водяными берегами мчалась назад.

«Воронеж» мерно, энергично шел вперед, но куда — это знал только капитан.

* * *

Удивительно, одиночество в незнакомом городе не менее, оказывается, ощутительно, порой и страшнее, чем одиночество в пустыне. Но мне все же приятно было окунуться, отдать себя хоть на время этим живым волнам улицы Стамбула.

Мне так хотелось все посмотреть, оббегать, что равнодушие, усталость моих товарищей, трата времени в роскошных ресторанах, ароматичных кофейнях, частые остановки за покупками турецких сигарет начали меня раздражать.

Наменяв еще русские монеты на турецкие, я протискался опять к «Новому мосту», и когда передо мной предстал мостовой страж,

я развернул перед ним целую горсть турецких монет. Он выбрал монету «металлик» (2½ коп.) за проход через мост.

Только теперь я заметил, что значительно выгоднее быть одному в подобных случаях, чем не только с плохим товарищем, но даже с гидом. Когда один, без этих нянек-проводников, сильнее замечаешь все новое, необычное, испытываешь чувство, похожее на то, когда решаешь интересную задачу.

Только теперь я заметил, что в Константинополе говорят почти на всех языках и очень немногие понимают по-русски. Только теперь заметил это обилие собак, которое мне до того казалось клевею. Все время надо было смотреть под ноги, чтобы не задавить какую-нибудь из них — тощих, с опущенной головой и отвислым хвостом, полинялых, запыленных, медленно перебирающих ногами под экипажами, лошадьми и даже между вашими ногами, если этим сокращается ее путь, и до невероятности спокойных, смиренных, не кусающих. Это точно стадо свиней, пущенных на пастбу.

По усвоенной в дороге привычке (туриста) глазеть на все интересное, бросающееся в глаза я засмотрелся на магазины с восточными и не восточными коврами и вдруг чувствую мягкий прут под ногой. Не успев сообразить, что наступил на хвост собаки, я как ужаленный перескакиваю через нее и — о ужас! — спотыкаюсь о другую собаку. Лавочники-французы, немцы или армяне засмеялись, а они хоть бы что! — продолжали лежать на середине тротуара.

Хотя собаки и «санитары Константинополя», но все же большое неудобство от них для приезжающей публики. Для местных же обывателей они, видимо, не составляют большого неудобства, не мозолят глаза. И лошади, и публика — турецкая и не турецкая — по-видимому, считают это в порядке вещей и обходят лежащую собаку так же, как необходимо обойти угол, столб, тумбу на улице. Даже я, когда, оглянувшись на раздавленный хвост, заметил, что обладательница его далека от каких бы то ни было протестов, сам почувствовал жалость и некоторое уважение к ней и уже затем больше смотрел под ноги, чем на турецкие магазины.

Впрочем, из-за магазинов-то трудно поручиться, чтобы они были чисто турецкие. Вот уж подлинно волшебный город, замок, где гости веселятся, шумят, а хозяев не видать, их будто и нет. Тут есть все: и французы с француженками, и немцы с немками, англичане с англичанками, и греки, и армяне, и арабы, и представители Балканского и не Балканского полуостровов, островов, материков; не видать только турка. Разве мимо проедет чиновник, офицер в турецкой форме неизвестной национальности, впереди патрули — тоже неизвестной национальности.

Впрочем, они сами, вероятно, должны караулить, охранять входы, выходы по всем этим Босфорам, фонарям... А мышки давно уже перевернули вверх дном в амбарах заснувшего на часах турка. Ну, точь-в-точь как в басне Крылова: «...крысы хвост у нее отъели, а щука, чуть жива, лежит, разинув рот...»

Но вот и оружейный магазин. Захожу. Меня встречают турецкими поклонами и английской речью. Важно думаю.

Оказывается, магазин то был английским и говорили в нем только по-английски, по-немецки и по-французски. Я долго говорил, больше, конечно, мимикой, руками, но револьвера все же не купил. Имей еще несколько таких упражнений, скоро уже можно было бы понимать.

Направился дальше к набережной. Вот и фески выставлены. Захожу. «Уж этот, наверное, турок, продавец национальной фески!» Не тут-то было: продавец оказался греком, и греком таким, который уже ни по-французски, ни по-английски, ни по-русски ни аза. Тем не менее я выбрал хорошую темно-красную феску. Не пойму только, сколько он просит на турецкие деньги. Наконец он догадывается и бежит «позвать знающего по-русски». Приходит плотный, бритый, с поседевшими усами, в коротеньком пиджаке — Хасан.

По живым глазам, гортанным звукам, нависшим бровям, проворным движениям и другим неуловимым признакам нетрудно было угадать в нем представителя адыгейского племени. Он не менее меня обрадовался, когда узнал, что я из дорогой его родины, Кавказа. Аж слезы навернулись у него на глазах. Но увы, мы хотя и запыхали взаимной симпатией, не понимали ни одного слова из наречий один другого.

Возбужденный, как мальчик, он побежал звать третьего, который уже несомненно должен был говорить по-русски.

Немного погодя он возвращается с высоким худощавым полутурком в барашковой шапке, пальто, брюках навыпуск и с зонтом в руке.

«Князь Г-ко», — отрекомендовался черкес.

О феске мы, разумеется, забыли и, к удивлению грека, с участием, как давно не видавшиеся братья, забросали друг друга вопросами.

С какой тоской он расспрашивал о родном Кавказе, с какой горечью вспоминал о перипетиях своего переселения, жестокости междуправительственной политики! Какие трогательно трагические положения и картины ему вспоминались из роковой ошибки выселения горцев с Кавказа!

Что там изгнание мавров из Испании, истребление индейцев, вандализм в сравнении с ужасами массовой гибели в волнах Черного моря красы кавказских народностей?! И бывшему кабардинскому князю даже при худших обстоятельствах на той родине жилось бы теперь легче, чем здесь, где у него нет ничего общего, кроме религии... Жизнь турецкого города не гармонировала ни с его любовью к свободе, ни патриархальной простотой, ни характером, ни нравом, ни обычаями...

Не приобщенный ни к одному из культурных звеньев городской жизни, роду занятий, без надлежащей практической и умственной дисциплины он здесь лишен был возможности войти в какую бы то ни было категорию людей, даже уличного пролетариата. Это был последний из могижан... увы... со знаменем вырождения на гордом челе.

Такое впечатление произвел князь кавказский в Стамбуле.

Какое впечатление могли произвести простые кабардинцы, черкесы, осетины... после ряда катастроф, не стоит и говорить. Великое отчаяние, безнадежное разочарование, раскаяние было написано на лицах этих кавказских Прометеев, теперь жалких мучеников Стамбула...

И это говорило в них все, начиная с длинной вытянувшейся шеи князя Г-ко и кончая старыми, выцветшими туфлями чуть не с чужих ног на голых ступнях Хасана.

Тем не менее нам, землякам, после роковых катастроф приятно было встретиться на чужбине. Мы зашли в кофейню к беззубому мешеди, такому же выходцу из Казани, и там вдоволь наговорились, как друзья, родные, которые многое понимают из недосказанного и даже совершенно невысказанного. На прощание они, разумеется, не очень протестовали, когда я, хотя и их гость, стал расплачиваться за кофе.

Купив все же феску у грека за 3 франка, я пошел опять бродить между разношерстной толпой, отыскивая глазами между шляпами, фесками родную барашковую шапку, наиболее прочную примету, с которой, оказывается, неохотно расстается наш брат кавказец на чужбине.

* * *

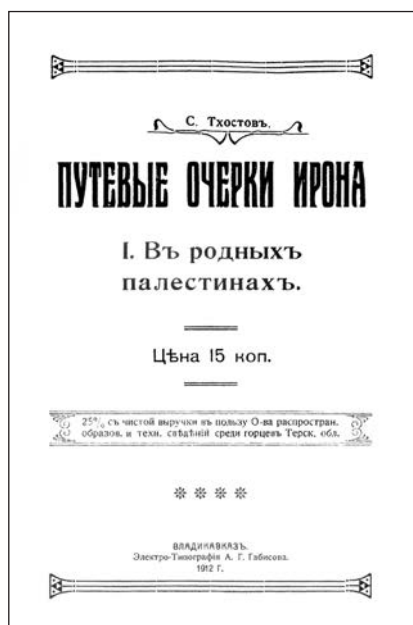
Из народностей России я финляндцам наиболее симпатизировал, и это, мне кажется, происходило оттого, во-первых, что есть что-то общее в исторических судьбах финляндцев и моих соплеменников вообще, а во-вторых, что я всегда любил ту трезвость,

умеренность, не бьющую на эффект скромность, ту приятную аккуратность, честность и трудолюбие, которыми характеризуют финляндца. Я тщетно желал пожить среди них, тщетно пытался хоть по учебникам выучиться их языку. Поэтому нетрудно представить, как я отнесся к возможности пожить не в колонии уже, а в стране природных северян, в Финляндии...

Уложить, привести в порядок небольшой мой багаж было делом какого-нибудь часа, и я уже ехал на финляндский вокзал в Петербурге. Дурное расположение духа и треск о каменную мостовую не помешали мыслям залететь вперед, далеко в будущее: меня интересовали и люди, и природа будущего местожительства. Финляндию

я представлял далеко не такую прекрасною, благоустроенною страной, какою она оказалась и есть в действительности. По отрывочным сведениям географии и всяких поверхностных описаний я составил в воображении картину бедной, угрюмо-туманной гористой местности. Отшлифованные будто бы доисторическими льдами камни да голые грязноватые горы над туманными озерами характеризовали страну с грубым, некрасивым, бедным населением. Мне казалось, что солнце никогда или очень редко восходит над этой страной, что из груди финляндца никогда не вырвалось звука радости, что...

Извозчик остановился уже у финляндского вокзала. Ровно час оставался до отхода поезда. На станции царил тишина, не свойственная вообще железнодорожным станциям. (Добрый И. Ц., весь мокрый, пришел меня провожать, несмотря на то, что через час сам должен был идти на экзамен.) Сосредоточенное выражение лиц, спокойное движение плотных, здоровых, красных, бритых железнодорожных служащих сразу показали, что я уже в стране аккуратных немцев, что они здесь главные хозяева. Перед

Обложка первого издания книги
«Путевые очерки Ирона».
Владикавказ, 1912 г.

самым звонком я распрощался с Ин., познакомился с одним петербургским чиновником, который по газетному объявлению ехал пансионером в тот же самый дом, куда и я. Наконец поезд тронулся. Дождь продолжал накрапывать. Я оставался на платформе. Окрестности Петербурга в этой части не представляют ничего особенного, замечательного. Те же болота, покрытые то хвойными лесами, то манящею зеленью всяких растений сырых мест. Порой они сменяются невысокими холмами и возвышениями, на которых непременно красуются дачные постройки.

Станция «Териоки» находится приблизительно на половине пути между Петербургом и Выборгом. Во время получасовой остановки здесь поезда производится таможенный осмотр багажа пассажиров. В особом отделении вокзала расставляются по лавкам вещи пассажиров, из которых каждый показывает свой чемодан, сундук или что есть. Особенно, говорят, преследуется здесь сахар, чай и вообще продукты обыденной жизни, на которые наложена большая пошлина.

Мы понеслись опять. Торфяное поле покрывалось то редким мелким лесом, то сплошною массою тростника и камыша, то кустами ягелей и низкорастущих трав. Среди угрюмой картины одно только и утешало, одно ободряло: везде виден был след рук человеческих, везде борьба с грозною силою природы и везде следы торжества ума. Глядя на эти расчищенные, будто расчесанные, лесные пространства с прямыми длинными просеками, любясь обширными засеянными полями с идущими вдоль и поперек осушительными каналами, любясь цветущими лугами, силою ума и упорным трудом выдвинутыми из-под воды и выхваченными у моря, наконец, дивясь и самой этой возможности нестись в сообществе сотен чужестранцев птицей на чугунке по топким болотам, торфяным площадям, невольно преклоняешься пред железною волей, неутомимым терпением аборигенов страны.

Но как там ни говорят, все же великое дело «природа». Недаром младенчествовавшее человечество боготворило ее законы, мыслители современные сводят к ней начало и конец всего существующего. И каковы бы ни были победы человека над природой, она делает его таким, каким он есть, она создает племена, она создает государства, культуру и всякое развитие, она горячит кровь южанина, леденит — северянина. Она вдохновила и финляндца на упорный труд с собой. И он совершил чудеса. Если не вся Финляндия, то, по крайней мере, места, по которым пришлось проезжать, представляют из себя сплошной парк, сад без плодовых

деревьев — с прекрасными дорогами и дорожками, с чистыми озерами, с живописными дачами на их берегах. Здесь не только воспользовались наилучшим образом дарами природы, но изменили последнюю для новых и лучших даров... Не могу сказать, чтобы народ кавказский вообще был не способен к труду, но если бы в некоторых, бедных в настоящее время, уголках родного юга было приложено столько труда, не говоря уже о знании, к обработке земли, то эти уголки играли бы роль целых краев бесплодного севера в культурно-экономической жизни государства...

Продолжительный свисток паровоза известил нас о благополучном приезде на Выборгский вокзал. Интерес и частое посещение Выборга дали мне возможность познакомиться поближе с этой «второй столицей Финляндии».

Выборг, отстоящий от С.-Петербурга в 120 верстах, основан в 1293 году шведским маршалом Торкелем Кнутсоном с целью утвердиться в стране карелов и довершить завоевание Финляндии.

Как важный стратегический пункт город Выборг обратил на себя внимание русских и сделался местом ожесточенной борьбы их со шведами. Только в 1710 году, после продолжительной осады с моря и суши, крепость, не выдержав сильного натиска со стороны русских войск, явившихся под начальством Петра Великого, сдалась на капитуляцию.

В Ништадте шведские уполномоченные, соглашаясь на уступку Лифляндии, сильно отстаивали Выборг: «Этот город — ключ Финляндии, — говорили они. — Если он останется за Россией, то вся Финляндия всегда будет в воле Царского Величества. Мы готовы дать всякое ручательство в безопасности России со стороны Выборга; обяжемся не держать более 400 человек гарнизона, выхлопочем гарантии других держав, но города уступить не можем...»

Но Великий герой Полтавы стал на гранитный берег Выборгского залива и сказал: «Отныне сие есть русское!»

Шведы уступили настойчивым требованиям победителей, и Выборг был присоединен к России.

Недалеко от крепости, на берегу Сайменского канала, и теперь еще указывают гранитную глыбу «Казак-камень», обсаженную и убранную деревьями, на которую первый взвошел Великий завоеватель, водрузил знамя и торжественно сказал слова, неизгладимыми буквами начертанные и теперь на ней...

Это есть центр, самый важный, хотя и не самый многолюдный пункт города; последний больше тянется к югу от него по Выборгскому заливу. По Сайменскому же каналу раскинулось дачное поселение.

Рассыпанный на холмистом побережье залива, Выборг не произвел на меня особенного впечатления, не очаровал и не разочаровал. По преобладающему белому цвету большинства деревянных домов на таком же фоне песчаного берега, по узким подчас улицам со старинными замками и маленькими площадями и вообще по внешней физиономии он более походит на южный, чем на северный город.

Тишина и в наиболее оживленных его центрах, непринужденное спокойствие жителей, необыкновенная чистота даже летом, когда над первопрестольными столицами висит непроницаемое облако пыли всяких испарений, отрадно действуют на приезжего.

Красивые чистенькие дома с прилегающими к некоторым из них жиденькими садами, обилие вод со всех почти сторон, совершенное отсутствие в городе пьяных, нищих и всяких неприличных уличных сцен делают город даже милым, характеризуя до некоторой степени нрав и характер финнов и шведов, представляющих коренных и большинство населения Выборга.

И этот финн, оказывается, глубоко, хорошо понял жизнь. Во многом обиженный природой, он, однако, жизнь свою поставил и оставил так, как она редко где стоит в благословенных странах.

Если основой благосостояния государство должно ставить жизнь, «положение низшего и среднего класса» и вообще массы его, то она в Выборге и во всей Финляндии достойна не только внимания, но и подражания. Достаточно того, что в Финляндии наряду с сословным разделением нет уже зависимостей. Там давно не помнят уже о рабстве. Народное самосознание там готово перейти уже в гордость. И иностранцы, не исключая русских, не только не пользовались авторитетом, но и симпатией. Последний беднейший крестьянин дорожит здесь честью, с достоинством и с оружием в руках отстаивает свое право...

И расположение города, и остатки седой старины в нем — все говорит за практический ум и геройство отдаленных предков аборигенов.

Остатки разрушенных городских стен и укреплений, подземных ходов, ворот в окрестностях крепости и города свидетельствуют и о важности, и о былом могуществе Выборга.

* * *

Острова голые, безжизненные, один за другим вырастают то там, то сям. А вот и целая группа их живописно разбросана на гладкой поверхности синего моря. Это настоящий Архипелаг.

Белопарусные лодки, издали похожие на крылья чайки, медленно, сонно скользят у берегов и между островами.

А море здесь еще синее, еще краше, чем в Босфоре. Синева, лазурность его увеличивается до невиданной степени. Это уже не подсиненная вода, а сама берлинская лазурь, густая, прозрачная. И только винт белит, пенит ее наверху, а внизу она окрашивается в зеленый, серый и во все переходящие цвета от белого до голубого.

Какая причина этой синевы? Отражение ли это голубого южного неба, присутствие ли в воде солей?... А может быть, и то, и другое, и третье тому причиной; но в такой комбинации, в какой их нет в других местах, за исключением северных заливов Средиземного моря...

Нам все чаще и чаще стала попадаться другая краса подтропических морей — морская чайка. Это единственно живые существа над водною поверхностью больших морей. Как милиционеры, конвойцы, гарцующие вокруг мчащегося парохода, они аккуратно, неотступно провожают пароход до следующего острова, поста, где уже кончаются их владения, и они поворачивают назад, а вас поручают другим, свежим джигитам. Это продолжается с раннего утра и до вечера. Одни и те же чайки пролетают за парходом целые сотни верст, вероятно отыскивая его по белому следу на море.

Пассажиры любят на них, привязываются к некоторым из них, более проворным или слабым, у которых из-под носу похищают другие брошенную скорлупу апельсина, кусок черного хлеба. Есть полная возможность изучить их внешний вид, даже черты характера.

* * *

1 июня в 4 часа вечера снялись мы с якоря Суэза и поплыли на юг по незнакомому Красному морю. Скоро с Африки подул ветерок, и Суэз скрылся в серо-пыльном горизонте. Солнце даже померкло за этой безотрадной пеленой. Оно сначала бледнело, краснело, наконец, его совсем не стало видно, будто, бессильное проникнуть сквозь эту пыльную атмосферу, оно растворилось само в нем.

Ни обыкновенного зарева, ни вечерней прохлады здесь уже не было...

Вода Красного моря постепенно темнела, становясь похожей на воду Черного моря. Этак, пожалуй, не мудрено и наскочить на

другой пароход или на мель, о чем свидетельствовал остов парохода в море. А тут еще этот противный хамсин. Одно имя его пугает путешественников.

Англичанин недаром «хитрец»: его грузовой пароход “Com London” давно уже опередил нас и заблаговременно ушел вперед.

В 5 часов я попытался поближе познакомиться с водой и принял ванну Красного моря. Ни прохлады, ни облегчения я не почувствовал. Напротив, начал ощущать какой-то зуд, особенно на лбу. «Верно, изрядно припекло солнцем», — подумалось мне, тем более что я, как и многие другие, еще не расставался с феской от самого Константинополя. Она оказалась значительно удобней, даже в жару, если не бояться загара.

Стемнело. По мутному небу пробиралась бледная, неясная луна, как и солнце на этом небе. Тяжелое, тоскливое чувство начинало овладевать нами по мере приближения к тропику.

Я с интересом засмотрелся на единственную ласточку, которая тщетно пыталась опуститься переночевать на пароходной трубе, на грос-мачте, но сотрясение и клубы черного жаркого дыма не позволяли ей этого сделать.

Кто знает, откуда, куда она? Быть может, это запоздалая на север вестунья, быть может, из наших краев, с нашей кровли? Жаль ее бесконечно, но и завидно птичке, пропавшей во тьме ночной.

И умчались мысли за ней туда, далеко, на Кавказ...

И вот они, родные горы, воздух, вода!.. В какой красоте, в каком идеальном совершенстве представляется все, все родное, пока... не выплывут детали, пока не остановишься на частностях...

И чего, чего бы только не отдал за миг свидания, за один вздох полной грудью воздухом этой родины!

Аслан-Бек ДЗГОЕВ

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

ВОСПОМИНАНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ОСЕТИНСКОЙ ШКОЛЫ ВОЛЬНОЙ БОРЬБЫ
АСЛАН-БЕКА ЗАХАРОВИЧА ДЗГОЕВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Есть много версий происхождения фамилии Дзгоевых, поэтому я не буду углубляться в мифологию и начну нашу историю с первого документально зафиксированного представителя рода, а именно с Дола Дзгоева, моего прапрадеда.

Родился он в 1797 году в селении Горная Саниба. О нем сохранилось мало информации, но точно известно, что он был одним из первых жителей этого села, которые в начале XIX века переехали во Владикавказ, а затем в селение Иры Уатар (Ольгинское), находившееся в 15 километрах от крепости Владикавказ.

Это были судьбоносные годы для всего Северного Кавказа. Россия в ожесточенных войнах конца XVIII — начала XIX века отвоевывала у Персии и Турции свое право на владение южными территориями империи. Конечно, не все горцы Осетии приняли новую администрацию, но все же именно благодаря России спустя 400 лет они смогли вернуться на земли, с которых их изгнали многочисленные завоеватели.

Сказать, что жизнь в горах была тяжела, значит ничего не сказать. Фактически люди жили на грани возможного и добывали себе пропитание в суровейших условиях. Присоединение к Российской империи, безусловно, стало серьезным толчком для интеграции осетин с внешним миром.

Как было сказано выше, мы мало что знаем о жизни Дола, но уже в немолодом возрасте (видимо, это был не первый брак) в 1855 году у него родился сын Михаил (Маллаз). В возрасте 13–14 лет Михаил остался круглым сиротой. После смерти родителей ему достался небольшой саманный дом со скудным хозяйством. Честный труд его явно не устраивал, и он связался с плохой компанией, промышлявшей угоном скота.

Тем временем завершилась Кавказская война. Россия покорила все народы, проживающие между Черным и Каспийским

морями. Александр II отменил крепостное право. В стране начались крупные экономические и политические преобразования. Но это мало волновало Михаила, так как уже к 20 годам он, обладая прекрасными физическими данными (ростом и силой), предпочитал зарабатывать на жизнь исключительно с помощью ружья и кинжала. Поговаривали, что когда он с «коллегами» бывал в «командировках» в дальних селах и днем проезжал по какой-нибудь улице, то на этой улице до утра уже никто не спал.

В 1875 году родственники женили его на девятнадцатилетней Айшат Габисовой, хорошей скромной девушке, имевшей один «недостаток» — она была невысокого роста. По этому поводу впоследствии мой дед в шутку говорил:

— Она испортила мне всю породу!

30 января 1877 года у Михаила и Айшат родился мой дед Захар (Буцка).

С малых лет мальчик обладал удивительной смекалкой и тягой к образованию. И хотя он явно уступал сверстникам в габаритах, он никому не давал спуска, был смел и умело обращался с лошадьми. Любовь к лошадям он пронесет через всю жизнь.

Захар очень любил своего отца, и понимание того, что тот ведет не совсем добропорядочный образ жизни, всегда тяготило и смущало его. В те годы в Ольгинское уже возвращались селяне, участвовавшие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Он видел вокруг героев, обвешанных орденами и медалями, с восхищением слушал рассказы о подвигах, случившихся при освобождении Болгарии от турецкого ига.

В Осетии в то время сформировался целый пласт осетинской военной аристократии, состоявшей из многочисленных генералов и офицеров царской армии. Многие осетины учились в вузах Петербурга и Москвы. В Осетии появились дипломированные врачи и инженеры. Когда Захару было 4 года, террористы убили царя Александра II. Его сын Александр III приостановил многие либеральные начинания своего отца, но все равно для горцев появлялись все большие и большие возможности для самореализации, тем более что в России на 26 лет наступили мирные времена.

Но для Захара 1889 год стал судьбоносным. В тот трагический вечер в дом, в котором они находились с отцом, ворвались чужаки, и завязалась перестрелка. Единственное, что успел сделать Михаил, — это перебросить сына в соседний огород. Так Захар остался без отца.

Через несколько дней кровники приехали в село. По обычаю они становились на колени и просили примирения у старейшин,

но те не успели даже заговорить, как Захар с укромного места выстрелил первому стоявшему парламентару в живот. Точно неизвестно, убил он его или нет, но разгорелся страшный скандал. Все в селе знали, кто стрелял, и поэтому, чтобы не искушать судьбу, родственники отправили двенадцатилетнего Захара с Ботазом Дзгоевым в Сибирь, где тот работал в охране на Ленских приисках.

Якутия встретила маленького горца суровым климатом. Прииски принадлежали банкирскому дому Гинсбургов, для которых погоня за прибылью ставилась выше жизни и здоровья старателей. Добыча золота проходила преимущественно в шахтах в условиях вечной мерзлоты, и хотя заработки у административных и наемных рабочих были высокие, соблазн заработать на стороне у них был еще выше. Поэтому вокруг приисков сновал разный люд — от мошенников до откровенных бандитов.

Вот в такой обстановке и прошли «школьные» годы Захара. Когда он, будучи совсем еще молодым, стал работать в охране, судьба свела его с человеком, который надолго заменит ему отца.

Таймураз Дзгоев,
сын Аслан-Бека

ЕРМАК¹

На Ленских золотых приисках было много осетин, большинство из них работало в охране. Бичом приисков были спиртоносцы. Они проникали на охраняемую территорию, в которой действовал сухой закон, и обменивали спирт на золото. Особенно неуловимым был терский казак Ермак. Здоровенный, сильный, он появлялся так же внезапно, как и исчезал: к нам — со спиртом, от нас — с золотом. Мы уже сбились с толку. Много раз окружали его, а он шутя уходил.

Однажды мы углубились в тайгу и решили заночевать. Выбрали лужок, развели костер и легли кругом, головами к огню. Рано утром вскочили от пронзительного свиста. Стоим как дураки с оружием в руках, оглядываемся — никого. Поворачиваемся, а внутри нашего круга стоит на трех ножках грубо сколоченный осетинский столик с тремя лепешками, мясом, спиртом и солью. Нашему удивлению не было конца. Наконец Мусса Цаллагов, как старший группы, сказал:

¹ Воспоминания Захара Дзгоева, записанные его сыном Аслан-Беком. (Примеч. ред.)

— Это Ермак, больше некому. Еда может быть отравлена. Я попробую. Если через час не умру, то...

Не успел он договорить, как из-за дерева вышел огромный казак и громовым голосом произнес:

— Здорово ночевали, земляки! Не смотрите на меня так дико. Если б я хотел, то ночью передушил бы вас, как котят. Я ваш земляк и ваш друг, если бы вы были не осетины, я бы не вышел, так что будем говорить и договариваться.

И мы договорились — с этого момента действовать сообща.

Позже мы узнали, что он вырос у бабушки в станице Архонской и даже знал моего отца Михаила.

ЛЮДОЕДЫ

У Ермака имелось много перевалочных баз в тайге. Обычно мы сообщали ему, где будет облава. Так и в этот раз мы двигались в противоположную сторону от того места, где находился Ермак.

На пятый день мы разделились на три группы; в моей группе было пять человек. Еще через четыре дня мы, пройдя свой маршрут, возвращались на базу. Только когда залаяла собака, я понял, что мы попали в засаду. Мы залегли за камнями, но все равно были у нападавших как на ладони. Они пару раз выстрелили и начали требовать лошадей и провизию. Согласиться означало обречь себя на верную смерть. Я встал и пошел на переговоры. Выяснилось, что их тоже пятеро. Они уже много месяцев шли по тайге, сначала съели лошадь, затем двух своих подельников. Около часа я вел переговоры и наконец договорился. Я отдал им лошадь с бричкой и половину провианта, они — пять самородков, каждый размером с куриное яйцо.

В 1896–1897 годах прииски столкнулись с финансовыми проблемами — положение рабочих и служащих резко ухудшилось. Начались конфликты всех против всех. Часто я выступал в роли переговорщика и практически всегда находил общий язык с администрацией и шахтерами, бандитами и контрабандистами. К тому времени все уже понимали, что долго так продолжаться не может.

Первым в Харбин уехал Мусса Цаллагов. Через полгода, прогуляв все деньги, он стал звать к себе остальных. Позже разъехались по всему миру и остальные.

В 1899 году я и Ермак с очень большими деньгами перебрались в Цицикар, который находился в 280 километрах от Харбина. Через год Ермак, женив меня на казачке, уехал в Сан-Франциско, где находилась огромная русская община. В Цицикаре, как и в Харбине, весь бизнес крутился вокруг Маньчжурской железной

дороги, соединяющей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Я имел в собственности заезжий двор и ямщицкие конные станции от Цицикара до Харбина, торговал разными товарами, преимущественно связанными с лошадьми.

Много проблем для коммерсантов в Маньчжурии доставляли хунхузы. Это были банды, в основном состоящие из китайцев; некоторые насчитывали до трех сотен человек. Встречались также банды, состоящие из кавказцев. В одной из таких банд какое-то время орудовал Мусса Цаллагов, мой друг по Ленским приискам. Со временем Мусса понял, что выгодней заниматься охраной от бандитов, чем самим бандитизмом. И он сколотил боевую группу, которая наводила ужас на хунхузов; в нее входили осетины, ингуши, черкесы.

ХУНХУЗЫ

На второй год нашего пребывания в Харбине мы столкнулись с хунхузами-китайцами. Как-то ко мне приехал Мусса и рассказал, что во время сопровождения торгового обоза их остановила группа хунхузов численностью до двадцати человек. Недолго думая, они открыли огонь, пятерых убили, троих взяли в плен, другие сбежали. Уже вызвали полицию и хотят сдать пленников в администрацию. Я начал уговаривать его не делать этого, объясняя, что хунхузы будут мстить.

Когда приехала полиция, я сказал им, что пленники сбежали, и, чтобы было полное понимание, отблагодарил их начальника. После этого мы отпустили одного из бандитов, договорившись о встрече с его джангуйдом (предводителем).

Встреча состоялась за городом, я прихватил подарки — опиум, муку, одежду. Но они не понадобились — хунхузы были испуганы, всерьез полагая, что мы приехали за данью. Джангуйдом оказался кореец с труднопроизносимым именем, мы долго беседовали и договорились о перемирии. Вдобавок Мусса забрал у него два английских ружья и два нагана².

* * *

Маньчжурская осетинская диаспора была довольно большая и являлась как бы перевалочной базой, через которую на родину возвращались осетины из Южной и Северной Америки, Австралии и даже Японии. Диаспора была крепкой, дружной, все держались друг за друга. Но попадались и белые вороны. Таковым был некто Бибо Л-ев. Пьяница и наркоман, он служил наводчиком у хунхузов

² Далее повествование ведется от лица Аслан-Бека Дзгоева. (Примеч. ред.)

и одновременно осведомителем в полиции. Захар не раз спасал ему жизнь, выкупая из долгов. Но о нем мы вспомним попозже.

27 января 1904 года Япония атаковала российские корабли, стоящие в Порт-Артуре. Началась Русско-японская война. Маньчжурия оказалась прифронтовой зоной. Тогда же в Харбине Захара свела судьба с легендарным осетинским генералом Афако Фидаровым, участвовавшим в составе Кавказской конной бригады в боях в Маньчжурии. Их связывало не только то, что их деды, как выяснилось, выходцы из Горной Санибы, но и вдобавок ко всему они были дальними родственниками.

Через год в Петербурге вспыхнули беспорядки, переросшие в первую русскую революцию. Империя стала трещать по швам. Многие уезжали из Харбина, преимущественно за границу. Подумывал об этом и Захар. К тому времени из-за отсутствия детей он расстался с женой и распродал весь бизнес; в Харбине его больше ничего не держало.

В декабре 1904 года японцы захватили Порт-Артур, Россия фактически проиграла войну. После подписания мирного договора Япония усилила свое влияние на всем Дальнем Востоке, вследствие чего Захар в 1906 году с несколькими друзьями, чтобы не искушать судьбу, уехал к Ермаку в Сан-Франциско. Уже в Америке до них стала доходить информация, что в России грядут большие преобразования: Николай II издал манифест об учреждении первой Государственной Думы, Столыпинская реформа вселяла надежду на решение главной проблемы России — земельного вопроса.

На родине градоначальником Владикавказа стал представитель туземного населения — его односельчанин Гаппо Баев. Многие поверили в лучшие перспективы и стали возвращаться домой. Конечно, не всем на чужбине повезло, но, повидав мир, они возвращались уже совсем другими людьми, даже не подозревая о том, что их ждет в будущем. Многие вернувшиеся «американцы» сразу после революции 1917 года подвергнутся репрессиям и мало кто переживет 1937–1938 годы. Те же, кто не вернулся, навсегда потеряют связь с родиной, и их родственники вынуждены будут скрывать свое родство всю оставшуюся жизнь.

Но это все будет потом, а пока Захар отправился домой. Его расставание с родиной затянулось на долгие 22 года. За это время он фактически проделал кругосветное путешествие. Возвращаясь через Европу, он какое-то время прожил в Париже. Вернувшись в Осетию в 1911 году, он первым делом приобрел купеческий дом на улице Фельдмаршальской, 19 (ныне улица Штыба), заказал кавказский гардероб со всеми атрибутами и стал подыскивать себе невесту.

Стоит отметить, что это был уже другой Владикавказ: появилось множество фабрик, заводов, банков, гостиниц, торговых центров, кинотеатров, по городу ездили автомобили ведущих фирм мира. Александровский проспект (ныне проспект Мира) своей красотой ничем не уступал европейским аналогам. В небе над Владикавказом, приводя в шок и изумление обывателей, резвился один из первых пилотов России — Артем Кациан. Даже в его родном селе — Ольгинском жизнь изменилась до неузнаваемости. Появилось очень много крепких зажиточных хозяйств. В селе действовал филиал Государственного крестьянского поземельного банка. Жизнь была ключом не только в экономическом, но и в политическом направлении. Появилось огромное количество политических партий, которые в своих печатных изданиях обещали всем одно и то же — землю, свободу, равенство. Всем было понятно, что монархия в той форме, в какой она существовала в России, изживала себя.

Захару это поначалу даже нравилось. Ему 33 года, материально обеспечен, жизненного опыта с избытком — остается только завести семью. Поиски были недолгими. Когда Захар увидел ее — а это был 1911 год, — ей было 14 лет. Звали ее Чабахан (в крещении Надежда) Акиева. Училась она в женской гимназии и была дочерью настоящего богатыря — Гаппо Акиева, владельца крепкого хозяйства в селе Ольгинском. Через два года Захар засватал ее, отдав в качестве калыма 5000 рублей, — огромная по тем временам сумма.

АКИЕВЫ

Откуда эта фамилия, точно никто не помнит. Их в Осетии было 8–9 семейств, причем все близкие родственники. В Ольгинское они переехали из Владикавказа, а туда — из Алагирского ущелья. Деда моего по матери звали Гаппо (в крещении Гавриил). Могучий был старик; ходили слухи, что, когда Гаппо громко говорил, его было слышно на окраине села. Тяжелая была у него рука — не раз я это испытал на себе. Редкий трудяга, на этой почве имел грыжу. Помню его дом до коллективизации. Амбары ломились от зерна. Коровы, бычки, лошади, индюки, бараны, куры — не сосчитать. Также он был капралом денкинских войск и честно воевал против большевиков. Мать рассказывала, что он ночью ходил со своим взводом разрушать железнодорожное полотно, а днем его сын Кази-хан на бронепоезде вместе с Серго Орджоникидзе восстанавливал пути и, закрыв глаза, стрелял по белым, боясь увидеть среди них своего отца.

В 1928 году кому-то из сельских большевиков приглянулось хозяйство деда. Быстро состряпали анонимку: что, мол, дед служил

у Деникина, имел русскую батрачку и тому подобное. Дело в том, что еще до революции, возвращаясь с города с женой, в канаве около железнодорожного полотна они нашли плачущую новорожденную белокурую девочку. Когда бабушка взяла ее на руки, та перестала плакать, и бабушка на возражения деда сказала как отрезала:

— Никому не отдам.

Так в доме появилась Екатерина Акиева, тетя Катя, как называл ее я.

Вот так тетя Катя из дочки, по словам анонимщиков, превратилась в батрачку. Деда раскулачили, выгнали из дома, все отобрали. Хорошо, что нашелся нетрусливый человек, Дзгоев Костин, — пустил их жить в свой сарай.

Моя мать и ее двоюродная сестра Акиева Тамуся вспоминали, что у них в доме часто бывал Сергей Киров, который хорошо знал моего дядю Кази-хана Акиева, погибшего в Гражданскую войну. Они собрались и поехали в Ленинград. Киров пообещал помочь — и не обманул. В общем, когда они вернулись домой, дед и бабушка уже жили в доме. Но вернуть хозяйство дед не смог. После этого несколько лет старался все восстановить, надорвался, долго болел и умер в 1936 году.

Бывая дома у бабушки, я любил слушать сказки, а знала она их великое множество. Когда достаточно подрос, всегда интересовался ее родословной. Моя бабушка Мария, которую я называл Мама-Нанá, родилась в Ардоне в семье известного царского офицера, георгиевского кавалера Хаца Ревазова. Ее мать звали Кики, урожденная Баскаева. Хаца был участником Крымской войны 1853–1856 годов, и когда у него в 1868 году родилась дочь, он назвал ее в память о флагманском корабле «Императрица Мария», затопленном в Севастопольской бухте адмиралом Нахимовым. К бабушке сваталось много достойных женихов. Хотя ее отцу очень нравился богатырского сложения Гаппо Акиев, калым за дочь он не снизил, и Гаппо пришлось семь лет копить деньги.

Старшие дети у них умерли в младенчестве, остались моя мать Чабахан 1897 года, Кази-хан 1899 года, Батр 1903 года, Гена 1905 года и Чермен 1907 года. Так сложилось, что она похоронила всех своих сыновей. Кази-хан погиб в Гражданскую войну в 1921 году, Батр и Гена — в Великую Отечественную, а младший Чермен был убит в трехлетнем возрасте у нее на руках во время нападения бандитов из соседнего села Базоркино. Бандит стрелял женщине в спину, пуля пробила ей плечо и угодила ребенку в голову; случилось это в 1910 году.

Все лучшие воспоминания моего детства связаны с бабушкой. Особенно помнится, как красиво она произносила молитвы — с та-

ким благородством, с такой чистотой. Через 22 дня мне исполняется 73 года, я помню почти всех святых, которых упоминала она во время молитвы, но сравниться с ней не могу. Тяжелую и долгую жизнь она прожила и умерла у меня дома в кругу внуков и правнуков в 1958 году. Царствие тебе небесное, моя милая, моя святая Мама-Нана. Дай бог, чтобы меня мои внуки любили так же сильно, как я тебя.

У Захара это был уже второй брак. Ему, конечно, хотелось иметь полноценную семью и, помня о своем первом бездетном браке, он боялся остаться без потомства. Опасения были не напрасны: первые трое новорожденных не выжили.

Тем временем в России события разворачивались с катастрофической быстротой. Страна вступила в Первую мировую войну. Разношерстная пресса так промывала мозги политически неподготовленным гражданам, что в головах у многих все перемешалось. Но у Захара с головой все было в порядке. Он занимался разведением лошадей, имел мельницу и немного торговых площадей. Но вот наступил февраль 1917 года. Как гром среди ясного неба из Петербурга пришли известия о Февральской революции, а затем и об отречении Николая II. В общем, это известие положительно восприняло большинство населения, от крестьян до высших слоев аристократии. Но шла Первая мировая война, надо было защищать родину, и осетинам, как всегда, пришлось принимать в этом самое активное участие. Они сражались в рядах не только российской армии, но и в качестве добровольцев — в австралийской, канадской, французской.

В марте 1917 года Временное правительство объявило амнистию, и в больших городах, в том числе во Владикавказе, стали появляться непонятные люди с короткими бородками и фамилиями, больше похожими на клички. В октябре в Петрограде большевики разогнали Временное правительство. Затем состоялись выборы в Учредительное собрание, в которых партия Ленина набрала всего 24 %. Естественно, это их не устроило и они разогнали Учредительное собрание. Затем был постыдный Брестский мир и как следствие — Гражданская война. В это лучшее для проходимцев время и появился знакомый Захара по Харбину — Бибо Л-ев.

Первое время «лучший» друг вел себя тише воды, ниже травы. Но когда большевики дали ему удостоверение голодранца — «члена комитета бедноты», он оперился. Стал часто заходить и рассказывать о мировой революции, о семье как пережитке буржуазного прошлого и прочей дребедени. Но, как правило, после его ухода в доме что-нибудь да пропадало — то серебряные вилки, то ложки. Кончилось все тем, что Чабыхан поймала его, когда тот выносил из дома штиблеты Захара.

ДЯДЯ ВАСЯ

Это был примерно 1970 год. Мы уже жили на улице Набережной. В соседнем подъезде в квартире 63 жил старик — китаец дядя Вася (настоящее имя Тем Бу Ю) с женой. Жили они очень бедно, можно сказать, нищенствовали. Детей не было, зарабатывали на жизнь омовением покойников. Как-то заходит ко мне участковый Кучиев и говорит, что дядя Вася жалуется на мою мать Чабахан. Она, дескать, запретила ему сидеть на табурете возле подъезда. И еще она сказала, чтобы он ей на глаза не попадался, а то она пожалуется сыну и он его в Терек выбросит.

Я поговорил с матерью, и она мне поведала следующее:

— В 1918 году в городе появилось очень много китайцев. Твой отец долго жил в Маньчжурии и неплохо понимал китайский язык. Он сказал мне как-то, что это никакие не интернационалисты, а просто наемники, нанятые за деньги большевиками. Хунхузы. Твой отец был очень умный человек, во время Августовских событий 1918 года он настоял, чтобы мой брат Кази-хан со своими друзьями квартировался у нас. Это было за два месяца до твоего рождения, я была тогда на седьмом месяце. В тот день я до глубокой ночи угощала гостей, и, когда Кази-хан уже встал из-за стола, вдруг залаяла, а затем заскулила собака. Захар взял пистолет, вышел во двор, и через секунду мы услышали его голос — он кричал на китайском языке. Кази-хан с друзьями бросились во двор, раздались шум и крики. Позже твой отец рассказал мне, что, когда он вышел, четверо вооруженных китайцев были уже во дворе, а у ворот стоял наводчик — его «друг» Бибо Л-ев. Захар сразу понял, что они пришли убивать. Тогда он закричал на китайском: «Пошли вон!» У бандитов от удивления глаза на лоб полезли. А когда они вдобавок услышали топот и бряцание затворов, то побежали прочь. Кази-хан хотел их преследовать, но Захар его остановил, не стал рисковать... И вот после всего этого ты, сынок, хочешь, чтобы я с ним здоровалась. У них у всех руки по локоть в крови. Ты спроси его, что они творили на проспекте и куда делись его жители? И этот Вася имеет еще совесть ходить и пионерам галстуки завязывать...

Все же я пошел к дяде Васе извиниться за маму. Когда открылась дверь, он так испугался, что я поспешил его успокоить. Удивительное дело: человек полвека прожил в России, а по-русски говорил с трудом. После моих слов успокоился, полез в комод, вытащил старую-престарую красноармейскую перчатку (с вырезом для указательного пальца, чтобы удобно было нажимать на курок)³ и говорит:

— Я буржуев — пуф-пуф!

³ Вероятно, имеется в виду трехпалая рукавица. (Примеч. ред.)

Мы разговаривали минут двадцать. Как я понял, он сильно хотел уехать в Китай, но его не пускали. С окончанием Гражданской войны уже за ненадобностью их всех стали уничтожать — как он выжил, не понимает. После установки памятника на Китайской площади его часто приглашали на встречи со школьниками, но потом случился пограничный конфликт на острове Дамасском, и о дяде Васе сразу забыли.

В один прекрасный день — это были времена горбачевской перестройки — он просто взял паспорт, пошел на вокзал, купил билет до Владивостока и уехал. Что он думал, возвращаясь спустя 70 лет на родину, как собирался пересечь границу, непонятно. Потом до нас дошли слухи, что он умер в дороге — его на первой же станции сняли с поезда и как невостребованного похоронили. Что стало с его перчаткой, неизвестно; надеюсь, ее закопали вместе с ним, а то у нас в стране найдется очень много желающих ее примерить.

После поимки своего «друга» со штиблетами Захар видел его всего дважды. Один раз во дворе своего дома, когда тот с китайцами приходил его грабить, второй раз — когда тот проезжал на автомобиле, видимо став каким-то ответственным работником. После этого он, скорее всего, попал под жернова своих коллег, таких же, как и он сам, негодяев, и исчез. Или как ценный кадр пошел на повышение.

Я родился 21 октября 1918 года. При рождении меня назвали Алексеем, но всю жизнь родные и близкие звали меня Лесиком.

Много позже, когда я поступал на рабфак цветных металлов, мне не хватало несколько месяцев до нужного возраста. Тогда я взял документы на имя Аслан-Бека с датой рождения 18 марта, тем самым «состарив» себя на 7 месяцев.

Предыстория имени «Алексей» такова. Захар никогда не считал себя монархистом, но был убежден, что после убийства бывшего императора в июле 1918 года его сын Алексей чудесным способом спасся и это имя принесет и его сыну удачу. Он так и не узнал, что в доме Ипатьева в Екатеринбурге Николай II был зверски убит большевиками вместе со всеми своими детьми, включая четырнадцатилетнего Алексея.

Времена были очень опасные, Владикавказ в те годы не раз подвергался набегам и грабегам банд, руководимых Серго Орджоникидзе. В начале 1919 года добровольческая армия Деникина захватила Владикавказ. Захар не боялся белых, но на всякий случай в его доме постоянно по его просьбе гостил его тесть Гаппо Акиев, воевавший на стороне белых. Вот так, лавируя между красными и белыми, он, как и многие, старался просто спасти себя и свою семью.

ПАНИКОВЫ

Наши сады примыкали друг к другу. Что я о них помню? Это были благородные, интеллигентные люди, которые ни с кем из соседей близко не общались. Главной в семье была бабушка, мы называли ее Паниковская старуха. Она была очень строгой; естественно, все дети в округе ее боялись, и я не был исключением.

Однажды — это было то ли в 1926, то ли в 1927 году — я, как обычно, сидел на лавочке, а мимо нашего дома проезжали на бричке пьяные военные. Один из них крикнул:

— Эй, пацан! Где живет Харитон? Это улица Штыба?

Я сказал:

— Не знаю.

— А что ты здесь сидишь, если ничего не знаешь? — продолжил он.

И тут сбоку раздался голос Паниковской старухи:

— Он здесь сидит, потому что он здесь живет. Это для вас, душегубов, это улица Штыба, а для нас она — Фельдмаршальская. Вам мало того, что в центре все улицы назвали в честь убийц, так и до нашей добрались. Вы еще город именем Джека-потрошителя назовите!

У нее был такой напор, что военные ретировались.

Позже я спрашивал у мамы, кто такой Джек-потрошитель, но она не знала. Я спрашивал у других — никто о таком не слышал. И только вечером отец объяснил мне, кто это.

Слова Паниковской старухи оказались пророческими — в 1931 году Владикавказ переименовали в Орджоникидзе. Хотя по уровню изуверств Джек-потрошитель — птенец по сравнению с «героями» революции.

МИТЬКА-ДУРАК

В городе Владикавказе, насколько помню, всегда жил Митька. «Митька-дурак!» — так дразнили его ребята на бульваре на улице Штыба. Он появлялся у нас ежедневно с палкой. Шел по бульвару и, ударяя по каждому стволу дерева, на всю улицу орал: «Ветки долой — война будет!» Орал он это и в 1924-м, и 1926-м, вплоть до начала войны. «Накаркал, дурак», — позже говорили люди.

Жил Митька в психбольнице, но, будучи неопасным, всегда имел возможность гулять по городу.

Однажды Паниковская старуха встретила мою мать и пожаловалась на нас, будто мы обижаем Митьку, а потом рассказала следующую историю.

Митька был из знатной семьи, сыном одного из уважаемых людей Владикавказа (фамилию, к сожалению, я забыл). Во время погромов, учиненных большевиками, его семья не успела уехать. У него на глазах красноармейцы убили отца, затем надругались и закололи штыками мать и сестру, а затем и его. Ему было тогда лет двенадцать, он чудом выжил. Кто-то его выходил и сдал в психиатрическую лечебницу.

Митькину историю я рассказал всем ребятам на нашей улице, и его больше никто не дразнил.

Много позже, вернувшись с войны, я как-то шел домой и, о чудо, увидел Митьку. Он подметал бульвар на улице Советов. Я приблизился к нему и поздоровался. Он улыбнулся, кивнул и продолжил мести.

После окончания Гражданской войны страна лежала в руинах. Советское правительство объявило о новой экономической политике (НЭП), но для Захара все было понятно. С этими людьми играть по их правилам было смертельно опасно, и он решил уйти в тень. Распродал лишнюю недвижимость, купил корову и стал продавать молоко соседям. Тогда же Захар пустил слух, что деньги, заработанные в Сибири, он проиграл в карты, когда плыл на пароходе. Он сразу уяснил: главное — не выделяться из толпы.

УАЦИЛЛА

Красочно и подробно это святилище описал Владимир Иксуль в повести «Святой Илья горы Тбау». Находится оно в Даргавском ущелье, построили его греки Гуцати. Оставили они о себе очень добрую память, поэтому на празднование Уацилла съезжается вся Осетия. Каждая фамилия из этого ущелья соорудила свое святилище, но Гуцати на горе Тбау самое популярное.

Когда мне исполнилось четыре года, я еще не ходил ножками. Родители были уверены, что я не выживу. Куда только меня не возили по врачам — от Пятигорска и Прохладного до всех народных целителей в Осетии. Положительную роль в лечении это, конечно, сыграло, но все же дедушка с бабушкой повезли меня однажды в Даргавс. Я помню, как жрец Гуцати водил над моей головой зажатыми в кулаке монетами. Что именно случилось там, я не помню... помню лишь, что мне стало лучше, и через какое-то время я встал на ноги, но ходить не мог. Как радовались отец и мать! После этого дед и бабка каждый год вплоть до 1936 года возили меня на праздники в Даргавс. Этим святым я стал давать клятву и горжусь тем, что никогда свои клятвы не нарушал.

Гаппо (Гавриил) Акиев с дочерью Чабахан (Надеждой)
и женой Марией (Мама-Нана)

Захар Дзгоев с супругой Чабахан Акиевой

Мама-Нана с детьми

Захар Дзгоев (сидит справа) в Харбине или Париже

Аслан-Бек Дзгоев (5-й слева) в качестве играющего тренера

Аслан-Бек Дзгоев с супругой Татьяной и дочерью Жанной

ЛЕНИН

В двадцатые годы заводы будили пролетариат, а затем сзывали на работу специальными пронзительными гудками. Каждый пролетарий знал свой гудок. Так вот, в 1924 году гудки всех заводов вдруг сошли с ума — начали издавать отрывистые звуки, и это продолжалось довольно долго. Я был на улице — сидел на скамеечке и видел, как люди бежали к центру. Никто ничего не понимал, все выскакивали из домов, спрашивали друг друга, что случилось. Смотрю — мама, одетая в выходное, бежит к центру. Я тогда бегать не мог, но поплелся за всеми. Уже за углом Краснорядской улицы увидел мать, вытирающую платком слезы. Ясное дело, заплакал и я.

— Ленин умер, сынок, — сказала она и обняла меня.

Потом она отправила меня домой, а сама пошла на площадь Свободы.

Так я первый раз услышал имя «Ленин». Позже я часто вспоминал этот случай и не мог понять, мать плакала от горя или от радости.

САДЫ

Старые люди еще помнят, что восточнее осетинского кладбища (старого) жителей не было — были сады. Кому они принадлежали, я не помню, но охранялись очень строго: там работал сумасшедший сторож. Было большой смелостью идти туда воровать яблоки — а кто из ребят не хочет прослыть храбрецом?

Самым отчаянным на нашей улице считался Габо Ганиев. Он был постарше нас и однажды был пойман сторожем, но умудрился отнять у него ружье и принести кучу яблок. Одно из них досталось мне. Именно это яблоко и было виновником моей решимости.

Пошел я с группой ребят, в которой я был самым младшим и самым маленьким, в сады. Когда появился сторож, я находился высоко на дереве, куда меня посадили ребята.

— Сторож! — крикнул кто-то, и все с шумом ссыпались с веток.

Замешкался один я, из-за чего оказался далеко позади улупетывающей детворы. Сторож, видимо, решил поймать самого маленького и, чтобы я остановился, выстрелил из ружья в воздух. Бежал я, как мог, но сторож не отставал. Выстрелил он еще раз, но я и тут не остановился, только заплакал. Бегу и думаю: если не оторвусь, приведу его домой... родителей арестуют, а мать меня уьет...

Еще не добежав до Осетинской церкви, я увидел Габо Ганиева. Он меня поймал за рукав:

— Ты чего плачешь? — спросил. — Яблоки украл? Не бойся, иди спокойно, я с ним поговорю.

Но я не смог просто идти — снова побежал. Когда оказался около Кривого переулка, остановился, оглянулся. Сторож стоял с Габо и о чем-то говорил. Я был спасен.

ТУЗАР БЕКУЗАРОВ

На улице Штыба наш дом был крайним. Дальше, начиная с Осетинской церкви и вниз до Армянской, тянулся Кривой переулок. Он был полностью застроен, причем правая сторона улицы была очень высокой, поэтому заборы достигали 5–6 метров в высоту. Кривой переулок отделял наш дом от дома Тузара Бекузарова.

Дом был внутри, где-то высоко, а на переулок выходил огромный фундаментный забор. В заборе имелась калитка, которая вела в туннель, и оттуда по лестнице человек поднимался в сад. Из сада был выход через калитку на соседнюю улицу Рождественскую. Почему я так подробно описываю это оригинальное сооружение? Дело в том, что у Бекузаровых был самый богатый сад в округе. С Кривого переулка сад был неприступен. Когда пошли слухи о том, что я побывал в дальних садах, друзья не оценили моей смелости:

— Подумаешь, какое дело! — отмахивались они. — Там все побывали... А ты попробуй залезть в бекузаровский сад, вот это подвиг...

Операцию по проникновению в сад разработал я лично. Мы пошли на улицу Рождественскую и через соседней залезли к Тузару. Я забрался на персик, а другие ребята на яблони. Вдруг открываются двери в сад, выскакивает огромный волкодав — и прямо к моему дереву. За ним выходит старик со словами:

— Чего лаешь, Рекс? А, у нас дорогой гость... — Добрый старик Тузар смотрит на меня и улыбается. — Я привяжу собаку. Ты же сын Захара Дзгоева Лесик, да? Слазь и заходи в дом, я буду ждать. И он удалился.

Я выдернул рубашку из штанов — зеленые персики посыпались на землю. Чтобы не выдать товарищей, я пошел в дом. Тузар встретил меня как сына:

— Персики из-за пазухи высыпал? Правильно сделал, они еще зеленые. Я тебе дам спелые.

Он вынес целое ведро спелых персиков и пересыпал в сумку.

— Только сумку принеси обратно, — попросил Тузар, протягивая ее мне. — А когда захочешь фрукты, этот дом всегда для тебя открыт. — Он посмотрел мне прямо в глаза и добавил веско: — Запомни: настоящие мужчины заходят всегда через двери.

Я стоял, опустив голову. Мне было стыдно.

Этот урок я запомнил на всю жизнь. С тех пор я больше никогда не воровал и не позволял делать это другим.

ШКОЛА

Мои мать и отец были две противоположности. Мать очень строгая и эмоциональная, отец же спокойный, рассудительный, постоянно читающий книги и газеты. Единственное, что их объединяло, — это желание дать своим детям дорогу в жизнь. Они были буквально одержимы идеей предоставить нам возможность получить хорошее образование.

Уже в шесть лет я умел читать и писать. Мама нанимала репетиторов; сначала это была Надежда (отчество я, увы, забыл), затем Нина Илларионовна.

Как-то раз я узнал, что ребята с нашей улицы на следующий день идут в школу, и решил пойти с ними. Утром все вместе направились в пятую школу, зашли в аудиторию и расселись. Учительница сразу заприметила меня маленького, подняла с парты и спросила:

— Сколько тебе лет?

Я промолчал.

— Сколько тебе лет, мальчик? — допытывалась она. — Как твоя фамилия?

Ничего я ей так и не сказал. И тогда меня выпроводили из класса.

— Придешь через год, а имя-фамилию и адрес нужно знать, — ласково сказала учительница на прощание.

Весь в слезах я прибежал домой и рассказал обо всем матери.

— Так ты хочешь учиться? — спросила она.

Я закивал.

На другой день она отвела меня в областную национальную школу, где был нулевой класс. У директора я подтвердил, что сильно хочу учиться, и меня приняли в класс знаменитой в Осетии учительницы Ольги Николаевны Туаевой.

Походив несколько дней, мне стало скучно без друзей. К тому же программу, которую дети изучали, я уже знал. Ольга Николаевна сразу это поняла и сообщила моей матери, что может перевести меня в третий класс, но остерегается, что там меня будут обижать. В общем, никуда я не пошел и продолжил заниматься с репетиторами, благо родители имели возможность оплачивать их труд.

На следующий год я все же пошел в эту школу и проучился там два года, пока ее не закрыли. Потом перевелся в школу № 15. На этом мое детство закончилось.

ВОЛОДИК

Трое старших детей моих родителей умерли в раннем детстве. После меня в 1921 году родился Георгий, в 1923 году — Володик и в 1928 году — сестра Валя. Из нас всех Володик был самый крепкий, шустрый и смелый. Когда я еще не мог быстро бегать, соседские дети часто дразнили меня, кидали камешки, издевались. И первым на мою защиту вместе с Георгием бросался в драку — совсем маленький! — мой брат Володик. Им часто за это доставалось, но они были так напористы, что со временем издевательства прекратились. Помню, как после очередной потасовки он мне сказал:

— Не бойся, Лесик, я подрасту, и пусть тогда они попробуют тебя дразнить!

Мы так привязались друг к другу, что он спал только в моей кровати. Он использовал мою руку вместо подушки — только так мог заснуть. Я ему пересказывал сказки, которые слышал от бабушки, и другой мой брат Георгий даже обижался на нас за это: ревновал.

На углу нашего дома лежал огромный валун, мы часто играли на нем или просто сидели. Когда Володику шел пятый год, он взял в привычку бороться с нами, а так как мы были выше, то всегда забирался на этот валун.

— Теперь я больше! — радовался он, хватая нас за шеи.

Мы с Георгием, конечно, поддавались ему, он заливался смехом.

В те годы к нам часто заходил близкий родственник А. из Ольгинского. Получилось так, что, «победив» меня и Георгия, Володик вызвал на борьбу А., а тот, выпивший, не удержал его на руках. Володик ударился головой о валун. У него пошла кровь, но он даже не заплакал.

Ночью я проснулся от того, что Володик весь горел. Я разбудил мать... В общем, всю ночь он бредил и под утро скончался.

Не буду описывать то, что творилось в нашем доме. Любимец всей улицы, бедный наш Володик умер от руки близкого родственника! Говорили, что А. хотел покончить с собой, но не сделал этого, хотя это было бы на тот момент для него лучшим исходом. Он прожил долгую и несчастную жизнь.

Прошло 65 лет с тех пор, как я потерял своего любимого брата, но я до сих пор чувствую тепло его тела у себя на плече.

ТУЗАР БИЦИЕВ

В селении Ольгинском самыми зажиточными были семь братьев Бициевых. Старшим из них был Тузар. Он был святым

образцом крестьянского трудолюбия и смекалки. До революции у ольгинцев в частной собственности имелись только приусадебные участки, остальные земли они вынуждены были брать в аренду. После революции каждая семья получила свой надел. Бициевы и до революции жили хорошо, но особенно они развернулись во времена НЭПа. Уже тогда они были отдельной коммуной, работали с утра до ночи, с каждым годом укрепляя свое хозяйство.

Мой отец Захар после приезда на родину близко сдружился с Тузаром. У них было общее дело по выведению племенных лошадей. Но был в Ольгинском человек — полная противоположность Тузара, некто Абе К-ев, лодырь, танцор и пьяница. Получив свою долю земли, он со временем все пропил и прогулял. Единственный, кто пожалел его, был Тузар. Чтобы тот не помер с голоду, он стал нанимать его для уборки урожая.

Осенью 1929 года ольгинцев оповестили, что всем надобно явиться на собрание. Отец вначале не хотел идти, но глашатай строго предупредил: явка строго обязательна. Тогда мать сказала отцу, чтобы он взял меня с собой: с ребенком быстрее отпустят.

Помещение, куда собирали сельчан, было маленьким, и в скором времени оно заполнилось до отказа. Мы пристроились ближе к дверям в надежде незаметно уйти, когда наступит удобный момент. Однако начальство шутить с нами не собиралось. За столом президиума сидело человек восемь, все были вооружены. Тот, что из ЧК, в кожанке, вынул пистолет и положил его на стол. Двери закрыли и поставили охрану. Секретарь долго врал о колхозах, обещал золотые горы. Под конец сказал, что район по всем показателям всегда был впереди, а вот по коллективизации — нет и что они не позволят вражеской агитации одержать верх и сорвать решение партии. Одним словом, пока мы не запишемся в колхоз, из помещения никого не выпустят.

Главный чекист обратился к Тузару:

— Бициевы могут идти — вас в колхоз не примут, вы на чужом горбу богатства свои добыли и будете раскулачены.

Шесть братьев вскочили со своих мест, но Тузар заставил их сесть. Потом подошел к президиуму и сказал:

— А ну покажите свои руки... А теперь посмотрите мои! И кого я эксплуатировал?

Тогда-то этот лентяй, пьяница и никчемный работник поднялся и сказал:

— Вот я, Абе К-ев, каждый год работал на тебя.

Присутствовавшие, зная правду, стали возмущаться, но выстрел в потолок всех успокоил. После этого Бициевых вывели из зала.

Мы с отцом тоже хотели уйти, но нас не выпустили. Долго еще мы сидели, а я уже хотел спать, стал хныкать:

— Пап, пойдем домой.

Отец еще немного посидел, затем встал, подошел к столу и записался в колхоз.

На следующий день он пригнал своих лошадей, быков, коров, а также всю сельхозтехнику в конфискованный дом Тузара Бициева, где разместился колхозный двор.

Братьев Бициевых вместе с детьми и стариками босыми и голыми усадили на арбы и погнали в ссылку в Таджикистан в город Куляб.

Колхоз был организован и назван «Коминтерн», а председателем назначили босяка Абе. Очень скоро зажиточные крестьяне нашего села стали нищими. Босяки не могли накормить страну, и тогда наступил голод.

АФАКО ФИДАРОВ

После того как нас раскулачили, отец сумел пристроить своих лошадей в конюшню при городской милиции и сам устроился при ней конюхом. Это был 1929 год.

Я учился в пятом классе. Как-то после школы пришел домой и застал в доме переполох — таким озабоченным я не видел отца никогда. Комната в дыму, со стен исчезли все фотографии, отец сидит около камина и бросает документы, письма, фотографии в огонь. Мать бежит из угла в угол и кричит:

— Может, это не надо?

А отец ей:

— Надо, надо.

Затем я увидел картину из своей комнаты, которую отец привез из Америки. О ней расскажу подробней. Там была изображена русская эскадра, входящая в залив Сан-Франциско. На переднем плане на фоне кораблей красовался адмирал Попов. Картина была посвящена легендарному переходу Русской эскадры через Тихий океан на помощь Северной коалиции во время Гражданской войны в США 1861–1865 годов. Картину отцу подарили в русской общине Сан-Франциско, на задней стороне было множество дарственных памятных надписей на русском и английском языках. Эта картина висела в моей комнате, и отец часто рассказывал мне о роли Российского флота в победе демократического Севера над рабовладельческим Югом. Она была воплощением моей детской мечты, именно благодаря ей я полюбил океан и мечтал стать капитаном.

И вот теперь на моих глазах эта картина горела в камине. Я заплакал и побежал в свою комнату. Чуть погодя я услышал голос отца:

— Если они Афако посмели забрать, то... они его уже не выпустят.

Афако Фидаров — гордость Осетии и всей России, живая легенда, генерал, интеллектуал, имя которого знали далеко за пределами нашей страны. Отец познакомился с ним еще в Харбине, и Афако был для него безоговорочным авторитетом. Он не часто приезжал к нам в дом, но я то и дело слышал от отца: «Афако так сказал, Афако так думает».

Когда я еще не ходил в школу, Афако подарил мне книгу, точнее, словарь по изучению французского языка, с надписью: «Моему брату Лесику от Афако Фидарова». Эту книгу ждала та же участь, что и мою картину.

Арест Афако стал той точкой невозврата, после которой отец распрощался с последними иллюзиями относительно советской власти. Он распродал наш дом по частям и купил небольшой на улице Красноармейской, 7. В это время отец замкнулся в себе и никогда больше не вспоминал своего старшего друга — по крайней мере, при мне. Я не уверен, знал ли отец, что Афако Фидарова, которому было уже за семьдесят, расстреляли в ростовских казематах ОГПУ в конце того же 1929 года. Сам я узнал подробности совсем недавно, когда советская власть реабилитировала Афако. Реабилитация со стороны этой власти — оскорбление памяти людей; лучшей реабилитацией для них был бы суд над самой этой властью.

ТОРГСИН

После того как советская власть запретила частную собственность и уничтожила крестьянство, начался голод. Но трагедия народа не волновала большевиков. Больше всего их интересовало золото, серебро, валюта и другие ценности, которые еще оставались на руках у населения. Воспользовавшись моментом, по всей стране были открыты тысячи магазинов Торгсина. Там можно было купить буквально все — от продуктов питания до товаров широкого потребления. Проблема заключалась в том, что торговали там за валюту, золото, серебро и другие ценности. И эти магазины были рассчитаны на «бывших», у которых большевики еще не все отняли.

Мы жили тогда на Красноармейской, и я помню поход родителей в Торгсин. Он сопровождался определенными правилами. Во-первых, два раза в день в магазин не ходить — чтоб не примелькаться. Во-вторых, покупать немного. В-третьих, не покупать ничего дорогого. Отец непонятно откуда вытаскивал мешочек с

золотыми монетами, извлекал несколько блестящих кругляшей, и родители уходили.

Чуть погодя мама стала ходить одна; бог знает, сколько золота она снесла в этот Торгсин. Отец всегда успокаивал ее:

— Не волнуйся, на наш век хватит.

Как же он ошибался!

Через несколько лет большевики увидели, что запасы у народа заканчиваются — в Торгсин стали приносить все меньше дорогих вещей; дело дошло аж до зубных коронок. Вот тогда-то власть все это прикрыла и стала думать над новыми проектами, якобы необходимыми для строительства коммунизма.

МУССА ЦАЛЛАГОВ

О нем часто вспоминал отец в своих историях и всегда добрым словом. Как-то раз к нам постучали в ворота, я открыл. На пороге стоял невысокий, чисто одетый, благообразный старик. На вопрос: «А папа дома?» — я ответил: «Нет».

— А ты не против, если я его подожду у ворот? — спросил тогда гость.

Тут из дверей выглянула мама и стала звать его в дом. Старик, конечно же, отказался. Так принято у осетин: если в доме нет мужчины, входить неприлично. Но мать настояла, указав на меня:

— А Лесик чем вам не мужчина?

Гость снова очень вежливо отказался и добавил, что обязательно заглянет на днях.

Когда вернулся отец, он устроил матери настоящий разнос: как, мол, она могла не завести его друга домой и не накормить?!

Спустя пару дней старик пришел опять — и опять не застал отца. Но на этот раз мать была более напориста — завела гостя в дом, усадила на диван. Через полчаса стол ломился от еды — мясо, пироги, зелень, арака, пиво. Надо сказать, в стране тогда свирепствовал голод, но Мусса твердо заявил, что без Захара он за стол не сядет. И не сел. Вскоре, впрочем, отец вернулся, друзья обнялись и уселись за стол. Я стоял с графином и подливал отцу араку; Мусса же не пил вовсе и, кажется, почти не ел.

После его ухода мать начала пилить отца:

— Вот посмотри, какой у тебя друг! Не пьет, культурный, вежливый, не ругается, прямо святой!

Отец ей ответил:

— Лет тридцать назад одно его имя наводило ужас на весь Харбин.

— А по виду и не скажешь, — проговорила мать задумчиво.

СПОРТСМЕН

Все мои воспоминания детства были связаны с проблемами со здоровьем. Я довольно рано осознал, что со мной что-то не так. У меня ничего не болело, но я просто не мог стоять на ногах. Как в таких случаях бывает, родители обошли всех врачей, знахарей, колдунов — кто только не перебивал в нашем доме!

Как-то отец принес сделанные на заказ деревянные костыли. Поначалу они сильно натирали ладони и подмышки, но со временем я к ним привык и начал творить чудеса акробатики. Человеческий организм удивителен своим саморегулированием: ослабленные ноги стали толчком для усиления верхней части тела.

Я спрашивал отца:

— Почему я такой?

А он меня успокаивал:

— Да ты будешь силачом! Посмотри на своего деда, на дядьев! У меня отец был под два метра! Я женился на твоей маме для того, чтоб мои дети были богатырями!..

В четыре года я встал на ноги, но бегать и приседать не мог, и родителям порекомендовали с помощью гимнастики создать мышечный корсет. Вот так я и стал спортсменом. Целый год мы занимались «спортивным самолечением», пока в нашем доме не появился Владимир Дмитриевич Бауэр, пропагандист спорта, в частности гимнастики. Когда он увидел мозоли на моих руках, то пришел в ужас. После в нашем доме появилась спортивная литература — труды Лесгафта, Линга, а затем книга «Спорт против физкультуры» Жоржа Эбера, и первыми моими наставниками стали вышеупомянутый Бауэр и мой отец. Отец в этом деле был полный дилетант, но он дал мне столько моральной поддержки и родительской заботы, что это перекрывает все остальное с лихвой. Во дворе под навесом отец с Владимиром Дмитриевичем организовали спортивный уголок, правда, без турника, так как он не подходил по высоте. Но когда отец установил рядом турник, сразу появился еще один тренер — гимнаст и сосед Володя Попов. Я помню, как он удивился, когда я без подготовки сделал на турнике 10 силовых выходов.

КУПЕЦ СУМЕНОВ

В Кривом переулке в единственном трехэтажном доме жил купец Суменов. Как-то он остановился около нашего дома и разговорился с отцом. Я тем временем сидел на скамеечке у ворот и ел грецкие орехи. Суменова так удивило, с какой легкостью я ломал их в ладонях, что он подошел и спросил:

— А левой можешь?

Так у меня появился самый первый болельщик.

На следующий день, проходя мимо меня и моего друга, Суменов вдруг вытащил из кармана два ореха.

— Сможешь расколоть? — поинтересовался он у друга.

Тот тужился-тужился, но в конце концов вынужден был сдать-ся. Тогда Суменов протянул орехи мне, и я с легкостью их расколот. Он заулыбался и посмотрел на друга:

— Видал?

С тех пор я прослыл на нашей улице силачом.

Ежедневные тренировки по пять часов в день давали хорошие результаты. Мои «выступления» с купцом Суменовым продолжались вплоть до нашего переезда на улицу Красноармейскую в 1929 году.

АНЮТА

В школе, начиная с четвертого класса, завели порядок: каждый мальчик должен был иметь невесту, а каждая девочка — жениха.

Когда Митя Бугаев узнал, что у меня еще нет невесты, он меня обсмеял и на перемене привел из третьего класса девочку. Он заставил нас обняться и объявил нас парой. Мою пару звали Анюта, и она была настоящей русской красавицей с длинной косой и огромными белыми бантами. Я был очень стеснительным мальчиком, и поэтому целый год боялся даже заговорить с ней. Но после истории в Бирагзанге (о которой расскажу ниже) я приехал совсем другим человеком. Первым делом я пригласил Анюту в кино, но она отказалась и предложила сходить в Монплезир (городской парк).

Анюта оказалась очень начитанной и скромной девочкой, прекрасно разбиралась в музыке (в отличие от меня), играла на пианино, сочиняла стихи и делала гербарии. Целый год мы дружили, а потом Анюта просто пропала. Я начал расспрашивать ее одноклассников, но никто ничего не знал. И только когда учительница посоветовала мне ее не искать, я обо всем догадался.

Через полгода стали доходить слухи, что ее отца арестовали, а семью куда-то сослали.

В 1949 году я с командой возвращался из Караганды. На одной из коротких остановок я выскочил на перрон — купить что-нибудь. На перроне стояли две женщины и торговали пирожками. У одной не было кисти, но тем не менее она умудрялась очень ловко нализывать вилкой и заворачивать товар. Когда я покупал у нее пирожки, Бази Кулаев крикнул из окна вагона:

— Лесик! Мне пару возьми!

После этих слов женщина без кисти буквально впилась в меня глазами, но я как-то не придавал этому значения. А когда уже запрыгивал в вагон, то услышал позади:

— Лесик...

Обернулся и вижу: женщина смотрит на меня, смотрит и плачет. В чертах лица было нечто мучительно знакомое, но я никак не мог припомнить, откуда знаю ее. И только когда поезд набрал скорость, я вдруг понял, что это была Аня.

БИРАГЗАНГ

У моего прадеда (отца моей бабушки) Хаца был еще брат. Потомки этого брата жили в Ардоне, Алагире, а одна тетя по имени Варочка была замужем за Агубе Габуевым, и жили они в Бирагзанге. Когда я учился в пятом классе, тетя Варочка уговорила мою мать забрать меня на лето к ним в село. Пробыл я там каких-то два месяца, но они остались в моей памяти на всю жизнь.

Агубе, муж моей тети, был высокий, красивый, сильный мужчина. По приезду я сразу показал ему свои силовые фокусы с орехами, подтягиванием, отжиманием, и, естественно, он сейчас же взял надо мной педагогическое шефство.

На второй день на улице местные ребята обманули меня и обыграли в альчики, а когда я стал возмущаться, один, самый большой, ударил меня по лицу. С детства я был очень робкий, хотя чувствовал, что могу постоять за себя. Но я промолчал и пошел с опущенной головой домой.

Все это дошло до Агубе. Вечером он подозвал меня и спрашивает:

— Лесик, ты, случаем, не трус? Как этот мальчик посмел тебя ударить? Даже если ты слабее, все равно должен был дать ему сдачи. А теперь тебя будут бить и другие.

— Так я же гость, один, а их много, — угрюмо отозвался я.

— Да ты, я вижу, больше арифметик, чем храбрец! — ухмыльнулся Агубе. — Чего ты их считаешь? Побей их, потом считай. Это улица, а не ринг, здесь другие правила.

Три дня я настраивался и наконец вышел на улицу играть в альчики. После очередного обмана тот же мальчик захотел прикарманить мои альчики, но я сжал их в кулаке и говорю:

— А вы заберите!

Они схватили меня за руку, но даже вдвоем не сумели разжать мой кулак. И вот когда этот мальчик замахнулся для удара, он так получил от меня в грудь, что сложился пополам и упал. Двое других бросились на меня, но и им хорошенько досталось. Вдобавок

в качестве трофеев я забрал все их альчики и так вернулся домой.

За всем наблюдал из окна Агубе. Когда я зашел в дом, он сказал почти торжественно:

— Вот теперь, Лесик, ты показал, что ты настоящий мужчина!

— Какие-то они все слабые... — пробормотал я.

— Нет, Лесик, — возразил Агубе, — они не слабые, это просто ты сильный.

На следующий день проучить меня привели главного местного драчуна. После первого же удара он не смог подняться.

Это был перелом всех моих представлений о себе. В город я приехал уже другим — уверенным и смелым парнем.

КУРСКАЯ СЛОБОДКА

Весь город в народе делился на слободки: Осетинская, Малаканская, Курская, Шалдон и Александровская. Молодежь слободок враждовала между собой.

Мы сначала жили на Осетинской слободке, потом отец продал дом и купил на Курской. Этого было достаточно, чтобы придраться к «пришлым». Надо отметить, что среди молодежи шли довольно жесткие разборки, но в то же время существовал джентльменский кодекс чести: не бить лежачего, не нападать толпой, первая кровь останавливает драку.

Наша «прописка» на улице Красноармейской произошла довольно своеобразно: как-то раз соседский мальчик стал травить собаку на нашу сестру Валю. Естественно, мой младший брат Георгий выскочил и палкой врезал собаке, а затем и хозяину. На шум появился его старший брат, бросился на Георгия, и уже мне пришлось его «успокоить». Но самое забавное случилось после, когда вышел соседский отец семейства и стал в матерной форме звать моего отца. Вместо отца вышла моя мать и заехала ему ладонью так, что он рухнул как подкошенный.

Этот случай потом часто рассказывали соседи, включая самих виновников ссоры.

Окончание следует.

Бимболат БТЕМИРОВ

«Я ПОТЕРЯЛ СВОЕ ИМЯ...»

ВОСПОМИНАНИЯ

В камере. Расстрел¹

Из двадцати четырех часов самые худшие были вечерние от восьми до двенадцати ночи, если этот отрезок времени прошел благополучно, то, значит, нет расстрела. Тогда, казалось, до утра можно спать спокойно. Однако здесь жизнь устроена так, чтобы люди были лишены покоя круглые сутки и чтобы наши нервы никогда не отдыхали. Если днем мы имели неприятности в одном виде, с вечера до полуночи переживали кошмарный страх расстрела, то ночь приносила нам свои неприятности в другом виде. Слишком большое скопление людей в камере не давало нам возможности создать хоть какое-нибудь удобство и хотя бы иметь возможность посидеть, походить несколько шагов свободно, а ночью протянуть ноги во весь рост.

Вся площадь камеры, включая место и под нарами, была распределена на тридцать три части для ночлега, за исключением небольшого клочка площади под ведром с питьевой водой в одном углу и под вонючей парашей в другом. На нарах полагалось от пятидесяти до шестидесяти сантиметров ширины на одного человека. На полу по некоторым соображениям эта норма была увеличена до семидесяти сантиметров. Порядок этот был основательный и твердый, каждое место имело метки, обозначенные выборными людьми и старостой камеры. Каждому заключенному было отведено место лежанки на ночь как бы в его собственность, днем же вся площадь камеры превращалась в общую для всех заключенных. Лучшие места на нарах были отведены более старым

Продолжение. Начало см.: Дарьял. 2024. № 1.

¹ Название «В камере. Расстрел» дано издателем.

арестантам, пребывающим в этой камере много месяцев, и городской интеллигенции, а сельчане спали на полу. Ширина камеры равнялась приблизительно росту двух человек в лежачем положении, таким образом получалось два ряда на открытой площади, т. е. один на нарах, другой на полу. Третий ряд ложился под нарами, причем головы этого ряда выступали немного наружу, чтобы можно было дышать, а ноги и туловище до самых плеч уходили вглубь под нары. Наихудшими местами считались лежанки у самой параша, эти места давались новеньким арестантам, не имеющим еще стажа камерной жизни. Нужно много месяцев пребывать в камере, прежде чем новичок дойдет до нар, т. е. на расстояние всего один метр, разумеется, если за это время он не будет расстрелян.

С наступлением вечера у нас всегда менялось настроение, даже тогда, когда не бывало никаких признаков приготовления к расстрелу. Вечная неизвестность и разные хитрые коварные уловки чекистов всегда пугали и давили нас своей тяжестью. Каждый вечер был для нас тяжелым и тягостным, именно в эти часы мы были расстроены и озлоблены больше, чем в другое время. Вероятно, это и было главной причиной споров и нежелательных сцен в камере перед сном между заключенными за место лежанки, так как всякому из них хорошо было известно его место. Другой раз стоило немало трудов старосте и более сознательным из заключенных, чтобы урегулировать этот несложный вопрос бесшумно, так как в ночное время дневальный запрещал нам громко разговаривать и чаще заглядывал к нам через «волчок». В конце концов споры кончались, все ложились спать на своих лохмотьях, но это еще не все, споры возникали и во время сна, даже худшие.

При всех обстоятельствах, даже наихудших, всюду нужно уметь применять особое свое внимание к деталям и изучить основательно обст[ан]овку жизни, иначе вы совершите ошибку. Вот мы ложились спать, казалось, что тут особенного или хитрого, между тем и здесь нужно уметь. Прежде всего, с самого начала нужно лежать на спине, чтобы ваше растянутое тело заняло всю площадь, принадлежащую вам по праву. Стараться всю ночь спать, не меняя положения своего тела, если же вздумаете перевернуться и спать на боку, то вы рискуете потерять по крайней мере десять сантиметров из шестидесяти вашего места. Оба ваши соседа, сжимавшие вам бока до этого момента, как пружины, немедленно займут часть вашего места, неосознанно, даже не просыпаясь. Еще хуже вы можете осложнить свой отдых и сон, если вздумаете ночью встать с места внезапно по естественным надобностям, ибо ваши соседи по обе стороны, почувствовав

рядом свободное место, механически займут его до вашего возвращения от параши. В этом случае вы будете вынуждены или поднять скандал, будить людей и доказывать им свое право на только что потерянное место, или же просидеть до утра на свободном клочке площади у самой параши, другого места, свободного, куда можно встать ногами, вы в камере не найдете.

Допустим, что вам удалось вновь занять свое место и вы лежите на спине, это еще не значит, что можно успокоиться и крепко заснуть до утра. Ваши соседи по бокам могут оказаться беспокойными: один громко бормочет во сне, почти у вашего уха, ругается с кем-то, сводит с ним старые счеты, другой сосед ваш выкидывает номера еще хуже, он отвратительно храпит, как полужарезанный, не дает покоя своим рукам и ногам. Устав от дневной суеты, от всей поганой камерной жизни, от постоянного вида голых грязных мужских тел и прикосновений к ним, вы начинаете все же дремать. Не успели вы еще заснуть как следует, вдруг неожиданно вы получаете хороший удар прямо по голому вашему животу ногой услужливого соседа. Вы чуть было не подскочили на месте, сразу не поняв, в чем дело, с возмущением сильным толчком вы отбрасываете обратно чужую ногу со своего живота. Сила удара по животу вам причинил[а] боль, вам это очень неприятно, не говоря о том, что ваш сон прерван, вы расстроились, проклинаете свою жизнь, и, только слыша с дальнего конца камеры подобную же сцену, вы успокаиваете самого себя: ведь я же не один, мою участь переживают вся наша камера, все подвалы нашего отдела ГПУ и миллионы подобных нам людей в огромной Советской России. Вы немного успокоились, сон начинает опять вас брать, мысли прервались, вдруг будит вас громкая ругань с другой стороны, в двух метрах от вас, не успели вы послать им свое проклятие, как получаете второй молниеносный удар опять по животу той же самой ноги вашего беспокойного соседа. Спи спокойно после всего этого, усни, бывший советский «свободный» гражданин, бывший член бесклассового общества, успокой свои железные нервы и жди свою участь, что дадут тебе еще грядущие дни.

Однако это еще не все, ночные переживания далеко не кончились, в камере именно во время сна вас ждет неприятность совсем другого рода, продолжающаяся до самого утра. Кроме заключенных, в камере проживали разные насекомые в большом количестве: тараканы, [в том числе] прусаки, клопы и прочие. С вечера они выходили из своих гнезд группами и поодиночке, кто на охоту, дабы пососать чужую кровь, кто просто на прогулку на правах советского своб[од]ного гражданина. Тараканы, и особенно прусаки, очень забавны, они не кусаются и не приносили нам

особенного вреда. Если отбросить в сторону нашу общепринятую брезгливость и внимательно присмотреться к их жизни, то всякий может убедиться, что в них никакой грязи нет, наоборот, они даже симпатичны. Правда, они по ночам беспокоили нас во время сна, бегая быстро по нашим голым телам в разных направлениях. Приятного мало, нежелательно, но что делать, у них ножки жесткие и очень чувствительно раздражают голое тело. Они ведут раз[н]уз-данную жизнь — очевидно, пример взяли со своих хозяев-чекистов, бестолково бегают в разные стороны. Если они бегают по телу, то это еще полбеды, другое дело, когда какой-нибудь дурной прусак во время сна заскочит вам вглуб[ь] открытого рта, в ноздри, в ухо, — конечно, это уже нахальство. Выходки таких нахалов нежелательны и неприятны для заключенных в камере, зато желательны и приятны тому, кто посадил нас в эту камеру. Однако они все же безобидные насекомые, бегают спешно не для того, чтобы причинить кому-то вред, а потому, что они просто голодны и ищут, где бы им поживиться едой, кроме того, они крайне любопытны. Признаться, нам они изрядно надоели, ибо их было бесчисленное количество взрослых, подростков и совсем маленьких детей.

Однажды наш общий любимец и забавник Кацман взял кусок мякоти черного хлеба, намочил его слегка водой, помял пальцами, и получилось тесто, перед сном он прилепил его к стене над своей головой. Через некоторое время тараканы и прусаки окружили кусок теста такой густой толпой, что заняли площадь вокруг него в диаметре полметра на стене. В следующую ночь перед сном мы все проделали то же самое, и с этого дня беготня их по нашим телам значительно уменьшилась. Кацман был в восторге от своего изобретения, каждый вечер перед тем, как ложиться спать, мы отрывали хлеб от скудного пайка, аккуратно прилепляли на стене кусок теста, и насекомые его с такой же аккуратностью съедали до утра.

Таким образом из бывших врагов мы превратились с ним[и] в настоящих друзей. Характерно также заметить, что эти малюсенькие животные привыкли к кормежке и вечером заранее уже собирались группами на тех местах стены, где прилеплялся хлеб. Днем они отдыхали где-то в разных щелях, редко когда какой-нибудь шальной выскакивал наружу и опять прятался. Однако мы их находили в гнездах, когда нам нужно было для игры одна или две пары тараканов-однолеток, т. е. ростом одинаковых. Игру эту мы называли скачками, так как она представляла из себя нечто вроде скачек. На нарах или просто на полу чертили круг диаметром примерно около метра, а в центре — второй маленький круг. Каждый

игрок ставил своего таракана в маленький круг и придерживал его пальцами. Тараканы терпеливо ждали, симпатично крутили своими усиками, затем по сигналу пускались они из маленького круга. Выигрывал тот игрок, чья воображаемая «лошадь-скаун» пересекала раньше других линию большого круга. Тараканы ловились опять, и игра возобновлялась вновь. Ставок не было никаких, так как у нас вообще ничего не было: ни денег, ни других предметов. Все было отобрано еще при обыске у каждого в комендантской, в первые же минуты его пребывания в доме ОГПУ. Поэтому игра в скачки кончалась всегда впустую, зато она давала нам возможность убивать наше скучное, нудное время, так как абсолютно нечем было занят[ь]ся: ни книг, ни газет к нам не допускали.

Другое дело клоп, он просто дрянь, и ничего симпатичного в нем нет. Клоп — большой ночной разбойник, его ненасытную и кровожадную натуру можно сравнить с хищными зверями — с волком, с тигром и т. д., а также с ГПУ. Он вылезает из своего места только ночью, избегает света, подкрадывается к голому телу и высасывает кровь до тех пор, пока не надуется весь. По кровожадности он сильно напоминает чекиста, у него есть также свои уловки, довольно ловкие и хитрые. Одна из этих уловок его очень забавна и по хитрости ничуть не уступает уловкам нашего грозного коменданта. Неизвестно только, составляет ли клоп заранее план своих действий, как наш комендант. Ночью во время сна он лазит по стене до самого потолка, а потом, немного пройдя по нему, бросается вниз прямо на голые тела людей. Хорошо, если вы в этот момент не спите и заметили его хитрую уловку, а если вы успели погрузиться в глубокий сон, то вы получите укол с потерей капли вашей жиденькой крови. Но это еще полбеды, результаты уловки ничтожного клопа могут быть гораздо хуже, если он, сорвавшись с потолка с быстротою пули, попадет вам прямо в открытый рот. Спросонья, не разобравшись, в чем дело, вы обязательно раздавите его между зубами. Тогда вы сразу поймете, что это за отвратительная тварь. А вонища от него какая, и вкус какой гадкий! Три дня нужно выплевывать слюни, и все же будете чувствовать противный вкус во рту, а память от хитрой уловки маленького клопа сохранится у вас надолго.

Нудные дни в камере проходили однообразно и настолько похоже друг на друга, что иной раз в памяти трудно было установить точно, когда именно произошли те или иные особые случаи в нашей жизни, вчера или неделю тому назад. Самые лучшие часы дня были рано утром, когда не было страха расстрела. Заключенные торопливо готовились к выходу на прогулку, каждый надевал

брюки, обувь и набрасывал на голое тело измятый грязный пиджак. Каждую камеру выводили на прогулку отдельно во двор и по истечении пяти минут возвращали заключенных обратно в свою камеру, запирали двери засовами и грубыми замками и только тогда выводили следующую камеру. Все предосторожности строго соблюдались для того, чтобы заключенные из разных камер не встречались, не видели друг друга в тесном коридоре или во дворе. В самом начале, как только начиналась прогулка, окно наше закрывалось снаружи заслоном, чтобы мы были лишены возможности видеть во дворе находящихся там заключенных, выводимых из камер. Мы строго были предупреждены также под страхом строго[го] наказания не смотреть в окно на двор во время прогулки других камер. Однако мы изредка нарушали этот приказ, временами любопытство брало верх, мы смотрели во двор на других заключенных, прохаживающихся по двору быстрыми шагами.

Однажды во время очередного допроса следователь в своем кабинете строго предупредил и пугал меня наказанием, если я не прекращу свои наблюдения в окно во время прогулки. Конечно, я сознавал, что смотреть во двор было нарушением порядка, но у меня была особая цель, я хотел знать после каждого расстрела, жив ли еще мой дядя. Теперь же после нагоняя в кабинете следователя я больше не подхожу к окну, по крайней мере по утрам. Очевидно, в нашей среде был или шпик, или просто трусливый болтун, который рассказывал следователю наедине во время своего допроса о нашем поведении в камере.

Всегда с нетерпением мы ждали нашу очередь, одетые кое-как и готовые выскочить в любую минуту. Наша камера напоминала собой настоящий муравейник: сравнительно небольшое помещение в тридцать пять — сорок квадратных метров вмещало тридцать три человека живых людей, которые страдали от обездвиживания не меньше, чем от удушливой вони и отсутствия свежего воздуха. Кроме того, в камере занимали место ведро с питьевой водой, грязные наши цинки, одеяла, войлоки и прочее барахло, днем сложенные в кучу, и особое место занимала в углу наша параша, к которой подходили ежеминутно, а она издавала кошмарную вонь. Сгущенность людей в камере настолько давала себя чувствовать, что мы уставали друг от друга, от прикосновения к чужому голому телу непрерывно днем и ночью. Верхняя одежда наша целые сутки валялась в разных местах под нарами, где попало, и лишь утром перед выходом на прогулку каждый разыскивал свой пиджак или обувь. Легко можно себе представить, как скоро можно найти свою вещь в таких суете и хаосе. Пред-

положим, что вы нашли даже пиджак и ботинки, но как их надеть? Присесть для того, чтобы обуть ботинки, нет места, это совершенно невозможно. Если же надевать обувь стоя, вы вынуждены приподнять ногу хотя бы сколько-нибудь или же нагнуться вниз к ней; и в этом, и в другом случае вы успеете получить десять сильных толчков с разных сторон, прежде чем успеете приступить к делу. Ухитритесь теперь вы не только надеть ботинки, но вообще удержаться на своих исхудалых, слабых ногах; при таких толчках еще хуже дело обстоит, когда у вас тесные сапоги. Не лучше было с процессом надевания брюк, а особенно пиджака. Для того чтобы вдеть руку в рукав, необходимо вытянуть ее. А куда вы прикажете? В какую сторону? Когда густая толпа со всех сторон давит бока и насаждает на спину?

В передачах сельчан по субботам иногда попадались вареные куры, мы выдалб[л]ивали в стене отверстие нашим чабанским ножом и из костей этих кур устраивали вешалки для легкой одежды, это давало нам большое удобство. Обычно вешалками этими мы пользовались до первого очередного обыска, чекисты в поисках чабанского ножа во время нашей прогулки переворачивали всю камеру вверх дном, срывали все косточки и уносили их с собою, разбросав все вещи по полу.

<Прогулка была коротенькая, продолжалась она всего пять минут, но все же была прогулка, т. е. движение, мы успевали сделать несколько десятков полных шагов по двору, вытянуть руки по сторонам, поднять их наверх несколько раз наподобие гимнастики и тем самым размять уставшие, отяжелевшие свои члены от сидячей, бездеятельной жизни, тянувшейся месяцами, надышаться свежим воздухом глубокими вдохами, после чего кашляешь, как от настоящей чахотки, и всполоснуть лицо холодной чистой водой.>²

Однажды, в одно ноябрьское утро, мы поднялись раньше, чем обычно. На дворе, вероятно, предстоял солнечный день, тусклый свет, всегда скупо проникающий через наше окошко в глубокую яму, казался теперь ярче. Мы оделись кое-как не спеша и с нетерпением ждали свою очередь на прогулку. Почему-то всегда начинают выводить с дальнего конца коридора, и этот заведенный порядок никогда не нарушался. Нам пришлось ждать долго одетыми, мы сильно потели и задыхались от духоты. Заслон уже был за окном, я стоял недалеко от двери в густой толпе. В это время по коридору проходили вернувшиеся с прогулки заключенные какой-то другой камеры, мимо наших дверей. Вдруг неожиданно я услышал ясно свое имя с коридора, произнесенное голосом моего родного дяди, и одну фразу: «Жив ли ты?» Я остолбенел от

² Здесь и далее текст, заключенный в угловые скобки, вычеркнут автором. — Изд.

неожиданности, ибо мне ничего не было известно о его аресте и водворении сюда, в подвал ГПУ. Судя по тому, что ему было известно, в какой камере я нахожусь, можно было предполагать, что он арестован позже меня, а не одновременно со мною в ту ночь, и номер моей камеры он мог знать от моей семьи. Теперь только я вспомнил о подобном случае вчера утром, также во время прохождения заключенных по коридору. «Бедный мой дядя, — подумал я со скорбью, — и ты очутился здесь, в темных подвалах ГПУ. Кто же теперь будет кормить твою большую семью? Твое ли место здесь, в капкане безжалостных, озверевших людей? Какую опасность представляешь из себя ты для “великой” советской власти? Не ты ли являешься подлинным тружеником земли, от имени коих создана эта самая “великая” большевистская революция?»

Почти каждое утро дядя, проходя мимо нашей камеры, звал меня и повторял свой вопрос, удавалось ему это потому, что ни дневальный, ни красноармейцы, выводившие заключенных с винтовками в руках, не понимали наш язык. Как-то в одно утро дядя опять позвал меня, и я успел ему ответить: «Я здесь, жив». На этот раз красноармеец, очевидно, догадался, в коридоре поднялся громкий крик и отвратительная ругань. Красноармеец требовал, кричал громко и повелительно: «Кто это посмел нарушить дисциплину?» Однако, насколько можно было судить по всему, никто не выдал моего дядю, и все умолкло, а заключенные мирно вошли в свою камеру. «Боже мой, что я наделал?» — думал в отчаянии я, испугавшись за участь своего дяди.

Наконец настала очередь нашей камеры, дверь открылась, за порогом показался дневальный.

— Выходи, — громко крикнул он в камеру.

Мы вышли гурьбой, быстрыми шагами, теснясь по узкому полутемному коридору. По сторонам стояли вооруженные красноармейцы, которые вышли за нами во двор, а там их стояло еще несколько человек также с винтовками. Сырой прохладный воздух солнечного нояб[р]ьского утра во дворе на нас действовал, как выпитое хорошее вино натошак. Какими счастливыми мы были когда-то, будто давно-давно, когда вдыхали этот свежий воздух вволю, когда ходили куда хотели широкими шагами, теперь мы превратились в каких-то крыс, вечно сидящих в норе.

Очутившись во дворе в окружении красноармейцев, наблюдающих за вами, как кошка за мышкой, за каждым вашим движением, вы должны исполнить целый ряд обязанностей в короткий срок. Как только успели подняться во двор, вы направляетесь быстрыми широкими шагами к кранам, глубоко вдыхая свежий воз-

дух в свои легкие, загрязненные и провонявшиеся от долгого пребывания в камере. Одновременно на ходу вы делаете гимнастику руками, наклоняя туловище то в одну сторону, то в другую сторону. У кранов вы всполаскиваете лицо холодной свежей водой несколько раз, затем два-три раза скорыми шагами успеваете пройти вдоль двора, продолжая свою гимнастику, и срок прогулки уже прошел. Все заключенные до единого начинают кашлять и выплевывать всю мразь, собранную на легких за сутки. Необходимо также соблюдать дисциплину во дворе, разговаривать не полагалось вообще, особенно не заглядывать в окна других помещений, в частности в раздевальную, если она случайно осталась открытой, или в комендантскую комнату. При малейшей неосторожности или нарушении дисциплины вы можете получить удар прикладом винтовки «внесистемный» по тому месту, по которому пожелает красноармеец. Если же нарушение будет иметь более или менее серьезный характер, то вас ждет одиночная камера, со всеми видами наказания уже по установленной системе.

— Заходи! — закричал один из красноармейцев, по-видимому старший.

Заключенные нехотя повернулись к общему входу в подвал и начали спускаться вниз. С левой стороны, совсем близко к самому спуску, мы заметили стоящих трех человек, отличающихся от других красноармейцев своими фигурами и блестящей чистой одеждой — формой войск ГПУ. Присмотревшись к ним, еще издали я узнал в одном из них грозного начальника нашего ОГПУ, в другом — коварного нашего коменданта. Они стояли недалеко друг от друга позади, а в двух шагах впереди их над ступеньками спуска стоял третий и внимательно наблюдал за спускающимися заключенными, почти в упор заглядывая каждому в лицо. Оба наши начальника стояли без движения молча, а руки были опущены вниз по швам. Из всего этого можно было понять, что стоящий впереди неизвестный был большой человек — вероятно, один из крупных чекистов, прибывший сюда из Москвы.

Ростом он был ниже среднего, худой, фигура совсем невзрачная, с отталкивающими чертами лица настоящего преступника, нос был слегка вздернут, щеки впалые, острые скулы выпукло выступали на бледном лице, глаза его были узки и продолговаты, взгляд острый, ядовитый, пронизывающий, на лбу под козырьком форменной фуражки были мелкие, длинные, некрасивые складки, тонкие губы его были сжаты, а бритый подбородок выступал вперед. Этот человек даже в штатской одежде должен был произвести особое впечатление на всякого, но теперь, одетый в грозную форму войск ГПУ с ромбами на петлицах, он мог напугать

страх на любого гражданина. Нужно было видеть его сосредоточенное злое лицо, его дерзкую, свое[о]бразно высо[ко]мерную позу, каким воровским, змеиным взглядом он рассматривал каждого заключенного в отдельности, медленно спускающегося по ступенькам совсем близко. Его ничтожная, жалкая фигура, несмотря на принятую им надменную позу, в сравнении с позади стоящими крупными, упитанными, с красными толстыми шеями двумя нашими начальниками напоминала тощего, исхудалого горского ишака рядом с тяжеловесными тамбовскими ломовиками. «Вот где оригинал для художника, — подумал я, — который бы задумал изобразить на полотне изверга, дьявола или палача-садиста, отобразить точно выражение его звериных хищных глаз как символа зла в назидание будущим поколениям».

При спуске вниз по ступенькам я имел неосторожность посмотреть в сторону большого чекиста, и на один миг наши взгляды встретились, меня дернуло, как от укуса ядовитой змеи, я быстро отвел глаза в сторону и ускорил свои шаги. Когда же поравнялся с ним, над самой своей головой я слышал его голос и короткое слово «мерзость». Неизвестно, относилось ли это слово лично ко мне или оно было сказано в адрес всех заключенных вообще. Мы привыкли ко всяким видам опасности, постоянно находились под страхом расстрела, жизнь наша не так уж была дорога, но все же взгляд большого московского чекиста настолько пронзил меня, что холодная дрожь прошла по телу с головы до ног, и долго я не мог его забыть. «Черт меня дернул любопытствовать, нужно было мне поймать поганый взгляд московского палача», — каялся я впоследствии много раз. Вообще я имел дурную, глупую привычку заглядывать туда, куда не следует, и мне она не один раз повредила впоследствии в моей арестантской жизни, продолжавшейся несколько лет. Моя ошибка заключалась в том, что я никогда себя не признавал арестантом, ни перед каким начальством, здесь нужно ходить с опущенной головой и опущенными вниз глазами, как на похоронах, а также обладать смирением и покорностью настоящего барана.

В камере мы застали полный хаос: наши одеяла, войлоки, циновки и прочее валялись на полу разбросанные, висевшие на стене на примитивных вешалках рубашки и головные уборы были сняты и тоже валялись на полу, а куриные кости исчезли. Видно, чекисты произвели опять обыск по какому-то случаю, черт знает, что они ищут. Если они хотели обнаружить наш чабанский нож, то он находился вовсе не в камере, а во дворе, т. е. у них, а не у нас. Вскоре возня с прогулкой закончилась, мы собрали все свои вещи

и сложили их в кучу. Дверь вновь открылась, высокого роста казак, бывший гвардеец конвоя императора Николая Второго, поднес к порогу камеры железное оцинкованное ведро, наполненное горячей кипяченой водой.

— Давай, бери чай! — громко закричал дневальный, стоящий там же, за порогом.

Заключенные подходили по одному с кружками в руках, казак наливал каждому порцию по особой мерке в виде половника, равняющегося примерно полутора чайным стаканам. Нужны были предосторожность и внимание для того, чтобы донести благополучно в толпе этот ценный напиток до того места, где вы намерены присесть для чаепития. В одной руке кружка с горячей водой, а в другой руке вы сжимаете, чтобы их не уронить, два-три мизерных кусочка сахара, прибавьте сюда еще двести граммов черного хлеба из четырехсот, получаемых в сутки, и завтрак ваш готов.

Кипяток был роздан, все заключенные разместились кто как умел, чаепитие продолжалось молча. В это время со двора раздался стук колес и топот лошадиных копыт въезжающих одноконных арб. Всеведающий Бекир медленно встал с места, не спеша подошел к окну, взглянул во двор и вернулся так же не спеша, чтобы никто не заметил его подозрение и заранее не пугать людей, особенно новых, еще не привыкших к нашей обстановке. Садясь вновь на свое место, он как бы нечаянно толкнул меня и шепотом передал мне, что во двор привезли песок, а сам нахмурился и безнадежно покачал головой. Такой факт скрыть никак невозможно, некоторые из заключенных заинтересовались, видели песок и отъезжающие арбы. Возник разговор. «Для чего там песок?» — спрашивали неопытные или новички. В таких случаях Бекир не только всегда успокаивал малодушных, неопытных или новичков, не только скрывал от них предстоящие опасные события, но и уговаривал нас, также догадывающихся и смыслящих в некоторых делах, чтобы не болтали лишнее и не пугать заранее людей. Он был верующий человек, вел себя твердо и уверенно.

— Все равно, — говорил он, — что предназначено свыше каждому из нас, того не миновать... Песок, наверное, привезли для ремонта зданий или печей. Стоит ли обращать внимание на такой пустяк? Какое наше дело?

Обеденное время прошло давно. Сегодня дали нам нашу похлебку раньше, чем обычно, и вообще день казался особенно нудным, погода менялась. На том клочке неба, что видно из нашей ямы через верхушку окна, движутся черные тучи — видно, будет непогода.

Группа заключенных расселась на полу большим кругом, а в самом центре важно сидел молодой «гадальщик» Хаджумар со своим стаканом, наполненным водой, гадание шло вовсю. Люди спорили между собой, не уступая очереди друг другу. Часть заключенных сидела на нарах по два, по три человека и мирно вела беседу.

— Человек — удивительное животное, — начал говорить Кацман, облокотившись о стену, сидя на голых досках нар, обращаясь к ближайшей группе людей. — Жизнь — мудреная штука, можно с уверенностью ручаться за то, что из тысячи человек девятьсот девяносто девять не понимают ее. Подумайте только, как разумно и красиво устроена жизнь, какие ценности в этой самой чудесной жизни: зеленые равнины, высокие горы, дремучие леса, моря, реки, а роскошные душистые цветы разнообразной окраски и формы. Красота!

Кацман восхитился и ругал себя:

— А я, глупый дурак, все это не замечал на воле. Нужно было посадить меня в вонючий подвал ОГПУ и держать здесь под постоянным страхом расстрела для того, чтобы я понял всю прелесть жизни. Дай бог здоровья советской власти, она совершила во мне чудо, она дала мне новое, для меня неведомое мировоззрение. И если мне суждено выйти отсюда живым на волю, то я уже философ.

Кацман что-то начал говорить еще, в это время со стороны коридора раздались голоса и шаги людей, а потом звон ключей дневального. Беседа мгновенно прервалась, гадание прекратилось, наступила абсолютная тишина, так бывает, когда хищный ястреб низко пролетает над стаей воробьев. Люди с полуоткрытыми ртами, подняв головы, напряженно прислушивались. Здесь нужно пояснить, что в это время дня в коридоре, кроме дневального, никого не бывает и что всякое другое движение теперь там имеет свою особую причину и значение. Наученные горьким опытом, мы об этом знали. Заключенные молчали, только Бекир, опустив свои большие брови, проговорил:

— Пока ничего плохого нет.

Тут мы вспомнили про песок, привезенный утром во двор ОГПУ, две или три арбы, значение коего новичкам не было известно тогда. Было около часа или двух часов дня. Мы знали, что в это время расстрелы не бывают, однако страх от этого не уменьшался, ибо всякий неизвестный шум или случайный стук всегда пугали нас, как трусливого зайца. Чекисты ходили по коридору, открывая и закрывая камеры на дальнем конце. Ясно, что-то происходило, но что именно, мы не могли разобрать. Страх неизвестности был велик, люди разговаривали шепотом между собою. Приближение

смерти — величайший момент в жизни каждого человека, а насильственной смерти тем более. Она страшна для всякого, и никто ее не желает. Нельзя сказать, что мы храбро вели себя в этой адской обстановке, в особенности во время расстрелов, когда человек тупеет и вообще не в состоянии соображать. Каждый из нас думал, что заберут именно его. Постепенно шаги и голоса в коридоре приближались в нашу сторону, все стало слышнее. Наконец подошли и к нашим дверям. Лязг многочисленных ключей дневального, подбирающего ключик к нашим замкам, страшно действовал на наши истрепанные нервы. Через минуту открылась дверь камеры, смертельно испуганные взоры всех обитателей камеры, как по команде, направились на стоящих у порога чекистов.

— Кто хочет бриться, выходи по очереди, — прокричал один из чекистов в камеру полным голосом.

Мы буквально ошелотились от неожиданности и ничего не могли понять. Что значит бриться? Как это следует понимать? Если это не очередная какая-нибудь дьявольская уловка, а простое бритье заросшей бороды, то каждый из нас с великой радостью готов согласиться сбрить все волосы, даже на голове, лишь бы сама голова осталась целой. Это был один из тех тяжелых моментов, когда оглушенное страхом сознание просыпается вновь и постепенно приходит в более или менее нормальное состояние. Люди начали разговаривать, и лица их как будто немного прояснились, кроме лица Бекира, которое по-прежнему несколько не изменилось. Он стоял на том самом месте, где был в момент открытия двери камеры, и сурово смотрел в угол. Желающих бриться оказалось мало. Выходили по одному, а дневальный каждый раз при выходе и входе заключенного аккуратно закрывал дверь, и при каждом его движении звенели ключи, висевшие у него на широком кожаном поясе.

— Что загрустил, старина, — обратился Кацман к стоящему еще там же Бекиру не совсем уверенным голосом, хлопая его по плечу. — Трусы мы все, вот и все, ложная тревога, кричи «ура».

Бекир серьезно посмотрел на него, как бы упрекая его, не произнося ни слова. По всему было видно, что это была одна из хитрых уловок для начала. Никогда не было случая, чтобы сюда, в коридор нашего подвала, пригласили парикмахера для господ арестантов. Кацман больше не настаивал, опустил голову и отвернулся в другую сторону. Я так же, как и многие, колебался долго: выходить или остаться с бородой. Однако, когда подумал, какое неудобство создает борода при поспешно[м] споласкивании водой лица по утру, решил выйти. Настала моя очередь, я

вылез из толпы и вышел из камеры. В коридоре по сторонам у стен стояли два чекиста в штатских костюмах с готовыми наганами в руках. Парикмахер, по-видимому приглашенный из города, стоял в ожидании как раз против входных лестниц, так как сюда падал дневной свет. А у самого спуска, внизу, недалеко стояли два красноармейца с винтовками. Парикмахер посадил меня на табуретку спиной к лестницам, и таким образом началось бритье. Воздух здесь был гораздо чище, я с наслаждением глотал его, но удовольствие мое продолжалось недолго. Парикмахер сильно нервничал, рука его дрожала, очевидно, он здесь первый раз, и грозная обстановка ГПУ пугала его. С быстротой молнии нервозность его перешла ко мне, я вспомнил свое колебание и глубоко пожалел, что вышел из камеры добровольно. Еще не успел парикмахер закончить свою работу, как со двора раздался грозный голос в нашу сторону:

— Заканчивай скорее и проваливай!

Руки у моего парикмахера затряслись, он не в состоянии был продолжать свою работу, так как окончательно растерялся. Мое положение было не лучше, я не знал, что делать дальше, сидеть еще, чтобы он провел свою бритву еще раз по недобритой моей щеке, или уходить. В это время один из красноармейцев, что стояли у спуска за моей спиной, сильно ударил меня по затылку прикладом винтовки с криком: «На место!» — и посыпались ругательства. Голова моя закружилась, искры полетели из глаз. Вскочил с места я как ужаленный, но, несмотря на страх и явный риск, я все же мимолетно взглянул во двор, не поворачивая голову, и вся картина мне стала понятна. Посередине двора стоял человек тридцати или тридцати пяти лет, выше среднего роста, крупного телосложения, красный как рак, с бычьей шеей и сатанинским лицом. Одним только своим видом он мог испугать самого дьявола. Это был наш коварный комендант, можно допустить, что его произвела на свет не женщина, как всех людей, а сам сатана. Он был, вероятно, сильно расстроен, может быть даже изрядно выпил. Далее я видел несколько красноармейцев с винтовками, выходящих из комендантской во двор.

В этот самый момент по лестницам спускался со двора в коридор и далее направился в свою камеру казак высокого роста, сорока или сорока пяти лет, с военной выправкой, как впоследствии выяснилось, бывший гвардеец конвоя Николая Второго, а теперь арестант ГПУ, работал здесь днем во дворе в качестве повара. Громадные усы его висели вниз, как у настоящего старинного запорожца, а лохматые густые брови его нависли над расширенными

ми от страха глазами. Удрученный его вид, смешанный со страхом, и смертельно бледное лицо подтверждали мои догадки. Мне стало не по себе, ясно, что положение создается серьезное. Очевидно, я задержался на месте больше, чем следовало, мозги мои или приостановили свою работу совсем, или работали плохо. И только второй удар красноармейца по моей спине точно разбудил меня ото сна, и я быстрыми шагами пошел. В камере окно наше было уже заложено снаружи заслоном из старого кровельного листового железа, как обычно во время расстрелов. Это облегчало мое положение, так как не было надобности передавать своим товарищам то, что я видел во дворе и какая опасность нам предстоит, все ясно и понятно для всех.

Момент был страшный, тишина в камере абсолютная, все наше внимание, весь разум превратились в слух, и мы с величайшей напряженностью прислушивались к малейшему шороху. Тяжелые переживания в этом ожидании, пожалуй, не легче самой смерти, а время шло убийственно медленно.

— Ожидание понятие растяжимое, — говорил впоследствии Кацман, через несколько дней, когда к нему вернулся дар речи. — Предположим, что вы находитесь в условленном месте, в ожидании появления вашей возлюбленной. Перед вашими глазами мел[ь]кают, как во сне, ее стройная фигура, милое лицо, бархатные глаза, ее шелковистые блестящие волосы в красивой прическе, ангельская улыбка, посылаемая ею именно вам. Такой вид переживания в ожидании приятен для всех смертных вселенной. Или вот, вы находитесь в приятном, душевном обществе в ожидании семейного торжества, скажем, в гостиной богатого дома. Рядом, в столовой, накрывают большой стол всевозможными яствами. До вашего слуха доходит звон тарелок, металлический лязг вилок, ножей и прочих столовых принадлежностей. Вы замечаете заботливую беготню обслуживающих людей, и случайным взглядом вы видите на одном углу стол, наполненный разными дорогими напитками. После ужина предстоят музыка, танцы, карты, приятельские беседы или просто обычные сплетни. Такое переживание в ожидании тоже приятно без особых объяснений. Наконец, вы воин на боевом ф[р]онте, с оружием в руках. Вы бросаетесь в атаку на врага совместно с вашими товарищами. Вас ждет смерть, ранение или победа-торжество. Такое переживание также понятно всякому. Но, находясь в глубоком мрачном подвале, в четырех каменных стенах, под крепкими затворами и замками, в самом беспомощном состоянии, вы превращаетесь в настоящего барана.

Тридцать три барана в камере № 10 и несколько сот таких же баранов в остальных камерах находились в данный момент в ожидании позорной, насильственной смерти. В любую минуту двери камеры откроются, и хозяева могут взять любого барана на убой. Такой вид ожидания ни с чем нельзя сравнить, и переживания в нем едва ли возможно передать простым человеческим языком.

В коридоре все притихло, не слышно было никакого движения, даже шаги дневального приостановились — по-видимому, все ушли во двор. Зловещая, непонятная тишина наводила на нас ужас, нервы были напряжены до высшего предела. Некоторые из заключенных шепотом говорили между собою, высказывая свои предположения, более слабые молчали, уткнувшись носом в пол. А бедный мальчик наш, колхозный чабан Гази, рыдал навзрыд, забившись в дальний угол камеры. Старик Селим совершал намаз, торжественно произнося свою молитву на арабском языке. Он стоял на нарах лицом в сторону юга, то поднимая руки вверх ладонями к себе, то опуская их вниз, затем клал глубокие поклоны, призывая Аллаха на помощь. Лицо Бекира ничего хорошего не предвещало, а Кацман умолк, его совершенно не было слышно. Педагог же забрался в самый куток, весь съежился, сидя на нарах, и оттуда смотрел, как хорек, загнанный охотнич[ь]ими собаками. А профессор наш стоял, весь побледнев, глубокая печаль совершенно изменила его живое лицо. Наступало что-то большое и страшное.

Вообще, когда дело касалось расстрела, то каждый из нас неузнаваемо менялся, становясь одиноким, беспомощным и несчастным. Напряженное состояние тянулось мучительно долго, по крайней мере, нам так казалось. Вдруг вновь раздались шаги и голоса людей, спускающихся по лестницам со двора, числом на этот [раз] гораздо большим. Они свернули направо вдоль коридора, направляясь в дальний конец, разговаривая необычайно громко и весело. Затем до нашего слуха дошел слабый скрип отворенной двери одной из дальних камер. Через минуту раздались голоса оттуда еще громче и протяжный веселый смех целой группы людей. Этот смех здесь, в подвалах ГПУ, казался настолько диким, что мы не верили своим ушам. Воистину здесь можно лишиться последних остатков разума. Мы перегляну[ли]сь и смотрели в упор друг на друга, задавая немой вопрос: что это все значит? Как молния, искра надежды пронеслась в мыслях: «Авос[ь] вся эта шумиха нужна им, может быть, для какой-то другой цели, а не для расстрела». Что не может быть вообще в этом аду, и мы, бараны, как можем разобраться в этих дьявольских делах.

За первой камерой чекисты открыли следующую, потом третью, четвертую и так далее, постепенно приближаясь к нам. Громкий говор, шум и веселый смех не умолкали все время. Двери камер по очереди открывались и закрывались. Уже доносились к нам отдельные голоса чекистов, что-то разъясняющих заключенным. Судя по тону разговора, а также принимая во внимание веселое их настроение и смех, как будто ничего плохого не предстояло, хотя слова нельзя было разобрать. Заключенные нашей камеры начали успокаиваться, напряженное состояние уменьшилось. Мы с поразительной легкостью переходили из одной крайности в другую, смотря как складывались обстоятельства. Ибо не было между нами ни одного человека, который бы считал себя виновным в каких-либо преступлениях против власти. И если бы вот сейчас открылась наша дверь настежь[ь] и нам объявили бы полную свободу, распустили бы нас по домам, мы бы нисколько не были удивлены, а сочли бы этот поступок совершенно нормальным и вполне законным. <Очень часто вспоминал я слова одного моего бывшего сотрудника по имени Иван Иванович. Он был человек старый, интеллигентный, начитанный. Ему очень не нравились порядки в советских учреждениях еще в первые годы советской власти: безобразная волокита, бестолковые приказы и распоряжения. Во время занятий, наталкиваясь на какое-нибудь новое абсур[д]ное распоряжение, он вечно повторял одно и то же: «Подумаешь, подумаешь и ничего не скажешь».> В данном случае что можно сказать относительно нашего положения? Где правда, где справедливость, кому жаловаться, где законы, созданные веками цивилизованным миром?

<В подвалах ГПУ думать можно сколько угодно, но сказать что можно? И кому? Кацман был отчасти прав, философами мы, конечно, не станем после долгого пребывания в подвалах ГПУ, но здесь на самом деле невольно спускаешься своими мыслями в неведомые глубины человеческой жизни. Много раз проверив свои мысли, постепенно возникающие годами еще на воле и особенно здесь, путем внимательного наблюдения за событиями понимаешь, что большевизм есть зло, послеланное³ человечеству свыше. Именно только этим можно объяснить звериную жестокость, применяемую в подвалах ГПУ по всей громадной стране над простыми тружениками, а также беспричинную вражду, ненависть, недоверие людей друг к другу. Эти отрицательные качества появились со дня революции и сильно укрепились в народе. Возникает вопрос: почему такое наказание? за что? Вопрос этот на вид простой, но по содержанию очень сложный. Однако привилегированное

³ Так в рукописи. По смыслу должно быть «ниспосланное». — Изд.

общество, пользующееся всеми благами жизни в широком масштабе, кому достаются чистые сливки в жизни, могло бы дать частично ответ на этот вопрос. Пуст[ь] каждый аристократ с большим достатком, банкир, фабрикант, богач-миллионер или высший чиновник государственной власти проверит самого себя, свою жизнь, чиста ли его совесть перед теми массами, которые по той или иной причине лишены даже куска хлеба. А ведь на этом строил Карл Маркс свою теорию, которую Ленин сумел якобы поставить на рельсы, а Сталин катает ее, как грудного ребенка, сегодня в масштабе огромной Советской России и завтра намерен катать ее по всему миру. Да будет известно всем честным, но наивным людям, что большевизм и коммунизм — совершенно разные понятия. Они не только не имеют ничего общего, они отрицают друг друга в самом корне. Самый несчастный, жалкий человек в мире тот, кто со своими чистыми идеями сомкнется с большевизмом, будь он аристократ, миллионер, земледelec или рабочий, ибо его ждет рано или поздно неминуемое разочарование, и чем чище будут его убеждения, тем глубже будет его трагедия.>

Наконец чекисты дошли и до нашей камеры, на пороге открытой двери появился некто Раевский, заочно нам известный со слов нашего Бекира, и за ним несколько чекистов, сопровождавших его. Раевский — бывший морской офицер, стройный, высокого роста человек лет сорока с красивой черной бородой на гладком породистом лице. Он был также заключенный из камеры № 13, но играл роль провокатора. Днем он ходил по двору ГПУ свободно, исполняя какие-то нам неведомые обязанности. Поговаривали, что иногда его даже посылали в город по каким-то делам.

Веселые лица и самого Раевского, и чекистов, за ним стоящих, почти дружеское обращение их к нам окончательно было успокоили нас. «Слава Всевышнему, — пронеслась мысль в голове, — сегодня опять остаемся, а завтра посмотрим, Бог велик». Насколько тяжел момент ожидания смерти, насколько мучительны минуты переживания, настолько сладко и приятно сознание минувшей опасности. Если чувства и переживания в момент расстрелов трудно поддаются описанию, то сейчас чувство безумной, дикой радости вовсе невозможно передать словами. Камера становится для вас раем, заключенные родными братьями, а воющий смрад в камере превращается в курортный воздух. Мысли летят с молниеносной быстротой далеко куда-то ввысь, и хочется лететь по воздушным беспредельным пространствам туда, где, может быть, сохранилась частица справедливости. В этот момент, глядя на лица стоящих перед нами чекистов, как будто находишь даже и в их чертах человеческий облик.

Раевский начал свою речь с приятной улыбкой, с шутками, в самом веселом расположении:

— Товарищи, — обратился он к нам мягким, подкупающим голосом, — мы пришли к вам с маленькой новостью, которая облегчит немного ваше положение. Дело в том, что помещения здесь очень малы по своим размерам, а народу в них много, вы сами видите, какая теснота в вашей камере. Такое же положение и в других камерах. Трудно, товарищи, начальство это знает и заботит[ся] о вас. Правда, существует пословица в народе: «В тесноте да не в обиде».

И он громко рассмеялся с искусством хорошего актера. За ним последовал оглушительный смех пяти-шести чекистов, стоящих рядом с Раевским и за его спиной по ту сторону порога.

— На самом деле, — опять начал Раевский, освобождаясь от смеха будто с трудом, — площадь вашей камеры слишком мала, чтобы вместить столько людей. Наше положение в тринадцатой камере такое же самое, да-да, товарищи, трудно в таком склепении, а воздух какой у вас тяжелый, прямо невозможный.

Раевский говорил свою речь с остановками, очевидно, умышленно, тогда вступали то один, то другой чекист с короткими фразами. Подтверждая доводы Раевского, одновременно они пускали свои шутки в адрес отдельных заключенных и каждый раз громко смеялись.

— Так вот, — начал опять Раевский, — администрация ОГПУ, идя навстречу вам, решила разгрузить частично каждую камеру путем отправки Ростовскому отделению ГПУ некоторого числа заключенных. Само собою разумеется, что оставшимся здесь места останется гораздо больше.

— Чтобы показать заботу начальства, приглашен был парикмахер для вас, но я вижу, мало кто из вас брился. Зачем это так? — последовала какая-то шутка одного из чекистов, и опять раздался смех.

— Итак, — сказал в заключение Раевский, — через полчаса или час вас будут вызывать по одному человеку, только смотрите, с вещами пройдете через комендантскую прямо на улицу Ленина, где соберутся все подлежащие к отправке, а оттуда стройным порядком на вокзал к поезду. А за сим до свидания.

Раевский закончил. Чекисты также попрощались, чего никогда не бывало, и ушли.

После их ухода камера № 10 превратилась в дом умалишенных, тридцать три барана как бы лишились ума. Поднялись крик, шум, одни кричали «ура» во весь голос, другие поздравляли друг друга самым искренним образом, пожимали руки, точно давно не

виделись. Магамед, поднимая свои длинные ноги на целые полтора метра в высоту, шагал то в одну, то в другую сторону через головы целой группы заключенных, уже присевших на пол и горячо обсужда[ю]щих текущий момент.

Какой-то здоровенный сельчанин из группы лесных «бандитов» орал от радости на весь квартал своим буйволиным голосом, выкрикивая никому не понятные слова.

— О! Темная деревенщина! О! Милая простота! — кричал ему в ответ во все горло Кацман. — Как красиво ты орешь, давай я тебя обниму.

И бросился к нему бороться, толкая людей по пути, а через две секунды он лежал под громадной деревенщиной, пища под его тяжестью, как маленький щенок.

В другое время этот шум и невероятный гвалт обошлись бы нам очень дорого, но сегодня какой-то исключительный день — кричать можно сколько угодно, а дневальный молчит, не ругает нас многоэтажными словами. Сильно упавший духом в последнее время профессор ударился в философию. Он доказывал, излагал свои доводы красивым академическим языком о том, что в жизни человечества в целом существует справедливость, иначе не стоило бы жить вообще, ибо люди пришли бы тогда к уровню животных или диких зверей. В данное время в нашем положении также должна быть в какой-то мере справедливость, только нужно верить в нее. Так утверждал он. Бекир сидел в стороне на нарах с опущенной головой вниз, совершенно не обращая внимания на речь профессора. Он молчал, мрачные черты его лица категорически отрицал[и] выложенные доводы и причину нашей радости. Его особое мнение в данном случае и дурное настроение неприятны были всем. Некоторые вслух высказывали свое разочарование в нем, сожалея о том, что он не принял участие в общей радости. Однако радостное настроение через короткое время улеглось, и камера наша пришла в нормальное состояние.

Наступила относительная тишина, мысли перебегали с одного момента на другой пережитого времени с самого утра. И вдруг опять лезут в душу какие-то сомнения: правда ли все то, о чем говорил Раевский? Не хитрая ли это уловка общего плана коварного коменданта? Весьма возможно также, что такому направлению мыслей дало толчок мрачное настроение Бекира, которому мы не имеем основания не верить, или подлая трусость просто крадется опять к сознанию, создавая ложную тревогу. Такого рода колебаний мы пережили немало в прошлом, однако на верную

мысль редко когда попадали. На лицах своих товарищей, более смыслящих, я заметил изменение, вероятно вызванное тем же сомнением, говорить же об этом вслух никто еще не решался. Настроение людей заметно падало, как бы мы ни хотели миновать опасность и остаться целыми, невредимыми, все же признаки фактически говорили о противоположном.

В таком положении прошло довольно много времени, дело было запутанное, и нельзя было определить точно, чему верить. Остроумные шутки Кацмана иссякли, он больше не пускал их в ход, сидел скучный, озабоченный, он не был похож на самого себя, быть унылым совсем ему не шло. Педагог забрался куда-то в угол, он вообще нелюдимый и в нашей беседе редко когда принимал участие. Хорошо объясня[ю]щие[ся] люди по-русски составляли небольшой круг. Большинство в камере плохо владело русским языком или совсем не понимали его и как-то держались в стороне. Чопан, уроженец Куртатинского ущелья, бывало, часто подходил ко мне с вопросами. Его положение здесь было исключительное, так как он не понимал ни единого русского слова, ему казалось, что он находится где-то за границей, в чужой стране. Вот и теперь он с трудом пролез между густой толпы заключенных, подошел ко мне и интересуется моим мнением относительно данного нашего положения.

— У меня там, в горах, остались жена и маленькие дети, что будет с ними, — жаловался он, как будто я первый раз слышу об этом.

Я успокаивал его всячески, что ему не угрожает опасность как бедному темному человеку. Вдруг со двора донесся к нам душераздирающий крик, не то звериный, не то человеческий, сопровождаемый неестественным храпом. В один миг Бекир очутился на нарах у окна и стал внимательно смотреть через отверстие заслона во двор. Через несколько секунд он внезапно отвернулся с такой быстротой, точно его обожгло раскаленным железом. Но ничего не сказал. Лицо его побледнело как полотно, а красивые, мужественные черты его лица искривились до неузнаваемости. Он был храбрый и бывалый человек, нетрусливый, он переживал острый, тяжелый момент сознания собственного бессилия. Сомнений больше не было, все иллюзии исчезли — по крайней мере, для нашей камеры ясно, что расстрел начался. Раевский — подлый провокатор, а Бекир был прав. Все, что мы видели и слышали с самого утра, было хитрыми уловками чекистов. Звериный крик со двора был предсмертным, случайно вырвавшийся из горла задыхающегося заключенного по дороге в раздевальную. Вероятно, несчастного

вывели из дальних камер бесшумно, так как мы ничего подозрительного не заметили. Двор был сильно освещен, слышны шум, топот ног по асфальту без единого слова боровшихся людей, и лишь странный свист и храп, издающийся несчастным, выделялись из прочих звуков. В это время во дворе заревел мотор стоящего там старого грузовика. Одновременно с этим левее два чекиста сильно били молотами по кузнечной наковальне. Неимоверный грохот и звон неслись не только по двору ГПУ, но по всему густонаселенному кварталу города.

В камере нашей заключенные застыли на своих местах, не меняя позу и не смея даже взглянуть друг на друга. На этот раз страх был самый настоящий и основательный, бедный мальчик Гаци опять заревел, трясаясь от страха, он забрался в самый угол камеры и спрятался там за спиной заключенных. Какой-то сельчанин ухитрился всунуть свою голову между грязными одеялами, сложенными на полу в углу, спасаясь от шума и грохота со двора, сильно действующих на нервы. Комиссионер сидел на полу, от времени до времени он ударял себя в грудь, а потом сильно бил по своим коленям, иногда поднимая лицо к потолку. Вероятно, он сильно переживал и молился Богу о спасении. Печник стоял на коленях лицом к стене и медленно крестился, быстро читая шепотом молитву. Глубокий старик Селим сидел на нарах по-восточному совершенно спокойно, как будто у себя дома. Он как бы сверху вниз смотрел на происходящие события, и ни один мускул его не дрогнул, на его набожном лице было видно абсолютное отсутствие страха. Внук старика, совсем молодой, и его товарищ такого же возраста сидели тут же и тревожно смотрели своими ястребиными глазами. Профессор умолк совсем, он сидел на краю нар с низко опущенной головой. Сельчане сгруппировались в одну кучу, у некоторых рты были открыты, точно собирались петь. Страх смерти изменил всех, и лишь немногие были способны передвигаться с места на место.

С этого момента мы напрягли свои мысли, внимательно прислушиваясь к малейшему звуку со двора и со стороны коридора, однако подойти к окну и посмотреть еще раз во двор никто не решался. Через короткий момент раздались быстрые шаги со стороны раздевальной возвращающих[ся] в свою потайную комнату чекистов. Первая несчастная жертва была брошена в пасть ненасытной акулы. Догадки и предположения наши оказались верными: вот уже ведут вторую жертву из дальних камер, из коридора слышны шаги двух человек, идут спец-выводитель и заключенный, поднимаются по каменным ступенькам выхода во двор, а

потом налево мимо ворот в комендан[т]скую комнату. Через несколько минут несчастного уже вели в раздевальную с борьбой и остановками. По-видимому, заключенный упорствовал, его били, толкали, а он издавал неестественные звуки и свист, напоминающие усиленно[е] дыхание уставшей запаленной лошади.

Расстрел продолжался по системе и выработанному комендантом плану, не приостанавливаясь ни на одну минуту. Обычно в это время вечером, примерно в 10 часов, на верхних этажах над нашими подвалами шло канцелярское занятие отдельных следователей и сотрудников ГПУ. Слышно бывало их движение, шаги, стуки разные при перестановке стульев и других предметов, но сегодня на всех этажах абсолютная тишина. ГПУ не любит иметь лишних свидетелей, когда оно занято важным делом, даже в лице своих же сотрудников, не принимающих прямого участия в убийстве людей.

В камере нашей были абсолютная тишина и гробовое молчание в ожидании надвигающейся страшной, неминуемой опасности. Именно здесь, в подвалах ГПУ, в этот тяжелый, опасный момент можно точно определить, кто и в какой мере обладает мужеством и смелостью. Не берусь описывать, кто как вел себя из заключенных в часы грозной опасности, ибо не знаю даже, как я вел себя в этой обстановке. Расстрелов мы пережили немало, все они были тяжелые, страшные, но такого нервного, напряженного состояния не испытывали никогда. Причину нужно искать, вероятно, в хитрых уловках, применяемых к нам целый день с утра: они издергали наши взвинченные нервы, переходя несколько раз за это время из одной крайности в другую, т. е. то к надежде остаться живым, то к мыслям о кошмарной смерти.

Помню только точно, что после девятого или десятого расстрелянного нервы мои были напряжены до высшего предела, сидя на нарах, я также сильно переживал (страх овладел мною) и плохо соображал, мысли путались. В этот момент со стороны коридора из противоположной камеры № 12 раздались какие-то громкие крики. Больному моему воображению показалось, что там заключенных бьют внутри камеры. Я испугался за своего дядю, как стало мне известно, он находился в этой камере, и вот уже прошел целый месяц, как не имею о нем никаких сведений. После того случая в коридоре, когда меня звал по имени во время возвращения с прогулки, он больше не зовет меня по имени, не подвергая риску ни себя, ни меня, а может быть, он уже расстрелян. Совершенно бессознательно, как будто невидимая сила толкнула меня, я соскочил с места и, толкая

людей, очутился у дверей, прислушиваясь с усиленным сердцебиением к шуму и крикам, раздающимся из чужой камеры. Через две-три секунды я убедился, что это был самый обыкновенный смех людей, весело настроенных, не подозревающих о трагедии во дворе и угрожающей им опасности. Очевидно, у них еще не прошло веселое настроение, созданное Раевским и чекистами. Боже! Как я позавидовал этим людям в эту минуту, лучше не знать до самого вызова на расстрел, даже до самого момента, пока набросят на шею скользкую петлю в комендантской, чем знать все и мучит[ь]ся в страхе часами, а потом выйти из камеры на гибель.

Я заметил, что по бокам около меня стоят несколько человек, подошедших к дверям, также встревоженных криком из камеры № 12. Заметил также, что Бекир и несколько человек других уже стоят у окна на нарах и внимательно наблюдают в щели заслона за происходящими событиями во дворе. Не знаю, что случилось со мною, не нахожу объяснение и теперь, но в этот момент я обнаружил в себе новое, никогда не испытанное мною прежде. Подобно тому, как слепой вдруг бы прозревает и начинает видеть, так страх мой прошел, к великому моему удивлению. Мозги мои прояснились, и я совершенно трезво, без страха начал смотреть на происходящие события, взвешивая каждую мелочь нормально. Оказывается, и страх, и трусость также имеют свои границы, конечно, нет никаких гарантий, что трусость не вернется вновь. Приписать ли этот странный переворот в сознании храбрости или просто чрезмерной трусости, не берусь судить, но страха я больше не ощущал. Какое-то тупое безразличие напало на меня. «Это самое лучшее время, самый смелый момент идти в атаку на любого врага», — подумал я.

С обновленными мозгами и новым состоянием я принял участие в наблюдении через отверстие совместно с другими у окна за чекистами, не прерывающими свою работу ни на минуту. По выражению лиц своих товарищей, теперь рядом стоящих, по тому, как они себя вели, я догадывался, что они также пришли в такое же состояние — к тупому безразличию. Мокрый асфальт сильно освещенного тесного двора блестел, шел мелкий дождь, у окна чувствовалась прохладная сырость, а по водосточным трубам лилась во двор дождевая вода, напоминающая мирную жизнь. Временами, когда чекисты выводили свою жертву из комендантской в раздевальную, мнимые «кузнецы» усиливали свою работу вплоть до выстрела вниз и потом только приостанавливались для отдыха. Мотор же старого грузовика все время

гудел беспрерывно. Как ни старались чекисты заглушить шум во дворе, предсмертные крики заключенных, случайно вырвавшиеся храп, свист и главное — звук выстрела в глубоком подвале, мы все же отчетливо слышали и знали обо всем.

В разгар кошмарной ночи недалеко от нашего окна каким-то чудом очутился котенок. Диким, отчаянным своим мяуканьем он с ума сводил некоторых особенно нервных заключенных в камере. Котенок бесился, усиленно кричал, как будто ему тоже собирались набросить на шею петлю и сбросить в пасть акулы. Каким образом и откуда к нам добрался этот котенок — для нас осталось неразгаданной тайной. Кругом застроенный двор нигде не имел никаких щелей, даже под большими черными воротами нельзя было просунуть палец с улицы. Скорее всего, кто-нибудь из чекистов нарочно подбросил его во двор ГПУ в эту ночь в виде острой приправы к общей нашей трагедии, как горький красный перец бросают в суп. Ни раньше, ни после этой ночи мы никогда не слышали этого котенка.

Мы продолжали свои наблюдения: вот ведут опять очередного несчастного заключенного — высокого коренастого молодого человека с черной бородой, отросшей, по-видимому, здесь в подвале ГПУ. Мы старались, всматривались в его лицо, но в этом положении узнать человека очень трудно. Ежесекундно он менял положение своей головы, рот широко был открыт, язык весь высунулся наружу, моментами из горла его исходили неприятные шипящие звуки и храп. Чекист, шедший за спиной несчастного, немилосердно тянул к себе петлю, одновременно толкая его вперед сильными ударами коленом. Другие два чекиста сильно скрутили ему руки назад и плечами толкали вперед. Молодой заключенный буквально задышался, но не падал, только свист и храп его участились — видимо, он терял уже последние силы. На полдороге посередине двора он уперся настолько сильно, что чекисты вынуждены были тоже приостановиться. Неожиданно заключенный нанес ногой удар одному из боковых чекистов и вдруг высвободил чудом свою правую руку, которой нанес еще раз сильный удар тому же чекисту, последнему все же удалось поймать руку несчастного и скрутить ее покрепче. Во время этой борьбы чекисты напоминали собой настоящих кровожадных зверей, особенно тот, что тянул жестоко скользкую петлю, у него самого чуть не высунулся язык от звериной ярости, хищные выпуклые его глаза готовы были выскочить от остервенения. Борьба была короткая, она кончилась быстро, чекисты вновь начали толкать несчастного, который заметно ослаб, и таким образом с побоями его дотолкали до раздевальной.

Соппротивление здесь совершенно бесполезно, ибо кроме четырех красноармейцев из войск ГПУ, стоящих по углам двора и не принимающих участия в убийстве до особой надобности, имеется еще много скрытой вооруженной силы рядом, в другом дворе, принадлежащем также ГПУ. Смотреть на такую картину очень тяжело, тем более в нашем положении. Она касалась непосредственно каждого из нас, через несколько минут любой может очутиться в комендантской, а потом в раздевальной. По всем признакам видно, что сегодня мы имеем дело с большим расстрелом, а следовательно, и наша камера не уцелеет. Я вижу совершенно ясно в щель, как вывели из комендантской худого рыжего старика с жиденькой бородой, небольшого роста. Лысая голова его блестела под ярким электрическим светом, глаза закатились, высунувшийся язык висел не вперед, а в сторону. Дойдя до середины двора мелкими шагами, он настолько ослаб, что ноги его перестали двигаться. Петля, очевидно, слишком туго стягивала его худое горло, он почти задохнулся, и чекисты просто поволокли [его] в раздевальную.

Стоять у окна и смотреть во двор нам строго воспрещалось даже днем в мирном положении, теперь же, сгруппировавшись у самого окна, мы подвергали себя большому риску. Страх смерти заглушил все наше внимание, весь разум был занят им, и мы забыли об этой опасности. Во всякое время днем и ночью дневальный внезапно открывал волчок с коридора, на минутку смотрел в нашу камеру, интересовался, что мы делаем, но теперь он занят более важным делом и к нашим дверям не подходил. На нарах у окна стояло нас несколько человек, по очереди наблюдающих двор в маленькие отверстия, остальные заключенные замерли в разных позах от страха. В камере была тишина, только чувствовалось сильное биеение собственного сердца. Вдруг раздался зловещий лязг ключей дневального у самой нашей двери, я почувствовал точно глухой удар по голове тупым орудием, сознание онемело, и как будто полумрак камеры сгустился еще больше. Стоящие у окна отскочили в сторону и опустились на нары второпях как попало. Дверь камеры открылась. Взоры заключенных с исключительной напряженностью были обращены на стоящих по ту сторону порога спец-выводителя и дневального. Наступила самая страшная минута, самая решительная, когда притупляются чувства и не только не веришь глазам и ушам своим, но не можешь даже толком себе объяснить, дурной сон ли ты видишь, или это наяву.

— Викентий Петрович Яськов есть? — спросил спец-выводитель совершенно спокойным голосом, будто он имел сообщить ему приятную новость.

Взоры заключенных обратились на нашего профессора, он сильно вздрогнул, точно потерял равновесие от сильного головокружения, он покачнулся, но не упал. В один миг лицо его приняло мертвенно-бледный цвет, густые брови его спустились на встревоженные глаза, он даже смотрел на спеца, точно не веря ему, голые руки висели, как плети, а плечи заметно упали вниз. Профессор сделал большое усилие над собой и выговорил не своим голосом:

— Я.

— Одевайся поскорее и выходи с вещами, там на улице ждут уже выведенные из других камер, и айда на вокзал.

Затем дверь камеры закрылась на минутку. Такой предлог вывода на расстрел, может быть, подошел бы для других камер, но отнюдь не для нашей. Мы же знали, куда спец-выводитель хотел вывести, а под вокзалом он подразумевал, наверное, комендантскую комнату. Несчастный профессор наскоро оделся, руки его тряслись, как у парализованного, он почему-то спешил, каждое его движение было резким, отрывистым. С глубоким сочувствием и скорбью мы смотрели на его жалкую опустившуюся фигуру, он стоял еще на ногах, но сознанием своим уже был мертв. Через минуту дверь вновь открылась, чекист вторично показался в дверях и проговорил:

— Выходи.

Заключенные потеснились по сторонам, и посредине камеры образовался узкий проход. С сильно опущенной головой полуживой бедный наш профессор прошел по этому проходу к дверям, ни с кем не попрощавшись, и вышел в коридор, ведущий к выходу во двор. Дверь камеры закрылась, и мы опять стали на нарах у своего наблюдательного пункта. Нужны железные нервы или окончательно потерять человеческие чувства для того, чтобы вынести всю эту трагическую картину без особой жалости и боли. С выводом же на расстрел уважаемого нами профессора эта тяжесть увеличилась еще больше. Прошло две-три минуты, в это время во дворе показался задыхающийся несчастный профессор, шедший с петлею на шее. Чекист сильно стягивал петлю, другие два чекиста держали скрученные руки. Его не били, не толкали коленом, так как он шел сам ускоренной походкой и совершенно не сопротивлялся. Через один момент он исчез с чекистами в дверях раздевательной, дверь закрыли, а потом раздался глухой выстрел вниз.

С напряжением дикого зверя, загнанного охотнич[ь]ими собаками в куток, мы прислушивались в промежутках между расстрелами к каждому звуку и малейшему шороху со двора или из коридора. Каждому из нас хотелось знать свою участь: будет ли он

расстрелян сегодня же или останется пока живым и придут ли вообще еще в нашу камеру. Не успели мы опомниться от этого потрясения, как раздался опять страшный лязг ключей у нашей двери, очевидно, спец-выводитель с дневальным подкрались на цыпочках бесшумно. Иначе нельзя объяснить, как мы не расслышали их шаги в коридоре при нашей бдительности. Вся камера замерла окончательно, исчезла всякая надежда на спасение, стоящие у окна беспомощно опустили на нары. В этот момент мутное сознание имело одно желание — умереть, только поскорее, чтобы избавиться от этого кошмара. Дверь камеры приоткрылась, показался спец-выводитель, а за ним дневальный.

— Хаджумар Тасоевич Кантемиров здесь? — спрашивает чекист.

Молодой наш гадалыщик подскочил с места, будто под ним взорвалась ручная бомба. В одно мгновение лицо его побледнело как полотно, подбородок его с красивой черной бородкой нервно вздрагивал, он что-то хотел сказать, но никак не мог говорить, настолько был оглушен страхом близкой смерти, предстоящей ему через несколько минут. Опытный глаз чекиста заметил состояние несчаст[т]ного Хаджумара, он стал мягко стыдить его:

— Чего ты испугался? Точно тебя ведут на виселицу, тебе же говорят: отправляют целый этап в Ростов, одевайся быстрее и не робей, дурной.

Несчастный Хаджумар оделся, взял свое одеяло под мышку и, проходя к дверям между густой толпы заключенных, слабым голосом печально сказал, ни [к] кому не обращаясь:

— Передайте моей жене, что я погиб и она должна вырасти[ть] моего бедного ребенка.

Через несколько минут Хаджумара вывели из комендантской в таком же порядке, как обычно всех выводят на расстрел, они дошли до той части двора, которая была нам видна. Хаджумар боролся с чекистами, он не хотел отдать свою молодую жизнь даром, без протеста. Он уперся ногами об асфальт посередине двора и никак не хотел идти вперед. Чекисты, физически гораздо сильнее его, давали ему сильные пинки сзади. От таких толчков любой человек может свалиться, но чекисты по бокам не давали ему падать, а петля сильнее сдавливала ему горло. Несчастный ежеминутно менял положение своей головы, то поднимая ее вверх, то совсем низко опуская ее, с высунутым языком, а язык неестественно высунулся вперед. Очевидно, петля причиняла ему страшную боль и прекращала дыхание, он неимоверно стра-

дал и совсем изменился в лице. До самого последнего шага у дверей раздевальной Хаджумар пытался освободиться, работая все время ногами, затем исчез в раздевальной. Мотор не переставал работать во дворе, создавая гром в тесном закрытом дворе, и лишь «кузнецы» приостанавливались для передышки на короткое время, с момента выстрела внизу вплоть до вывода из коменда[н]тской комнаты следующей жертвы.

Далеко за полночь в самом разгаре расстрела мы заметили еще какой-то новый звук, повторялся он во время борьбы во дворе заключенных с палачами, долго мы не могли понять, что это могло быть. Бекир внимательно наблюдал в отверстие заслона, а затем объяснил нам. Ко второму этажу флигеля во дворе над раздевальной вели наружные лестницы. Как устои, так и ступеньки были железные, и при проходе по ним, особенно при спуске, получался звук довольно звонкий, хорошо заглушающий шум во дворе и случайные крики погибающих людей. Теперь же временами по ним быстро бегали одновременно два чекиста в грубых сапогах. Один бегом спускался вниз, стар[а]ясь ударять ноги сильнее о ступени всей своей тяжестью, другой поднимался наверх, он также усиленно стучал сапогами. Городской шум давно прекратился, город спал мирно, как будто ничего не случилось, спали где-то родные заключенных, отцы, матери, жены, братья, сестры, дети, не подозревая ничего о трагедии своих дорогих членов семьи в доме Воробьева, на углу улиц Евдокимовской⁴ и Ленинской, в мрачных, страшных подвалах ГПУ. Где-то лаяли уличные собаки, слышно было также пение петухов. Эти простые обыкновенные звуки приятно ласкали слух, напоминая мирную жизнь, далеко отошедшую от нас.

Расстрел продолжался, выводили из других камер, а к нашим дверям не подходили. Это дало нам неко[то]рый повод предположить, что из нашей камеры уже взяли тех, кто ими был назначен, и больше к нам не придут. У некоторых заключенных появилась даже смелость заговорить. Абсолютное молчание до этого момента теперь было нарушено. Последовали короткие фразы о том, как бесконечно долго тянется расстрел, наверное, уже близок конец, на сегодня хватит. В это время неожиданно вновь раздался лязг ключей у наших дверей. Это был жестокий и последний удар по нашим истрепанным нервам. Дверь открылась, на пороге стоял тот же спец-выводитель, молодой чекист. Своим

⁴ Здесь, видимо, описка — спутаны названия двух соседних улиц: здание ГПУ располагалось на углу улиц Ленина и Бутырина (Воронцовской), а Евдокимовской называлась нынешняя улица Горького. — *Изд.*

острым пронизывающим взглядом, как гиена, он смотрел на ближайших к нему заключенных, и что-то похожее на улыбку или иронию пробежало по его лицу.

— Магамед Медоев здесь? — проговорил он.

Как всегда в подобных случаях делается с людьми, наш табак-вод подскочил с места, как ужаленный ядовитой змеей. Он был высокого роста, его голова была видна среди густой толпы остальных заключенных. Всегда готовый ко всевозможным забавным шуткам, бессменный наш доктор-массажист Магамед осунулся сразу, сильно побледнел. Он очень мало говорил по-русски, поэтому ли или просто от чрезмерной растерянности не сказал: «Я здесь», но начал сейчас же одеваться. Магамед прощался со своими односельчанами, обнимая то одного, то другого, он просил, умолял не оставить без внимания его малолетних детей с беспомощной матерью, теперь осиротевших в далеком селении Цкола⁵. Затем он сделал общий поклон всем и вышел в коридор. Через короткий промежуток времени его вели так же, как и всех обреченных на позорную смерть. Сопротивление он не оказывал, наоборот, он шел быстрыми шагами, насколько позволяло его положение. Чекисты едва успевали за ним, но голову свою Магамед поднимал и опускал много раз, страдая от невыносимой боли. Через две минуты в глубоком подвале раздался глухой треск выстрела, покончивший жизнь Магамеда.

Расстрел продолжался дальше, и наблюдение шло все время своим чередом. Мы окончательно выбились из сил, мертвенная усталость была во всем теле, чувства отупели совершенно, разум отказывался работать, мысли путались. Было около трех часов утра, заслон за решеточным окном перекрыл доступ к нам свежего воздуха с самого вечера, мы задыхались, в полумраке камеры стояла густая удушающая вонь от параша и от грязных, месяцами немых тел заключенных. От страха и сильных переживаний у многих было сильное расстройство желудка, постоянно подходили к параше, это еще больше увеличивало наши страдания.

Вдруг мотор старого грузовика во дворе остановился, перестали бить по наковальне «кузнецы», и беготня по железным лестницам прекратилась. Сразу все стихло, ни одного звука или человеческого голоса ни со двора, ни из коридора, как будто ничего не произошло. Всякая неизвестность для нас превращалась в страх, в сознании вновь поднялась тревога, но мы не могли найти истинную причину. Так продолжалось некоторое время, затем раздались странные звуки, сперва глухо, а затем сильнее и

⁵ Осет. Цыкола, т. е. Чикола. — Изд.

сильнее. Вначале было непонятно и странно, даже мы, городские жители, не могли сообразить, что эти звуки издает самое обыкновенное пианино, настолько дикими показались они здесь, совершенно не гармонирующими ни обстановке ГПУ, ни моменту данного времени.

— Господи, помилуй нас, — сказал печник, подняв голову к потолку, и торопливо стал креститься.

Деревенские обитатели нашей камеры никак не могли понять, что за музыкальный инструмент пианино. Как потом выяснилось, на втором этаже над самой раздевальной помещался «ленинский уголок» с красной литературой, где временами отдыхали чекисты. Там у них было пианино, скорее для развлечения или баловства, чем для исполнения серьезной музыки. Звонкие звуки пианино раздавались в тесном дворе ГПУ, играли какую-то веселую песенку, мужские голоса подпевали, потом поднялся шум, слышны были голоса и неестественно громкий смех многих людей. Мы ничего не понимали, нельзя было вывести никакое заключение из всего того, что происходило там, на втором этаже противоположного флигеля. Одно было ясно: расстрел прерван или прекратился совсем, по крайней мере на сегодня. Однако в подвалах ГПУ полной уверенности у заключенных никогда ни в чем не бывает. Не исключена возможность, что в данный момент мы имеем дело с временным перерывом большого расстрела, чтобы дать возможность отдохнуть уставшим от тяжелой работы чекистам.

Тревожное состояние в камере не уменьшалось, уставшие, издерганные заключенные с напряжением прислушивались к шуму и звукам из «ленинского уголка». В остальном была абсолютная тишина, как будто весь двор ГПУ с его глубокими семнадцатью камерами опустел. Тогда как в этих подвалах в полумраке сидят свыше пятисот человек, эти несчастные люди притихли на своих местах, как напуганный заяц под кустом, прячущийся от охотнич[ь]их собак, прижались друг к другу, так же, как и мы, сидят, прислушиваются, и каждый из них ждет свою участь с кошмарными мыслями. Теперь, когда так много расстреляно, каждой камере, наверное, известно то, что происходит во дворе ГПУ, и никто из них не спит, несмотря на поздний час.

Всеведущий наш Бекир, исходя из примеров прошлых многочисленных расстрелов за время его двенадцатимесячного пребывания в этой камере, высказывал мнение, что расстрел кончился и перерыв в работе чекистов не есть временный отдых, а конец. По его подсчету за эту ночь было расстре[ля]но двадцать восемь человек. Цифру эту подтвердили двое в камере, которые также

внимательно следили за расстрелами и подсчитывали число расстрелянных людей, по моему подсчету выходило двадцать девять. В это время по железным лестницам вниз во двор спускались чекисты из «ленинского уголка». Создался громкий шум, звонкий стук ног множеством людей, весело и громко разговаривающих. Они собрались посередине двора, тепер[ь] гораздо ближе к нашей камере, образовали круг и подняли смех настолько громко, что неестественная, фальш[ивая] веселость их явно бросалась в глаза. Смех этот сильно напоминал истерику нервнобольного по поводу того, что в нескольких шагах от них в глубине подвала лежат убитые их руками двадцать восемь трупов совершенно невинных людей. Каждому чекисту хорошо было известно, что ни один из этих погибших людей не был ни вором, ни мошенником или убийцей.

Кто-то из больших мыслителей в своем труде говорит: «Нет преступника с абсолютным злом, как нет абсолютно чистого святого». Весьма возможно, что преступник-садист не теряет окончательно свою совесть, но в силу преобладающих особых дурных качеств в нем, она, по-видимому, замуровывается где-то в глубине его души особой перегородкой. Причем каждое новое преступление, совершенное преступником, является как бы ударом молотка его совести по этой перегородке, и чем больше преступлений совершает садист, тем больше ударов молотка получается по перегородке. Таким образом, после многих ударов образуются трещины в перегородке, откуда просачивается наружу совесть и начинает терзать сознание. Вот почему преступник-садист, может быть, иногда начинает каяться в своих злодеяниях, отдает себя в руки правосудия, охотно сознается в своих преступлениях перед обществом или становится набожным.

Чекист хотя и является самым худшим видом из всех преступников, однако его положение другое, он никогда не доходит до полного сознания своей вины, ибо, как только совесть его начинает просачиваться через трещины перегородки к сознанию, его, как только узнает, немедленно расстреливает то же ГПУ. Обком ВКП(б) следит зорко с величайшей строгостью за каждым чекистом, взвешивает буквально всю его жизнь, всю его натуру, привычки, поступки, даже отдельные его слова и прочее. Нет никакой возможности скрыть перемену в чекисте, самые глубокие затаенные его мысли угадываются его же товарищами, которые обязаны под страхом расстрела немедленно же сообщить об этом в секретный отдел ГПУ.

Вот мы наблюдаем в данный момент во дворе ГПУ у чекистов-садистов очень интересное и характерное явление именно в этой области. Они веселятся, как будто гуляют на свадьбе и только что встали из-за обильного стола, смех их имеет явно принужденный характер, а громкими криками они создают впечатление, что хотят кого-то напугать. Ни в адской обстановке двора ГПУ, ни в самой работе чекистов (только что закончившегося расстрела), конечно, нет никакой причины для радости или смеха. Расстрел начался еще вечером, примерно в десять часов, а теперь около трех часов утра, следовательно, чекисты вели тяжелую, кошмарную свою работу в продолжение пяти часов непрерывно. Не может быть, чтобы за это время такая работа не утомила их, нельзя допустить также, чтобы они не чувствовали хотя бы физическую усталость, если даже в остальном они оставались ко всему равнодушным[и]. Тут могут быть только две причины для об[ъ]яснения веселого настроения наших чекистов: или им приказано сверху веселиться после каждого расстрела, что маловероятно, так как в подобном приказе нет ни цели, ни смы[с]ла, или же чекисты начинают чувствовать удары молотка совести в глубине души и всеми силами, доступными им, а в данном случае своим криком и смехом, стараются заглушить голос совести.

Мнение, высказанное Бекиром, до некоторой степени убедило нас, и по всем другим признакам было видно, что расстрел кончился. Кроме того, у каждого из нас был свой опыт и стаж в подвале ГПУ. Мы подошли опять к окну наблюдать за чекистами уже без особого страха. Двор был освещен так же, как и раньше, мелкий дождь, шедший с вечера, перестал давно, асфальт местами высох. Сильная электрическая лампа, висевшая недалеко от группы чекистов, хорошо освещала их, смех и веселый говор продолжались. Рядом со мной стоял Бекир в качестве главного наблюдателя и знатока всех дел. Вдруг он схватил меня левой рукой и придавил ее, не отрываясь от отверстия.

— Смотри, — сказал он. — Смотри! Эта та самая девушка Фаня среди них.

Я устремил свой взор в маленькое отверстие, внимательно рассматривая каждую фигуру в отдельности, и, к великому моему удивлению, среди чекистов увидел женщину с большой лохматой прической, одетую в форму войск ГПУ, и в грубых сапогах. Она громко хохотала своим испитым охрипшим голосом. Только теперь я вспомнил, что голос ее выделялся и раньше из других мужских голосов, но я не говорил об этом, не допуская мысли об участии женщины в расстреле. Еще на воле, до ареста, как-то мел[ь]ком я

слышал про девушку-чекистку, принимающую участие в расстрелах ГПУ, помню также: ее называли Фаней, но кто она, что из себя представляет, я не имел понятия. Девушка не только свободно вела себя среди озверевших чекистов во дворе ГПУ, но и играла ведущую роль. Она прерывала каждого из них, сама громко говорила, хохотала во весь голос и нахально, грубо толкала то одного, то другого самым бесцеремонным образом.

При наблюдении за этой странной девушкой невольно возник вопрос: а где же она была в часы кошмарного расстрела, только закончившегося? Какую роль выполняла она в этом злодеянии? Исполнять роль коменданта-руководителя расстрела она не могла, это слишком большая и ответственная работа, такую работу ГПУ доверяет только своему коменданту. «Немым телефоном» она не была, так как иногда сам «немой телефон» менял свое место стоянки на шаг в сторону и нам удавалось видеть его фигуру. Бить двадцатифунтовым молотом по кузнечной наковальне она не могла потому, что для этого ей не хватало физической силы. Дневальным, а также спецом-выводителем тоже не была, так как мы сами видели их несколько раз в самом разгаре расстрела. Среди чекистов из секретной комнаты, душивших заключенных и ведущих их в раздевальную, мы ее также не видели, и она не могла там быть. В общем, выходит, что наверху, т. е. над землей, ей негде было быть. Вне всякого сомнения, она находилась внизу, в глубоком подвале, куда периодически летели сверху полуживые голые люди. Тут возникает еще второй вопрос: в качестве кого она находилась там, в подвале? Если она была простой зрительницей, любительницей острых ощущений, то нужно полагать, что после расстрела нескольких человек, скажем пяти-шести, ее любопытство было бы удовлетворено, она насытилась бы этим зрелищем и ушла бы себе домой спать. По всем данным и наличию фактов видно, что эта девушка выполняла сегодня в страшном расстреле роль палача, т. е. сама расстреливала голых людей в глубокой яме.

Мы продолжали свои наблюдения у окна, тогда как многие прилегли на свои места, чтобы уснуть. Страх непосредственной опасности миновал, но осадок, тяжелый, нудный, давил грудь, ибо нам предстояло пережить в будущем еще много подобных расстрелов. Вскоре раздался скрип черных железных ворот с улицы имени Ленина, два громадных пароконных фургона въехали во двор. Отдых чекистов закончился, началась усиленная работа. Из глубокого подвала вытаскивали наверх сперва окровавленный песок на носилках, затем трупы и на-гружали их на фургоны. Работало чекистов двадцать или двад-

цать пять человек, а всеильный комендант стоял в стороне и давал указания. Первый фургон был нагружен, он находился совсем недалеко от нашего окна, чтобы дать место следующему фургону для погрузки.

С большим любопытством и с исключительным вниманием мы стали всматриваться по очереди в голые трупы в фургонах в надежде опознать в ком-то из них профессора, Хаджумара, Магамеда или знакомого. Оказалось это совершенно невозможным: во-первых, потому, что ни одного лица нам не было видно, во-вторых, все тела были в песке и запачканы кровью. Долго тянувшаяся погрузка наконец закончилась, трупы накрыли брезентом, аккуратно закр[у]тив его концы к фургонам веревками, до рассвета оставалось мало времени, закрытые ворота на время нахождения фургонов во дворе вновь открылись, и трупы увезли. Теперь началась работа по очистке двора от окровавленного песка и кусков остывшей крови, разбросанных во дворе. В ход пошли грубые метлы из березовых веток, растущих в горах, обыкновенные домашние веники и прочее. Усиленно поливали водой весь двор, сметая песок и кровь в поглощающую яму посередине двора. До самого рассвета тянулась эта работа, затем чекисты ушли домой на заслуженный отдых. Электрический свет потух. Девушку Фаню мы больше не видели, по-видимому, она не участвовала ни в погрузке трупов, ни в уборке двора.

Кровавая драма закончилась, занавес был опущен, стало тихо, как после представления в Большом театре, актеры покинули сцену, и лишь мы, узники, остались в своих камерах глубокого подвала. Уже рассветало, серое утро ноября наступало, но свет не проникал в нашу глубокую яму, так как заслон у окна оставался на месте. Мы повалились спать. Но где сон? Где покой, чтобы уснуть?

Продолжение следует.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЗАРОВ Руслан. Родился в 1958 году в Баку. Доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, директор Института истории и археологии РСО-Алания. Область научных интересов — история и культура Осетии-Алании XV–XIX веков. Автор книг «Три осетинских общества в середине XIX века» (1988), «История в осетинском предании» (1993), «Исторический атлас Осетии» (2002), «Из истории аланской культуры» (2014), «Аланы старого времени» (2020), «История Алании» (2022) и др.

БТЕМИРОВ Бимболат родился в 1890 году в с. Даргавс Северной Осетии. Осетинский писатель, журналист, публицист, печатавшийся под многочисленными псевдонимами («Хохаг» и др.). Состоял членом литературного общества писателей Северной Осетии. Соавтор книги «Осетинские веселые рассказы и старинные пословицы» (издана в Берлине в 1924 году в издательстве Евгения Гутнова). Работал бухгалтером Северо-Осетинского облисполкома. Был арестован 10 октября 1929 года. В январе 1931 года осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Спустя несколько лет бежал. Скончался в 1963 году в Нью-Йорке.

ГАППОЕВА Лариса родилась и проживает во Владикавказе. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор монографии «Педагогические условия подготовки студентов университета — будущих учителей к формированию читательской культуры младших школьников» и методических пособий по совершенствованию профессиональных навыков учителей начальных классов и студентов педагогических вузов в области литературоведческих дисциплин. Адаптировала тексты «Нартских сказаний» для детей и разработала методическое пособие для студентов пед-

вузов и учителей «Изучение нартских сказаний в начальных классах». С литературным рассказом публикуется впервые.

ГУДИЕВ Герман (1939–2007) — поэт, прозаик, публицист, кинорежиссер, киносценарист, член Союзов кинематографистов, писателей и журналистов РФ, почетный кинематографист России, заслуженный деятель искусств РСО-Алания. Выпускник ВГИКа, один из любимых учеников Романа Кармена, мастер северокавказской кинодокументалистики. Отдал работе в кино свыше 40 лет, сняв такие известные документальные киноленты (сценарии к ним всегда писал сам), как «Коста Хетагуров» — первый полнометражный фильм о Коста и «Альбом хроникера» — об истории Северо-Кавказской студии кинохроники. Автор поэтических сборников «Молчание», «Горы в Коби», «Княтва вершин», «Бездна» и сборника-эссе о деятелях осетинской культуры «Вершины», за который был удостоен Госпремии им. Коста Хетагурова.

ДЗГОЕВ Аслан-Бек родился в 1918 году в селении Ольгинском Терской области. Советский борец вольного стиля, трехкратный чемпион РСФСР (1951, 1952, 1954) и призер чемпионата СССР (1952). Отличник физической культуры (1949). Мастер спорта СССР (1955). Заслуженный тренер СССР (1957) и судья всесоюзной категории (1958) по вольной борьбе. Основатель осетинской школы вольной борьбы.

Участник Великой Отечественной войны. Ярко проявив себя и как детский тренер — более 60 раз его воспитанники становились победителями первенств СССР по юношам и молодежи. Более 20 учеников Дзгоева стали заслуженными тренерами СССР и России, продолжив ту школу, у истоков которой стоял А. З. Дзгоев. Скончался в марте 1994 года, похоронен на Аллее Славы во Владикавказе.

ЕРМОЛАЕВ Андрей. Родился в городе Орджоникидзе. Учился в СОГУ и СКГМИ, получил профессию биолога и инженера-эколога. Работал по специальности. В настоящее время работает озеленителем и дворником. Публиковался в газете «Осетия. Свободный взгляд». Автор статей: «Озеленил Владикавказ», «Утраченное украшение Владикавказа», «Дом со шпилем».

ПЕНКНОВИЧ Наталья (Соболевская — псевдоним) — родом из Владикавказа, живет в Канаде, в Оттаве. Преподаватель русского языка как иностранного. Окончила филологический факультет СОГУ. До отъезда в Канаду публиковала короткие рассказы в изданиях Владикавказа, впоследствии в «Литературной газете», журнале «Чайка» (Сан-Франциско, США). Серьезно увлекается фотографией. Периодически участвует в международных выставках.

ПЛИЕВА Марина родилась и проживает во Владикавказе. Окончила отделение немецкого языка и литературы факультета иностранных языков СОГУ. Преподавала в школах с. Иран, владикавказской № 38, на кафедре немецкого языка СОГУ. В результате исследования истории Владикавказа стала автором 30 статей, опубликованных в газете «Северная Осетия». Является соавтором книги «Судьбы осетинской эмиграции (США)».

РЕЗНИК Ольга — заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне — редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетию», «Квайса», «Казарла». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021).

ТЕГАЕВ Тамерлан родился в Таджикистане в 1964 году. Окончил Владикавказское училище искусств по классу контрабаса, а позже Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Работал в сфере радио и телевидения, вел авторские передачи. В 90-х занимался бизнесом, владел популярным во Владикавказе музыкальным магазином «Видео-

сити». Писал стихи, прозу, публиковался в различных периодических изданиях.

ТХОСТОВ Саукудз (1870–1941) — педагог, писатель и общественный деятель Осетии начала XX века. Родился в с. Тулатово (ныне г. Беслан). Окончил Ставропольскую гимназию, затем в 1894 году поступил в Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. В конце 1890-х годов совершил морское путешествие из Одессы во Владивосток. Затем отправился в Маньчжурию, где работал инженером на строительстве Восточно-Китайской железной дороги. В 1900 году возвращается в Осетию и занимается педагогической, просветительской и литературной деятельностью. Им записаны тексты осетинских песен, преданий и сказок. Был знаком с Коста Хетагуровым и оставил о нем ценные воспоминания.

Похоронен на старом бесланском кладбище. Автор книг «Путевые очерки Ирона» (1912), «Туризм — экскурсия по горам (Осетия)» (1927). В 2022 году издан сборник «Путевые очерки Ирона», в который вошли как опубликованные при жизни, так и неопубликованные тексты.

ХУБАЕВА Лана родилась в 1979 году во Владикавказе. Окончила исторический факультет Северо-Осетинского госуниверситета им. К. Л. Хетагурова. Кандидат исторических наук. Работает младшим научным сотрудником Института истории и археологии РСО-Алания.

ЦЕРЕКОВ Артур родился в 1965 году во Владикавказе. В 1986 году окончил экономический факультет СОГУ. В 2000 году написал свой первый фантастический роман «Ангелы Большой Войны» (напечатан по главам в еженедельнике «Экран Владикавказа»). В 2004–2006 годах работал штатным собственным корреспондентом газеты «Труд» по Северному Кавказу.

Печатался в различных республиканских СМИ. Возглавлял пресс-центр СОГУ. На сегодняшний день работает собственным корреспондентом газеты «Слово». Лауреат ежегодной премии Главы Северной Осетии за лучшую журналистскую работу 2023 года. Дипломант Всероссийского конкурса журналистских работ «Моя Земля — Россия» (2023). Не женат. Хобби: виниловые пластинки, книги, советские мультфильмы 1950–1960-х годов, собственное родословие и история осетинской военной интеллигенции дореволюционного периода.

ДАРЬЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 4

В оформлении обложки использована картина
Зураба Мостиева «Площадь Штыба» (фрагмент)

ДАРЬЯЛ-2'2024-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru